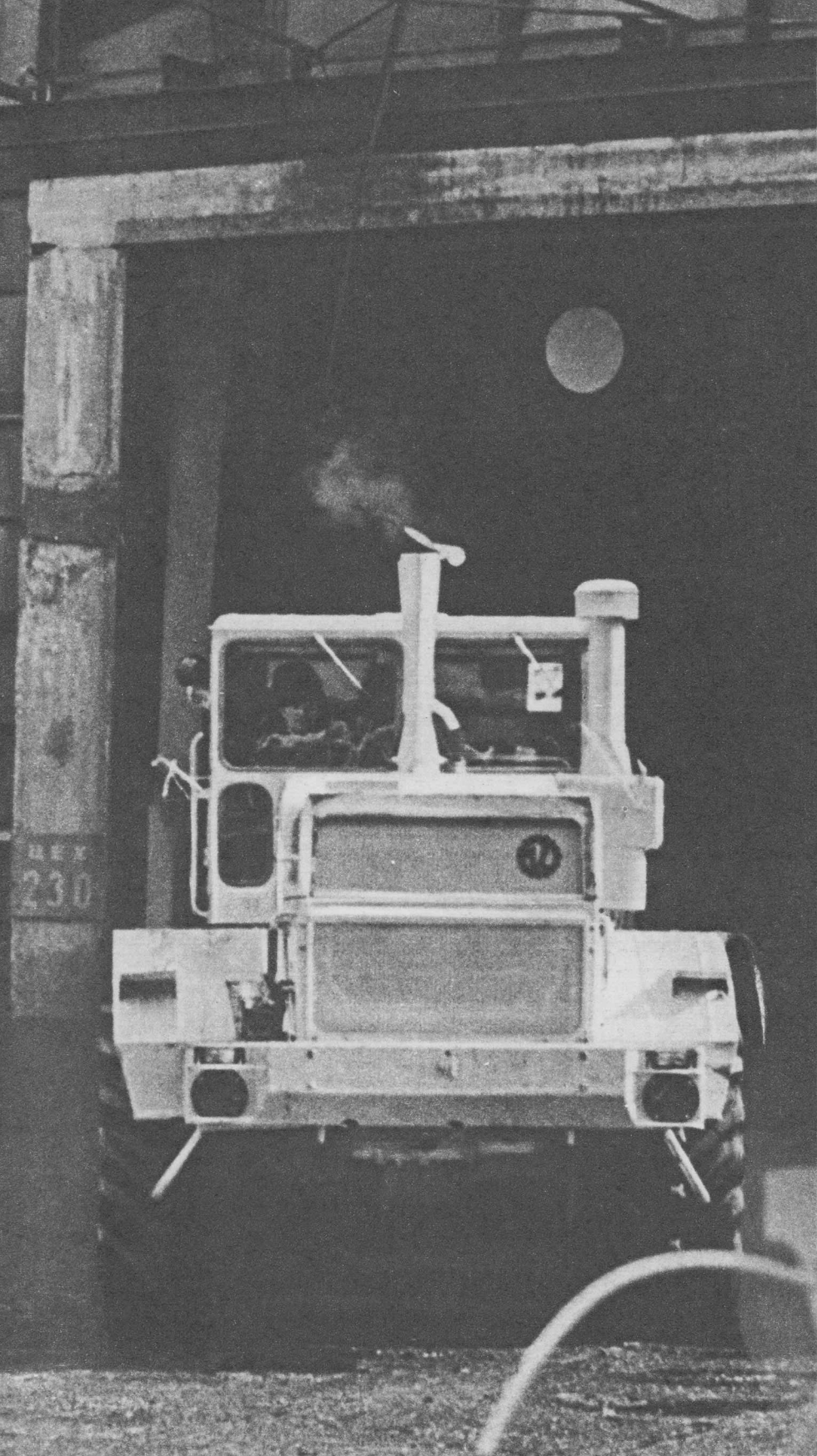
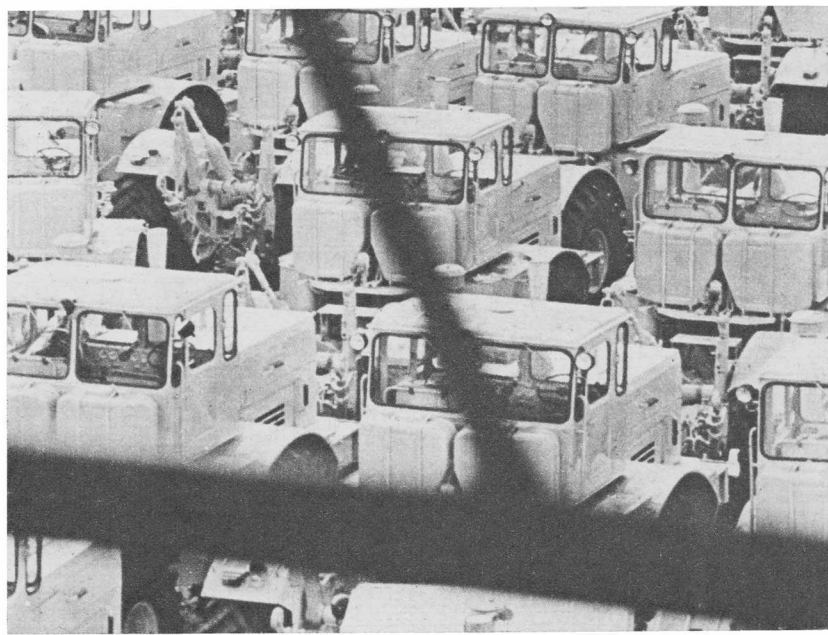

**22 АПРЕЛЯ – ДЕНЬ ПАМЯТИ
ВЛАДИМИРА ИЛЬЧА ЛЕНИНА**

Еще один «Кировец».

Богатыри перед стартом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 16 (2597)

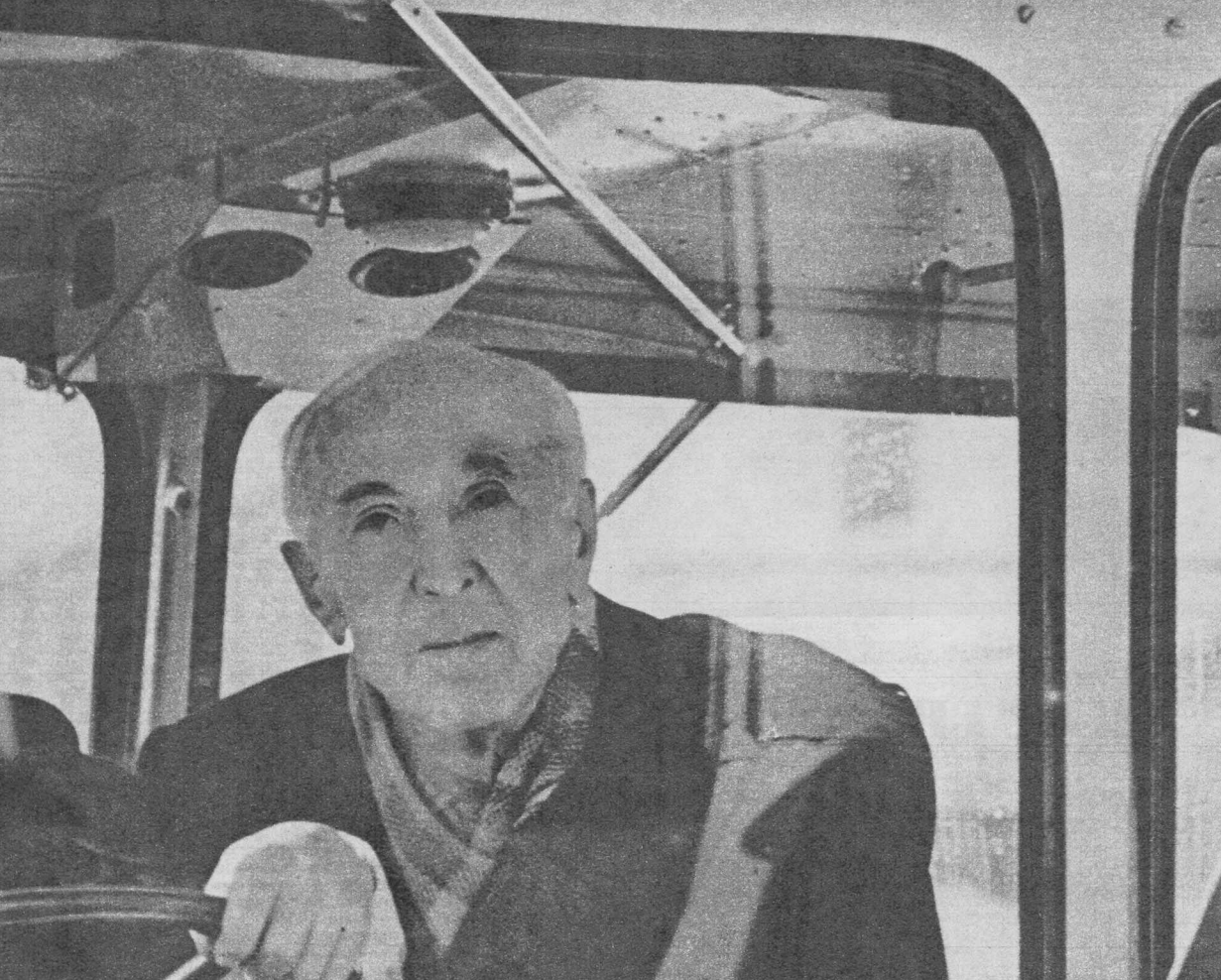
16 АПРЕЛЯ 1977

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». «Огонек». 1977

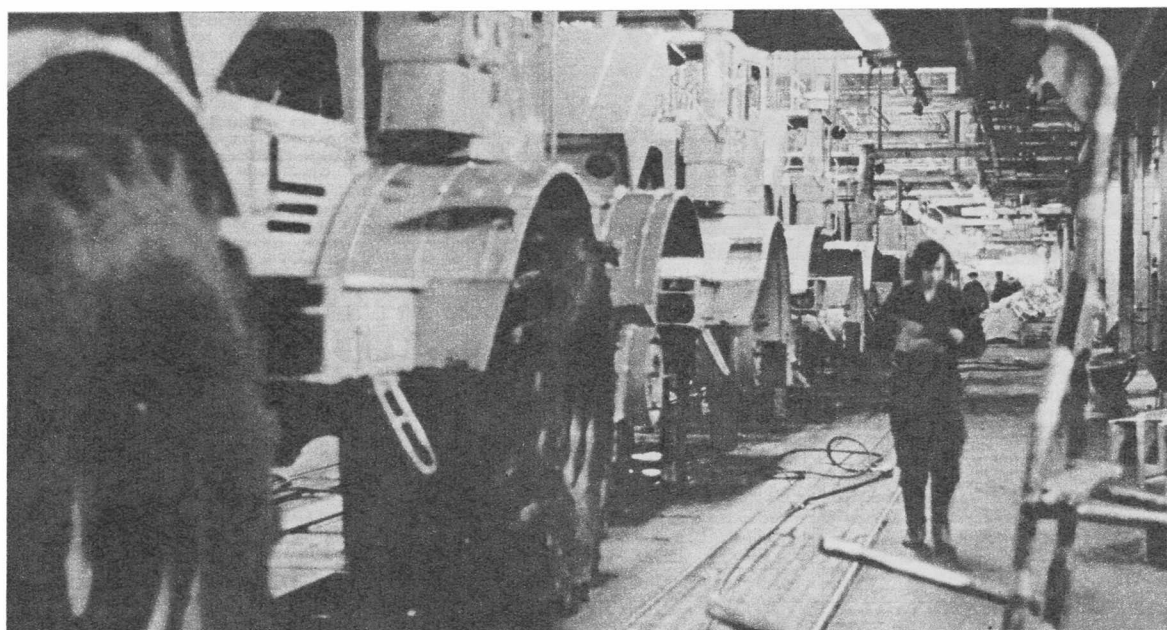
ПРОДОЛЖАЯ СЛАВНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ, БОЕВЫЕ И ТРУДОВЫЕ ТРАДИЦИИ, ВЕРНЫЕ ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА, КИРОВЦЫ, КАК ОДИН ИЗ ПРИЗНАННЫХ ПЕРЕДОВЫХ ОТРЯДОВ РАБОЧЕГО КЛАССА СТРАНЫ, ВНОСЯТ ДОСТОЙНЫЙ ВКЛАД В УКРЕПЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МОГУЩЕСТВА НАШЕГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА, АКТИВНО УЧАСТВУЮТ В СОЗДАНИИ МАШИН, КОТОРЫЕ ОПРЕДЕЛЯЮТ ТЕХНИЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ РЯДА ВАЖНЕЙШИХ ОТРАСЛЕЙ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

Л. И. БРЕЖНЕВ

**ГО
ПРО**

Двое в одной кабине. Водители — испытатели тракторов: Герой Социалистического Труда Ю. С. Антонов и ветеран Кировского завода К. Я. Яковлев.

На главном конвейере.

РОД ЛЕНИНА, СПЕКТ СТАЧЕК...

от первой
до десятой...

Ленинград, проспект Стачек... Один из самых причастных к Великой Октябрьской революции адресов. Отсюда путиловцы шли на штурм Зимнего.

Листаем номер ежедневной газеты производственного объединения «Кировский завод» — «Кировец». Это название принадлежит не только газете, но и десяткам тысяч рабочих, ее читателей. Это название и тракторов, изготавливаемых здесь уже более полувека. Под рубрикой «...в стартовом году десятой пятилетки» читаем: «По сравнению с предыдущими годами увеличилась поставка «Кировцев» на экспорт. В 1976 году выпуск тракторов на экспорт составил третью часть от общего количества машин, поставленных за границу за все предыдущие годы».

И сразу же на память приходят ставшие давно крылатыми ленинские слова: «Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов... (вы прекрасно знаете, что пока это — фантазия)».

Фантазию сделали явью, живой советской действительностью жители и этого вот проспекта, кировцы, рабочие завода, ставшего колыбелью советского тракторостроения: от «Фордзона-Путиловца» до К-701, шагающего по планете. Таков он, героический маршрут ленинградских тракторостроителей, — от первой до десятой пятилетки.

З. ХИРЕН,
специальный
корреспондент
«Огонька»

Фото Н. АНАНЬЕВА.

С четвертой полосы канадской газеты глядит на меня инженер ленинградского производственного объединения «Кировский завод» Борис Николаевич Ураев. Он поднялся в кабину трактора «Кировец», доставленного из Ленинграда в город Риджайна, так сказать, в канадскую «глубинку». Статья в местной газете, где опубликован портрет Ураева и крупным планом советский наш трактор «Кировец», начинается с динамичных строк:

Продолжение
см. на стр. 8.

Проводы на аэродроме.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

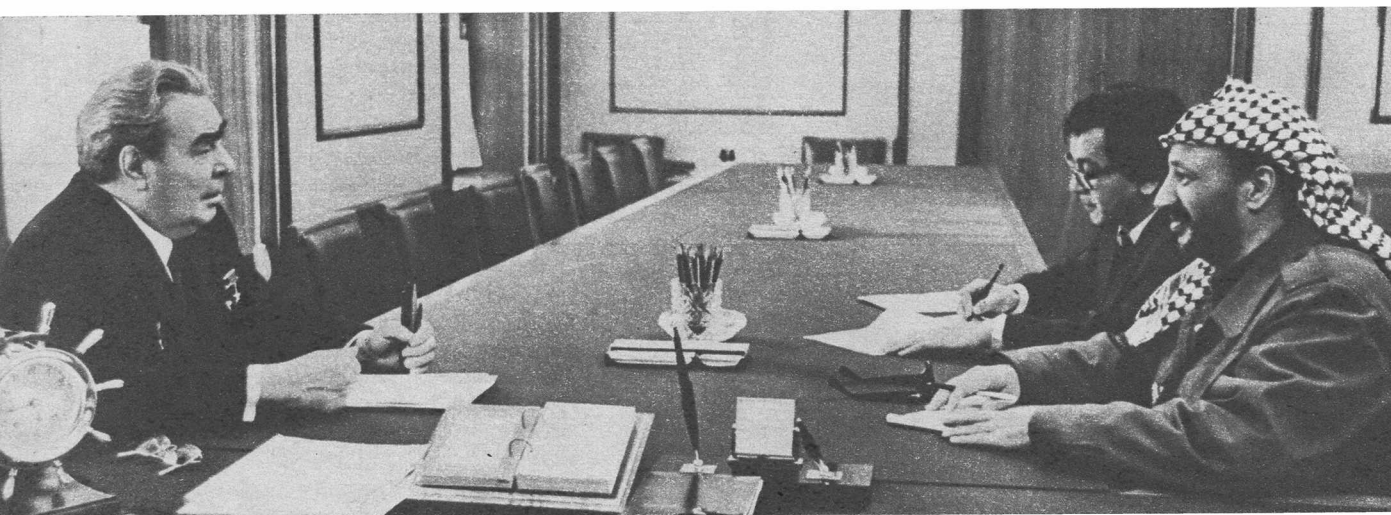
НЕРУШИМОЕ ЕДИНСТВО

По приглашению ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства с 4 по 8 апреля в Советском Союзе находился с неофициальным дружеским визитом Первый секретарь ЦК Компартии Кубы, Председатель Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фидель Кастро Рус.

Во время визита состоялись сердечные дружеские встречи и беседы между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным, членом Политбюро ЦК КПСС, Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным, членом Политбюро ЦК КПСС, министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Первым секретарем ЦК Компартии Кубы, Председателем Государственного совета и Совета Министров Республики Куба Фиделем Кастро Рус и членом Политбюро и Секретариата ЦК Компартии Кубы, заместителем Председателя Государственного совета и Совета Министров Республики Куба К. Р. Родригесом.

Встреча советских и кубинских руководителей подтвердила полное единство взглядов КПСС и Компартии Кубы, Советского Союза и Республики Куба по широкому кругу обсуждавшихся вопросов.

8 апреля Ф. Кастро и сопровождающие его лица отбыли из Москвы.

Во время беседы.

Фото В. ЕГОРОВА (ТАСС)

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С Я. АРАФАТОМ

7 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял в Кремле находившегося в Москве с дружественным визитом председателя Исполкома Организации освобождения Палестины Ясира Арафата.

Беседа проходила в обстановке дружбы. Главное внимание в беседе было уделено развитию обстановки на Ближнем Востоке и роли палестинского движения сопротивления в общепалестинской борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии, за устранение опасного очага напряженности и достижение справедливого и прочного мира в этом районе.

Л. И. Брежнев заявил, что Советский Союз всегда поддерживал и поддерживает арабский народ Палестины, другие народы Ближнего Востока, борющиеся за свою свободу, национальную независимость и социальный прогресс, за всеобъемлющее политическое урегулирование, справедливый прочный мир в этом районе. Он передал мужественным палестинским борцам пожелания больших успехов в деле дальнейшего сплочения своих рядов во имя достижения этих целей.

Во время переговоров.

Фото А. ГОСТЕВА

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению Президиума Верховного Совета СССР и Советского правительства 12 апреля в Советский Союз с официальным дружественным визитом прибыл Президент Республики Афганистан Мухаммед Дауд.

Президента встречали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и другие официальные лица.

12 апреля в Кремле начались советско-афганские переговоры.

С советской стороны переговоры ведут — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный, член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, председатель ГКЭС С. А. Скачков;

с афганской стороны — Президент Республики Афганистан Мухаммед Дауд, министр торговли Мухаммед Хан Джалалар, министр планирования Али Ахмед Хоррам, министр водных ресурсов и энергетики Мухаммед Мохаммади Джума, и. о. министра иностранных дел Вахид Абдулла.

В ходе переговоров, проходивших в дружественной обстановке и атмосфере взаимопонимания, состоялся обмен мнениями по широкому кругу вопросов, относящихся к нынешнему состоянию советско-афганских отношений.

ДНИ СОФИИ В МОСКВЕ

За окном взметнулись вертикали проспекта Калинина, а здесь, в киноконцертном зале «Октябрь», я иду... по Софии. Меня окружают силуэты ее новостроек, зелень парков и мозаика клумб, тишина университетских аудиторий и жар мартовских цехов. Три тысячи фотографий и диапозитивов рассказывают о прошлом и настоящем столицы Болгарии.

Около восьмидесяти улиц и площадей Софии названы именами, связанными с историей нашей дружбы. Читаю таблички с названиями: «Бульвар В. И. Ленина», «Русский бульвар», «Улица Московская»...

— Улица Московская протекает в самом центре, в Ленинском районе, побратим которого — Ленинский район Москвы, — говорит директор выставки Стефан Куртев, сотрудник Софийского городского комитета БКП. — Здесь в 1878 году вступили в город русские освободители. Название улицы — символ и сегодняшней неразрывной связи двух столиц, двух народов. Ведь почти половина продукции, выпускаемой в Софии, — с предприятий, построенных с помощью СССР. Это Кремниевский металлургический комбинат — его главным проектировщиком был московский институт «Гипромез», это завод «Электроника», домостроительный комбинат, хлебозавод «Дружба» и многие другие. Триста софийских предприятий и столько же московских установили прямые деловые контакты, например, завод металлорежущих станков и ваш «Красный пролетарий». Имя Героя Социалистического Труда Болгарии фрезеровщика Константина Джатева так же хорошо известно на «Красном пролетарии», как и его коллеги из Моск-

вы Героя Социалистического Труда Анатолия Рыбакова — в Софии. Они первыми заключили друг с другом договор об обмене опытом. А два года назад в городском комитете БКП была создана специальная школа по внедрению передового опыта московских трудящихся. В том, что софийцы следуют примеру москвичей, вы убедитесь, побывав на любом заводе или стройке. Жилые дома у нас возводятся по методу Николая Злобина. В коммунальном хозяйстве внедряется комплексная система управления — как в городе-побратиме. А в ближайшем будущем жители Софии получат такой же удобный вид транспорта, каким гордится Москва, — метро. И не исключено, что одна из новых софийских улиц будет названа в честь московских метростроителей...

Выставку «София древняя и молодая» посетила делегация болгарской столицы во главе с членом Секретариата ЦК БКП, первым секретарем Софийского горкома партии Г. Йордановым. Вместе с гостями были член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МКГ КПСС В. В. Гришин, другие официальные лица.

Выставка в зале «Октябрь» была организована в рамках дней Софии, проводившихся в Москве с 4 по 10 апреля. Их девизом могли бы стать слова, которые я увидел здесь в книге отзывов: «Горжусь успехами братского болгарского народа, судьба которого для меня, участника освобождения Болгарии, близка и дорога. Пусть же наша дружба растет и не стареет, как растет и не стареет красавица София! В. А. Фоменко, Ворошиловград».

Б. ЛАБУТИН

Во время осмотра выставки.

Фото И. УТКИНА (ТАСС)

ПРАВО НА ГОСУДАРСТВО

Владимир КУДРЯВЦЕВ

Современная история народов Ближнего Востока еще раз показала, что нельзя физически уничтожить целый народ, нельзя его лишить права на родину и в конечном счете на независимое существование в границах своего собственного государства. Пример тому показывает арабский народ Палестины, который империалисты и сионисты лишили родины, превратили в значительной степени в народ-изгнанник, в народ-беженец. В то же время, как подчеркнул в беседе с председателем Исполкома Организации освобождения Палестины (ООП) Ясиром Арафатом Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, палестинское сопротивление стало «одним из передовых отрядов арабского национально-освободительного движения». Его всегда поддерживали и поддерживают Советский Союз и другие социалистические государства, подавляющее большинство развивающихся стран. ООН официально признала ООП единственным законным представителем и выразителем интересов арабского народа Палестины.

А ведь совсем недавно, в самый разгар событий в Ливане, многие представители Запада пророчили, если не полное исчезновение палестинцев, то, во всяком случае, ослабление их движения на долгие годы. Надо подчеркнуть, что на это рассчитывают и в настоящее время не только империалисты США, но также израильские сионисты, но также и арабская реакция, а в последнее время и правое крыло национально-освободительного движения на Арабском Востоке. Всем им палестинское движение сопротивления (ПДС) мешает осуществлять политику сделок между Израилем и арабскими странами при посредничестве США за счет национальных интересов арабских народов.

Поэтому в последние месяцы, помимо расчетов на полное обескровливание ПДС в процессе ливанских событий, империалисты и арабская реакция пытались превратить ПДС в орудие своей узкокорыстной политики. На языке циников из буржуазной прессы Запада это называется «приручением» палестинских партизан. Все эти замыслы сорвались, и ПДС вышло из полосы тяжелых и кровавых испытаний, как это показала XIII сессия Нацио-

нального совета Палестины (фактически парламент), более сплоченным, единым и готовым к дальнейшей борьбе.

Провал попыток ликвидировать палестинское движение сопротивления в ходе ливанских событий вынудил новое американское правительство признать существование палестинской проблемы как составной части ближневосточного кризиса и, продолжая не признавать вместе с Израилем Организацию освобождения Палестины, выдвинуть проекты «решения» этой проблемы, разумеется, в интересах империализма и сионизма. Как сказал Дж. Картер, для палестинцев нужно сделать «кое-что». Это «кое-что» оказалось обещанием предоставить палестинским беженцам (а не народу!) так называемый «хоумлэнд» (в переводе с английского — «родину»). Где этот «хоумлэнд» будет предоставлен палестинцам, на чьей территории — неизвестно, хотя печать намекает на Иорданию. Словом, на поверку оказывается, что «хоумлэнд» — это оседлый, больших масштабов лагерь для палестинских беженцев, которые будут целиком зависеть от того государства, на территории которого «хоумлэнд» будет расположен. Не ясно ли, что такой план является американским вариантом «приручения» палестинцев.

Куда конь с копытом, туда и рак с клешней, говорят в народе. Президент АРЕ А. Садат, который только еще недавно выставлял себя поборником создания независимого палестинского государства, сразу же подстроился под позицию Белого дома, заявив во время визита в США, что он выступает, как он выразился, за предоставление палестинцам какого-то «государственного образования». В это понятие вполне можно вставить и «хоумлэнд». За предоставление палестинцам «родины», а не государства, как об этом заявлялось раньше, высказались и французские руководители, явно сползая на произраильскую позицию после переговоров министра иностранных дел Луи де Гиренго с руководителями Израиля.

Вот почему товарищ Л. И. Брежнев и в речи на XVI съезде профсоюзов СССР и в беседе с Я. Арафатом особо подчеркнул, что всеобъемлющее ближневосточное урегулирование включает своим неотъемлемым элементом обеспечение законных национальных прав арабского народа Палестины, его права на самоопределение, вплоть до создания независимого палестинского государства.

Нетрудно заметить, что вопрос о праве палестинцев иметь собственное суверенное государство на своей земле тесно связан и с другими вопросами мирного урегулирования, в частности с требованием полного вывода израильских вооруженных сил со всех оккупированных территорий. В их освобождении в первую очередь заинтересован именно палестинский народ.

До сих пор, несмотря на разные заговоры и уловки, империалистам и сионистам не удалось уничтожить или «приручить» палестинский народ. Не удастся им это и впредь, поскольку он борется не только за свои права и национальные интересы, но и за всеобъемлющее политическое урегулирование, справедливый прочный мир на Ближнем Востоке. А в этом заинтересованы все миролюбивые народы. Поэтому палестинскому народу обеспечена их растущая поддержка и сочувствие.

МОСКВА

16 АПРЕЛЯ — КОМУНИСТИЧЕСКИЙ СУББОТНИК

В этот день весь наш народ будет трудиться с большим подъемом. Строить дома и производить машины, возделывать поля и украшать улицы наших городов. И все это безвозмездно. Потому что деньги, заработанные на Всесоюзном коммунистическом субботнике, пойдут в общий, всенародный фонд.

Средства, заработанные на субботниках, столь велики, что на них можно построить и крупнейшие научные центры, и больницы, и детские сады, и школы... В нынешнем году, например, близ Тушина начнется строительство самой большой в Москве детской больницы на 1000 коек.

А за Рублевским шоссе, около деревни Черепково, уже поднимаются ввысь корпуса Всесоюзного кардиологического центра. Окружающие его рощи и перелески словно для того и были предназначены, чтобы охранять тишину и покой этого научно-исследовательского комплекса.

Здесь возводятся клинический корпус, лаборатории, виварии; заканчивается сооружение хозяйственной зоны, состоящей из восьми зданий. Сметная стоимость всего строительства — 38 миллионов рублей, и все эти деньги заработали москвичи на субботниках.

Центр делится как бы на три зоны, каждая из которых имеет статус института: теоретической, клинической и социально-профилактической кардиологии. Здесь будут проводиться фундаментальные исследования в области сердечно-сосудистых заболеваний, решаться вопросы их профилактики; сюда пойдет постоянный поток специалистов-медиков из самых различных районов. Словом, центр объединит все периферийные центры нашей страны.

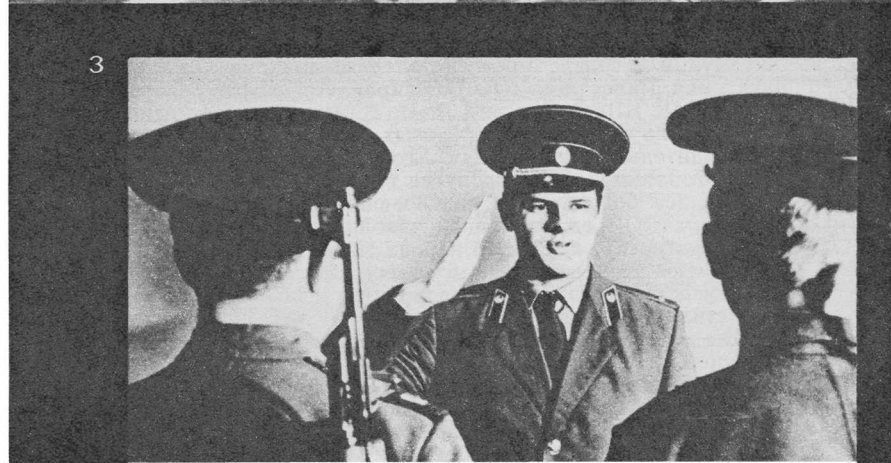
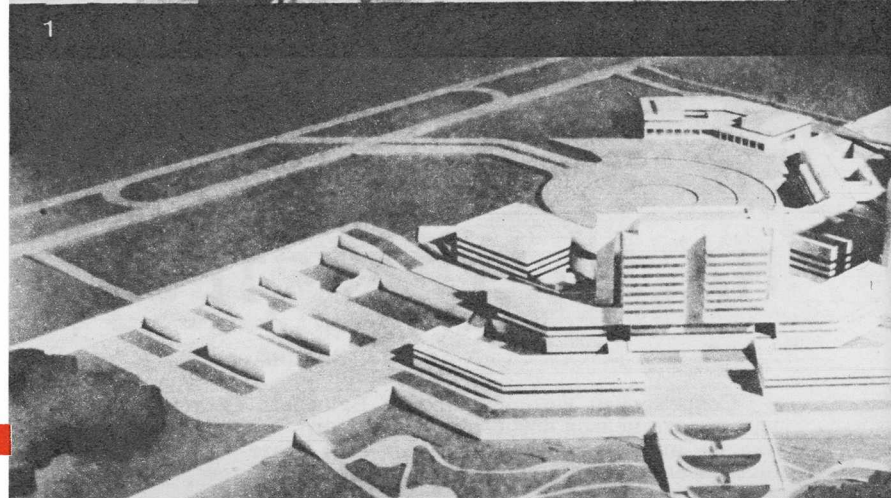
В клиническом институте предусмотрено отделение с блоком интенсивных наблюдений за больным. Отделение интенсивной терапии — своего рода больница в больнице. В целом же клиника будет осуществлять комплексное лечение и последующее восстановление здоровья больных. Самым многолюдным станет клинический институт, который возьмет на себя и функции социологические, в частности составление социальной карты сердечно-сосудистых заболеваний на основе массовых обследований. Специальные бригады поедут не только на отдельные предприятия Москвы, но и в другие города и в сельские районы.

Всесоюзный кардиологический центр, проектируемый большой группой московских архитекторов, объявлен Всесоюзной ударной комсомольской стройкой, сегодня здесь работают сотни энтузиастов, приехавших из Брянской, Читинской, Рязанской и других областей.

Л. КОРОБОВА
Фото А. БОЧИНИНА

На снимке: Всесоюзный кардиологический центр строится...

Таким он будет.

УЗБЕКИСТАН

ЖИВОЕ СЕРЕБРО

Прудовые хозяйства Узбекистана дают в среднем около двадцати центнеров «живого серебра» с каждого гектара водной площади. А рыбовод Н. Абдулин из Аккурганского рыбокомбината сумел довести урожайность своего участка до 78 центнеров!

— Водоемы у нас практически не замерзают, за исключением тех, что в Каракалпакии и Хорезмской области, — говорит начальник Управления рыбного хозяйства Узбекской ССР Ю. М. Аминов. — Все водоемы имеют приток свежей воды. Но до недавнего времени мы занимались в основном прудовым хозяйством, теперь же взялись за озера. В наших озерах, если провести там небольшие подготовительные работы, можно бу-

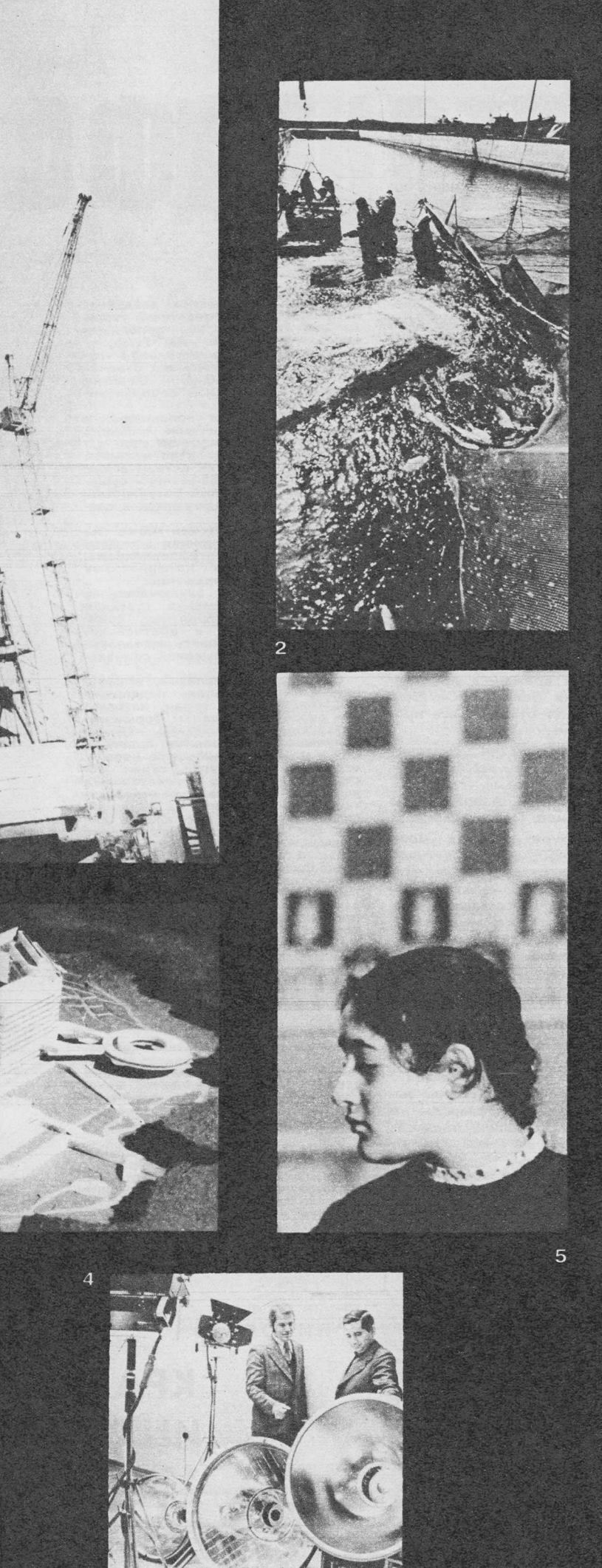
дет вылавливать сто — двести килограммов рыбы с гектара. В первую очередь планируем освоить Арнасайскую озерную систему, где наиболее перспективно озеро Тузкан. Хотим наладить производство карася, судака, жереха, сома, усача, белого амура, толстолобика. Готовим большое количество личинок рыб ценных видов. Из них шестьдесят миллионов штук — для Арнасайских озер.

В. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

На снимке: отлов рыбы на Аккурганском рыбокомбинате.

Фото В. Сваричевского

ПО СТРАНЕ СОВЕТ

2

5

НА БЕРЕГУ

В кабинете начальника заставы горит свет. Валдо Вольдемарович Клиймаск, сидя за большим столом, что-то пишет. Откладывает ручку, смотрит на часы. 18.37. Скоро для него начнутся последние пограничные сутки на этой заставе. Получено новое назначение.

О чем он думает? Вероятно, перебирает в памяти годы, проведенные на этом участке границы? Сменяются на заставе поколения пограничников, но темную и уже далекую ночь со 2 на 3 сентября 1951 года здесь не забывают.

...Ничто не предвещало тогда беды. Согласно приказу, уходили и возвращались наряды, а свободные от службы воины отдыхали. Время от времени тишину разрывали телефонные звонки: дежурный принимал информацию с границы. И вдруг: «К берегу идет лодка!» Команда последовала мгновенно: «Застава, в ружье!» На помощь наряду поспешил и сам начальник заставы, старший лейтенант Михаил Матвеевич Козлов.

...Их было четверо — четверо хорошо вооруженных диверсантов. Выйдя на берег, они бросились к лесу, но нарушителей остановил резкий оклик: «Стойте! Руки вверх!» В ответ загрохотали автоматы. Тяжело раненый, Михаил Козлов руководил боем до тех пор, пока не был уничтожен последний диверсант.

...По стойке «смирно» замер четкий строй пограничников. — Товарищ майор, личный состав на боевой расчет построен! — докладывает лейтенант Козлов.

Клиймаск внимательно смотрит на молодого офицера — своего заместителя. Это сын героя, Юрий.

— Слушай боевой приказ! — четко выговаривает начальник заставы. — На охрану государственной границы Союза Советских Социалистических Респуб-

лик сегодня назначаю: старшего лейтенанта Козлова...

— Старший лейтенант Козлов пал смертью храбрых за нашу Советскую Родину! — громко отвечает правофланговый.

В двух километрах от заставы, там, где перешептываются высокие сосны, на берегу моря стоит камень с мраморной плитой. Надпись: «На этом месте 3.IX. 1951 года героически погиб Козлов М. М.». Тишина...

Несколько лет назад на заставу прибыл служить рядовой Юрий Козлов. Ему не было и трех месяцев, когда погиб отец. Подростая, мальчик много слышал о его подвиге и, когда вырос, пошел служить на границу, на заставу отца. Позже рядовой Козлов принял новое решение: стать офицером. Минувшие четыре напряженных года занятий в Высшем пограничном училище, и Юрий Козлов, теперь уже в погонах лейтенанта, появился на «своей» пограничной заставе.

...Уходят в темноту пограничники. Среди них наверняка есть и уроженцы Алтая: стало традицией, что на заставе имени М. Козлова служат земляки легендарного командира. Уходя, они на минуту застывают у серого обелиска с барельефом М. М. Козлова.

...Моросит колючий прибалтийский дождь. Лейтенант Козлов уехал проверять наряды. С завтрашнего дня он начальник заставы. Сын принял эстафету отца.

А Валдо Вольдемарович Клиймаску всю последнюю ночь снилась граница. Берег. Узкая полоса песка. Перья выгоревшей травы...

Александр ХАРЧЕНКО

Фото П. Кузнецова.

На снимке: лейтенант Юрий Козлов: «Вам приказываю...»

3

ТЕРНОПОЛЬ

СВЕТОВАЯ ПАРТИТУРА ОЛИМПИАДЫ

Больше ста видов различных светильников выпускает производственное объединение «Ватра» в украинском городе Тернополе. Многие из них со Знаком качества. Скоро фирменная марка предприятия станет еще более известной. Коллективу «Ватры» поручено изготовить комплекс технического оборудования для освещения спортивных площадок «Олимпиады-80» в Москве с учетом, что оттуда будут вестись цветные телевизионные передачи.

Каждое спортивное сооружение будет иметь свою световую программу, на каждый вид спорта ЭВМ «распишет» свою световую партитуру.

На снимке: инженеры-конструкторы Степан Иванович Чубатый и Петр Федорович Скоробогатый в лаборатории, где создаются прожекторы для предстоящей Олимпиады.

А. АФАНАСЬЕВ
Фото автора.

4

ТБИЛИСИ

Самая юная претендентка

Девятиклассница 1-й тбилисской средней школы шестнадцатилетняя Майя Чибурданидзе — самая юная участница матча претенденток на первенство мира по шахматам.

Уже в тринадцатилетнем возрасте Майя добилась замечательного успеха: она стала международным мастером спорта, а за успех на тбилисском межзональном турнире 1976 года получила право на звание международного гроссмейстера.

Скоро в четвертьфинальном матче Майя Чибурданидзе встретится с другой известной грузинской шахматисткой, международным гроссмейстером Наной Александрией. Тбилисская девятиклассница серьезно готовится к этой встрече.

На снимке: Майя Чибурданидзе.

Фото С. Киладзе

5

Юрий Александрович ЗАВАДСКИЙ

Советское искусство понесло большую утрату. На 83-м году жизни скончался выдающийся деятель советского театра, народный артист СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, главный режиссер Государственного академического театра имени Моссовета, профессор Юрий Александрович Завадский.

Верный сын Коммунистической партии Ю. А. Завадский с первых дней Великого Октября посвятил свою жизнь становлению и развитию советского театра.

Воспитанник К. С. Станиславского и Е. Б. Вахтангова, он был одним из талантливых продолжателей дела своих великих учителей, активным пропагандистом советской драматургии.

В актерском и режиссерском творчестве Ю. А. Завадский утверждал принципы искусства социалистического реализма, стремился к глубокому идейно-художественному раскрытию явлений современной действительности. Его работы были на-

сыщены гражданским пафосом, проникнуты острым ощущением времени, отличались поэтичностью и яркостью формы. Он постоянно искал источник своего творческого вдохновения в жизни, рабочих коллективах, с которыми был тесно связан.

Ю. А. Завадского отличала высокая культура, стремление передать свои разносторонние знания в книгах и статьях по искусству, встречах с деятелями театра, в лекциях и практических занятиях с молодежью. Более тридцати пяти лет он преподавал в Государственном институте театрального искусства им. А. В. Луначарского, где воспитал не одно поколение замечательных артистов и режиссеров.

Ю. А. Завадский был не только ярким режиссером и артистом, но и замечательным организатором театрального дела. С 1940 года он руководил Театром им. Моссовета, отдавая все свои силы созданию и развитию этого талантливого художественного коллектива. Ю. А. Завадский занимался активной общественно-политической деятельностью. Он был членом Советского комитета защиты мира, президентом театральной секции Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, членом президиума Всесоюзного театрального общества.

Трудящиеся Москвы неоднократно избирали Ю. А. Завадского депутатом городского Совета.

Советское государство высоко оценило заслуги Ю. А. Завадского, присвоив ему звание Героя Социалистического Труда. Он был награжден четырьмя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени, медалями Советского Союза.

Юрий Александрович Завадский останется в нашей памяти как выдающийся художник советского театра, коммунист, отдавший весь свой щедрый талант служению народу.

Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, М. С. Соломенцев, М. В. Зинин, И. В. Капитонов, К. У. Черненко, В. Н. Макеев, В. Ф. Промыслов, В. Ф. Шауро, С. Г. Лапин, Ф. Т. Ермаш, Ю. Я. Барабаш, Ю. К. Борисова, К. В. Воронков, А. Н. Грибов, Е. Н. Гоголева, И. О. Горбачев, О. Н. Ефремов, М. И. Жаров, И. В. Ильинский, З. М. Круглова, Л. А. Кулиджанов, Л. Ф. Лосев, В. П. Марецкая, Г. М. Марков, Ю. С. Мелентьев, М. В. Пашков, Р. Я. Плятт, Н. А. Пономарев, Ф. Г. Раневская, А. А. Рапохин, А. В. Романов, Е. Р. Симонов, А. И. Степанова, Н. С. Тихонов, Г. А. Товстоногов, Ю. В. Толубеев, З. П. Туманова, Г. С. Уланова, К. А. Федин, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, Б. П. Чирков, Л. В. Шапошникова.

Представители двух континентов, посланцы литературной общности 16 стран Азии и Африки, собравшись в столице Советского Азербайджана Баку на очередную сессию постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки. Среди участников бакинской сессии были видные писатели и поэты: Фаиз Ахмад Фаиз из Пакистана, Алекс Ла Гума (ЮАР), Субхас Мукерджи (Индия), Антониу Кардозу (Ангола) и другие. Из НДР приехал на встречу Абдурахман Ибрагим, палестинские литераторы были представлены Мухаммедом Аш-Шаэром. В советскую делегацию входили секретари СП СССР К. Яшен, Н. Федоренко, И. Касумов, а также М. Ибрагимов, О. Сулейменов, А. Софронов.

Участники встречи возложили цветы к памятнику В. И. Ленину и к мемориалу 26 бакинских комиссаров.

Открыл сессию председатель Советского комитета по связям с писателями стран Азии и Африки Камилль Яшен. Он отметил, что бакинская встреча проходит в знаменательное время — в преддверии 60-летия Великого Октября, которое будет отмечать все прогрессивное человечество.

Участников встречи сердечно приветствовал на азербайджанской земле первый секретарь правления СП Азербайджана Имран Касумов. Он заявил:

— Литература является мощной силой формирования судеб человечества, она неустанно обогащает наши познания жизни, помогает людям найти верный путь в бурном житейском море. Вот почему так высока ответственность писателей в современном мире. Сознывая все это, в авангарде борьбы народов за мир и прогресс идут писатели социалистических и развивающихся стран, передовые мастера культуры, живущие на всех континентах земного шара.

С яркой речью на сессии выступил заместитель генерального секретаря Ассоциации, писатель из ЮАР Алекс Ла Гума.

— Дорогие друзья, — сказал он, — позвольте вам напомнить, что приближается славная годовщина нашего движения. В буду-

ПАФО

щем году мы отметим двадцатилетие Ассоциации писателей стран Азии и Африки... Мы приближаемся, — продолжал Ла Гума, — к еще одной знаменательной годовщине. В этом году мы отмечаем славный юбилей — 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции.

Народы бывших колониальных стран и представители народов, которые еще борются за свое освобождение, получили по меньшей мере два важнейших исторических урока в течение 60-летнего существования Советского государства. Эти два урока заключаются в следующем.

Во-первых, Советский Союз на своем примере покончил с мифом о непобедимости империализма. Он доказал, что империализму можно нанести поражение.

И второй урок заключается в том, что сравнительно отсталая страна при благоприятных социальных условиях в кратчайший срок может преодолеть отсталость и достичь самой высокой социальной формы.

Сила идей социализма, моральная и материальная поддержка социалистических стран, которую они оказывают странам, борющимся за свое освобождение, недавно получили блистательное воплощение в победе вьетнамского народа, освобождении других стран Восточной Азии и в блистательных успехах национально-освободительного движения на африканском континенте. Вот почему для нас так важно всякое выражение солидарности социалистических стран и антиимпериалистического освободительного движения.

Кто мог себе представить еще в недавнем прошлом, что такая маленькая страна, как Куба, может прийти на помощь и оказать реальную поддержку такому континенту, как Африка!

Я думаю, что и Кубе, этой маленькой стране, приложима поговорка, применительная к литературным произведениям. Говорят, о книге не надо судить по ее размерам, а надо судить по содержанию.

И мне приятно отметить, что национально-освободительное движение, помощь социалистических стран и их сотрудничество находят воплощение и отражение в творчестве лучших и наиболее прогрессивных писателей Азии и Африки.

Но мы не должны обольщаться и успокаиваться победами. Мы живем в трудное время, когда империализм, потерпев поражение на поле битвы, прибегает к другим методам и ведет против нас идео-

Часть I

В. НИКОЛАЕВ

КРАХ ИЦХАКА

Бурное заседание в кнессете (израильском парламенте).— В. Н.]. Шум и гвалт.

Набрасываясь на своих оппонентов, представители разных партий обвиняют друг друга в коррупции, взяточничестве и прочих преступлениях, связанных с незаконной наживой при использовании служебного положения.

Председательствующий все же наводит порядок. Члены кнессета наконец прекращают галдеж и, как положено, начинают выступать с трибуны один за другим.

Оратор сменяет оратора. Они зачитывают документы, цитируют сообщения прессы о взяточничестве в государственном аппарате Израиля, перечисляют имена тех

высокопоставленных лиц, кто уже попался с рукой.

Дебаты заканчиваются оптимистически: собравшиеся единодушно поручают премьер-министру Ицхаку Рабину лично возглавить кампанию по борьбе с коррупцией.

Несколько ораторов характеризуют Рабина как самого порядочного из всех руководителей Израиля.

Премьер-министр охотно принимает это поручение и заверяет,

С ЕДИНСТВА

логическую войну. И эта идеологическая атака империализма бросает вызов нам, писателям, прежде всего потому, что идеология — это как раз сфера нашей деятельности, сфера нашей борьбы.

Наша задача, задача писателей — приравнять перо к штыку и принять вызов империалистов, атаковать их именно на этом поле битвы. В этом, как я считаю, заключается наша важнейшая задача. И мне представляется, что наша деятельность в будущем должна определяться нашей решимостью с этой задачей справиться.

Представитель Анголы **Антониу Кардозу** внес тепло встреченное собравшимися предложение о проведении в 1978 году в Анголе VI конференции афро-азиатских писателей.

В своем выступлении Антониу Кардозу привел слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, сказавшего с трибуны XXV съезда Коммунистической партии Советского Союза, что главным критерием оценки общественной значимости любого произведения была и остается его идейная направленность.

— Мы целиком и полностью поддерживаем это положение, — сказал Кардозу, — и считаем, что советская литература является достойным образцом участия в формировании политического сознания народных масс. Такой же характер носит литература других социалистических стран, таков конечный результат литературных произведений прогрессивных писателей.

В Анголе литература сыграла очень важную роль в пробуждении самосознания угнетенных народных масс, для борьбы за национальную независимость. Патристическая ангольская литература имеет давние традиции, так как она зародилась еще в XIX веке и, несмотря на жестокие репрессии колониальных властей в отношении писателей, была и после провозглашения независимости продолжает быть литературой, прочно связанной с борь-

бой ангольского народа на пути к великой стратегической цели революции — социализму.

— Наша борьба, — заявил Антониу Кардозу, — это борьба за литературу нового типа, потому что наша борьба — это борьба за уничтожение эксплуатации человека человеком, потому что наша борьба — это борьба против империализма, потому что наша борьба — это борьба всех угнетенных народов мира. Борьба продолжается, победа неизбежна.

— Я приехала из маленькой страны, — сказала в своем выступлении делегат из Сьерра-Леоне **Баба-Джингида**, — но она играет заметную роль в культурной жизни на африканском континенте.

Баба-Джингида подчеркнула, что победа народа Анголы имеет огромное национальное и символическое значение. В заключение своего выступления она сказала, что придает особое значение той кампании, которая должна быть немедленно развернута в африканских и азиатских странах, чтобы все знали о готовящейся VI конференции писателей Азии и Африки в Анголе.

На заседании выступил представитель Комитета солидарности с писателями стран Азии и Африки из Германской Демократической Республики товарищ Макс Кюн, рассказавший собравшимся о выпуске журнала «Лотос» на английском и французском языках.

На бакинской сессии в ряды Ассоциации были приняты писательские организации еще четырех стран: Ливии, Мавритании, Мадагаскара и Турции.

Литературные премии «Лотос» Ассоциации писателей стран Азии и Африки за 1976 год присуждены Михаилу Шолохову, поэту из Индии Субхасу Мукерджи, египетскому писателю Тауфику аль-Хакиму.

Участниками сессии был утвержден план специального номера журнала «Лотос», посвящен-

сетитель, — я хочу внести деньги на счет мистера Ицхака Рабина.

— Ах, конечно, пожалуйста!

На лице клерка полное понимание, каким и должен обладать банковский служащий. Уж он-то знает о потоке американских финансов, перекачиваемых в Израиль. А тут какой-то оригинал желает внести деньги не в фонд помощи Израилю, а лично увеличить счет самого премьер-министра! И это можно...

Посетитель протягивает клерку деньги и получает в обмен на них квитанцию.

Крупно, во весь экран эта банковская квитанция.

Часть III

Та же квитанция, воспроизведенная на газетной полосе. Под

Во время заседания постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Фото А. Тавакалова

ного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

В заключение бакинской сессии постоянного бюро Ассоциации писателей стран Азии и Африки была единодушно принята Общая политическая декларация, в которой, в частности, говорится:

Скоро народы Советского Союза будут праздновать 60-летие Великого Октября, и мы горячо поздравляем первое социалистическое государство в мире и искренне желаем успехов и еще более впечатляющих свершений в будущем.

Для нас, писателей стран Азии и Африки, борьба наших народов за освобождение человека от голода, нищеты, политического и экономического порабощения, от угнетения всех и каждого, короче, от всех враждебных пороков, присущих империалистической и колониальной системам, яв-

ляется не просто этической или теоретической проблемой, а делом глубокой личной ответственности. Вот почему мы с радостью констатируем, что тесное сотрудничество социализма и национально-освободительного движения привело к появлению десятков молодых независимых государств и приблизило окончательный крах колониальной системы.

Декларация приветствует инициативу союзов писателей социалистических стран о проведении международной встречи писателей в Софии в июне 1977 года под девизом «Писатель и мир: дух Хельсинки и долг мастеров культуры» и выражает решимость всех прогрессивных литераторов стран Азии и Африки сделать все возможное, чтобы приблизить достижение заветных устремлений человечества к свободе, равенству, прочному миру, счастью и благосостоянию всех народов мира.

[СЦЕНАРИЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА]

РАБИНА

что в самом ближайшем будущем с коррупцией в стране будет покончено.

Часть II

Вашингтон. Солидный банк. За торжественно восседает клерк.

К нему обращается гражданин:

— Можно сделать вклад?

Клерк оживает:

— Желаете открыть свой счет?

Мы будем счастливы...

— Нет, нет, — прерывает его по-

ней текст, который диктор читает дрожащим от волнения голосом. Он сообщает зрителям о том, что по закону граждане Израиля не могут иметь счета в иностранных банках. Это — серьезное уголовное преступление.

Часть IV

Бурное заседание в кнессете. Шум и гвалт. Словом, полный повтор начала 1-й части.

Но есть и различие. Шум стоит вокруг только одного имени премьер-министра. Но на сей раз новой кампании по борьбе с коррупцией не объявляется, поскольку руководить таковой уже некому.

Один из сторонников Рабина пытается доказать, что счет в вашингтонском банке принадлежал

не премьер-министру, а его жене. Тут же документально подтверждается, что супруги распорядились счетом на равных.

Другой сострадатель зачитывает высказывание супруги премьер-министра по поводу случившегося: «Все мы простые смертные, и нам свойственно ошибаться».

Растроганные сторонники Рабина плачут от умиления. Оппозиция негодует.

Часть V

Рабин пишет заявление об отставке и о выходе из списка своей партии на предстоящих в мае выборах в кнессет.

Звучит популярная оперная ария «Люди гибнут за металл...».

— Конец —

ГОРОД ЛЕНИНА, ПРОСПЕКТ СТАЧЕК...

Начало см. на 2-й стр.
обложки

«Русские не приходят, они не в пути, не в стадии движения, они уже здесь, у нас в Риджайне. И они — это двухсотдвадцатисильные тракторы, построенные в Ленинграде для сельскохозяйственных работ. Это первая партия в серии поставляемых Канаде из Советского Союза земледельческих орудий, закупленных компанией «Беларусь Эквипмент оф Канада», находящейся на Виктории-авеню, 1739 ист.

Первое впечатление о русском тракторе — это средоточие громадной силы. Трактор не просто нравится, а вызывает симпатию. Это рабочая лошадь, не показная, не выставочная, а труженица, которая, безусловно, завоеует всеобщую симпатию наших фермеров. Да, наша фирма может предложить и другие колесные тракторы, которые, возможно, будут выглядеть куда изящнее... Но, увы, они не так впечатляющи, как это вот, любовно выражаясь, «русское чудо-вище», «русский зверь», предназначенный для самых трудных, самых сложных, самых разнообразных полевых работ.

Короче говоря, трактор обладает чертами, которых нет ни у одного другого».

Читаю газету и время от времени поднимаю глаза на своего собеседника, сидящего напротив меня за невысоким столом в ленинградской гостинице. Спрашиваю: действительно ли в Канаде наш трактор достиг такой популярности, не обычная ли это газетная реклама?

Молодой человек, высокий, подтянутый, в спортивной курточке, светлых клетчатых брюках, улыбается:

— Сказать по правде, когда я прочитал статью и увидел свою фотографию в этой канадской газете, у меня возникло такое же сомнение. Дело в том, что тогда из Ленинграда еще только началась доставка «Кировцев». Фермеры приходили в наш офис, рассматривали трактор, щупали его громадные, толстые колеса, залезали в кабину, справлялись о цене, но приобрести трактор никто желанья не изъявлял. Так продолжалось довольно долго. Но вот, наконец, появился первый потенциальный покупатель. Он сразу же проверил, заправлена ли машина водой, горючим, маслом, и, убедившись, что все в порядке, довольно лихо поднялся наверх и, подхватив в кабину двух своих малышей, крикнул мне: «Поехали!» Трактор мчался по городу мимо больших зданий и одноэтажных коттеджей, мимо садов и огородов, и вот уже показались бескрайние поля Западной Канады, во многом напоминающие наш Казахстан, Алтай, Зауралье. Так первым нашим покупателем оказался фермер Рон Янг. Он пригласил нас к себе домой и объяснил, что трактор приобретает не

один, а совместно с братом и двумя племянниками.

— Сами понимаете, — заметил фермер, — покупка не копеечная, поля, видите, какие у нас... Словом, пусть ваша машина немного здесь порезвится.

Инженер Ураев к банковским операциям отношения не имел и, следовательно, возражать покупателю не стал: все же нешуточное это дело — первый покупатель трактора «Кировец» в далекой Канаде.

Дни шли, а Рон Янг никаких признаков жизни не подавал. Кончилась первая неделя, началась вторая. И вот однажды раздается телефонный звонок Янга: «А трактор-то ваш стоит, с места не сдвинешь...»

Ленинградец, как только услышал это, не стал ни о чем спрашивать, тут же сел в малолитражку и помчался на знакомую ферму. Ведь он, Ураев, в Канаде был чем-то вроде тракторного доктора и по первому же вызову являлся на выручку.

Хозяин, поздоровавшись, попросил извинения и сказал:

— Подождите, пожалуйста, сейчас самый раз коров доить. Вернусь и все вам покажу. — И он кивнул туда, где маячил «Кировец».

Фермер скрылся, а ленинградец, подъехав к трактору, поднялся в кабину и в то же мгновение тронулся в путь. Менял скорости, выжимал из машины все что возможно, разворачивался, но все это больше ради забавы, из озорства. Помощи никакой не требовалось. Вскоре показались в своей крошечной кепочке Янг. Гость повел трактор прямо на фермера.

— Стойте, стойте! — закричал канадец. — Ведь человека задавить можно.

— Вас-то? — рассмеялся Ураев. — Ну-ка, дорогу!

— Куда вы угоняете трактор? — удивился фермер.

— Как это куда? — Обратно. К нам, на Викторию-авеню.

— Нет-нет, трактор мой.

— Но ведь вы объяснили, что он с места не трогается.

— Да бросьте, пожалуйста, что вы, шуток не понимаете?

...Недавно в Ленинград, на Кировский завод, пришла весточка от того фермера. Сообщалось, что отработано на тракторе уже две тысячи моточасов, трактор работает отлично.

— Но зачем все же он звонил вам по телефону? — спрашиваю я.

— Надо знать натуру канадских фермеров. Уж больно любят друг

друга разыгрывать... Между прочим, за то время, что трактор пробыл у Янга, он поработал на нем вволю... Канадцам нравилось, что «Кировец», сколько бы ни старались фермеры из него выжать, оставался надежным, устойчивым и был приспособлен для любой почвы, любых климатических условий, не боялся самых свирепых морозов.

Я спросил Бориса Николаевича, чем он сейчас занят, после возвращения из Канады.

— Работаю начальником сектора экспертизы отдела испытаний тракторов. Каждое конструкторское решение проходит тщательную проверку сначала в лабораторных, а затем в полевых условиях. Мы, испытатели, на полях беспощадны к новой машине. Ни один узел, ни одна деталь не остаются без нашего жесточайшего экзамена. На техническом языке все это называется доводкой. В действительности же это битва за будущее нашего «Кировца», за его успех на полях Родины и на полях тех стран, которые пожелали приобрести его в СССР. Вы, наверное, слышали, что наш завод наградили орденом Дружбы народов. Это шестой по счету орден на знамени прославленного завода — не могу без чувства большой гордости говорить о нем. Так вот, когда член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС товарищ Михаил Андреевич Суслов вручал орден заводу, он сказал: «Хорошо, что коллектив видит свои резервы и направляет усилия на их использование. Это нашло свое отражение и в ваших социалистических обязательствах... Очень важно, что вы предусматриваете повышение моторесурса трактора К-701...»

* * *

В тот же день я встретился с Александром Яковлевичем Слеповым, начальником отдела гарантийного обслуживания тракторов Кировского завода.

Слепов подвел меня к громадной карте мира, висящей в кабинете, и объяснил, что цветными флажками обозначены страны, где можно встретить наши «Кировцы». Следуя за указкой от флажка к флажку, мы совершили вместе с «Кировцем» воображаемое путешествие вокруг света. Отлучались по качеству называли тракторы «Кировец» товарищ Леонид Ильич Брежнев на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС...

— Спрос на «Кировец» велик — только отправляй. Наши специали-

сты дают техническую консультацию, учат зарубежных механиков, трактористов. Специальные автобусы, снабженные соответствующими схемами, оборудованием, инструментами, превращены в школы на колесах. Вот фотографии — на них вы увидите немало заводских ребят в кругу иностранцев, которых учат, консультируют. Впрочем, если у вас есть время, многих из этих ребят вы сейчас увидите у меня.

И в действительности открылась дверь, и в кабинет к Слепову вошла большая группа молодых людей. Среди них я сразу узнал Героя Социалистического Труда Юрия Степановича Антонова, с которым только вчера познакомился в заводском парткоме. Стремительный, быстрый, он сообщил мне, что дважды побывал в Италии, что особенно запомнился ему один фермер в Вероне. Переводчика поблизости не оказалось, но Антонов заметил, что итальянец то и дело повторяет одну и ту же фразу. Позднее Антонову объяснили, что фермер острит: «Ваш трактор в переводчике не нуждается. Он сам за себя говорит».

Потом Антонов побывал в одной из провинций средней Италии. Итальянцы привезли тяжелейшие прицепные орудия, думали, что «Кировец» не возьмет, а он блестяще справился. Пахал Антонов сам. Итальянцы решили, что перед ними потомственный крестьянин, а узнав, что Юрий Степанович — коренной житель Ленинграда, пришли в еще большее изумление.

Вероятно, они удивились бы вдвойне, если бы узнали, что он член заводского парткома и Ленинградского горкома партии, участвует в решении проблем большой государственной важности.

...Антонов долго рассказывал мне о заводе, ставшем для него родным домом: «По истории нашего завода историю партии, историю русской революции, историю пятилеток изучать можно», — о семье, о жене, работающей в заводской лаборатории, о дочке Наташе, девятикласснице, о сложностях испытания тракторов: «Я считаю, что тут испытывается не только машина, но и совесть водителя». А потом вдруг вспомнил любопытную историю, имевшую прямое отношение ко всему тому, о чем мы говорили с ним.

Незадолго до отъезда в Италию Антонов на тракторе принял участие в первомайской демонстрации ленинградских трудящихся. Вел «Кировец», лично им испытанный на заводе. Рядом в кабине с Антоновым сидел ветеран завода Константин Яковлев. И неспроста. Пока еще не прозвучала команда тронуться в путь, Яковлев рассказал своему молодому коллеге, что более полувека назад выполнял ту же миссию, что ныне он, Антонов. Вывел на демонстрацию первый «Фордзон-Путиловец», любовно названный рабочими «Федором Петровичем». И так же, как Антонов теперь, в те годы получил от завода заграничную командировку. Антонов — в Италию, а он, Яковлев, — в Америку. Антонов, чтоб обучать итальянцев работать на «Кировце», а его, Яковлева, завод послал в учение к Форду.

— Вы как-то просили меня, — сказал Антонов, — нарисовать картину пути, пройденного заводом от первой до десятой пятилетки. Вот вам и штришок к той картине...

Е. Ханин. Род. 1933. ВЛАДИМИР УЛЬЯНОВ. 1969.

Выставка «Изобразительное искусство Ленинграда».

А. Лопухов. Род. 1925. В ПЕТРОГРАД. 1953.

Ретроспективная выставка дипломных работ художественных вузов СССР.
Киевский государственный художественный институт.

Мы РАСТЕМ...»

Для нас совершенно слиты в истории Ленин и Октябрь — гениальнейший из гениев и величайшее событие в истории человечества. В дни октябрьских торжеств мы первое слово свое посвящаем создателю партии, вождю революции. В день памяти Ленина говорим о процветании его славного детища — Советского государства. Чем дальше во времени отходит от нас исторический момент свершения социалистической революции, изменившей, как подчеркивается в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», ход развития всего человечества, тем яснее сознаем мы ее восходящее значение и перспективы.

Сам Владимир Ильич встречал каждую октябрьскую годовщину как лучший из праздников, как важную веху на пути к общенародному счастью. Он особо ценил такой способ «отпразднования революции», когда мы «глубже... вдумываемся... в практический опыт нашей работы», когда умеем «сосредоточить внимание на нерешенных задачах». Он являет нам в этом блестящий пример.

Сегодня мы публикуем документальный рассказ о Ленине в пору первого Октябрьского праздника.

тов. Вовсе не случайно начало работы съезда совпадало с празднованием первой годовщины: народная власть непременно должна подытожить изначальный, самый решающий период своего существования, выверить основные направления дальнейших действий как на поприще мирных инициатив, так и на фронтах защиты социалистического Отечества, как в совершенствовании первичных органов власти на селе, так и в развитии советского строительства в целом.

А рабоче-крестьянское правительство представит конкретную программу, готово отчитаться за каждый свой практический шаг. Предсовнарком давно уже позаботился о том, чтобы все наркоматы дали краткий и популярный отчет о своей деятельности с 25 октября 1917 года, обратив особое внимание на роль «рабочих организаций и представителей пролетариата в управлении, на крупные меры социалистического характера». Продумывая свою итоговую октябрьскую речь на съезде, Владимир Ильич первым же пунктом помечает: «От рабочего контроля к рабочему управлению производством». Позже добавит: «начало социалистической революции. Ее трудный рост...»

В ТОТ ДЕНЬ

В самый канун праздника, в 15 часов шестого ноября, в зале Большого театра, все чаще звучащего теперь голосом высоких страстей революции, собираются законодатели новой России. После необходимых ритуалов, после приветствий и долгих оваций — внимающая тишина, зал слушает Ленина, мысли сотен и сотен людей устремляются за мыслью вождя.

— В тот день, когда мы чествуем годовщину революции, следует бросить взгляд на тот путь, который прошла она. Нам пришлось начинать нашу революцию в условиях необыкновенно трудных, в которых не будет найдется ни одна из дальнейших рабочих революций мира...

Трудная и почетная роль первопроходца выпала на долю российского пролетариата, говорим мы ныне, оглядывая историческую ретроспективу шестидесятилетия. Но представим, какими же непомерными были эти трудности в яви своей для тех, кто преодолевал первый годовой отрезок пути. Дезорганизованная экономика, заводы и фабрики без энергии и сырья, саботаж бывших управленцев. Города без хлеба и кровопийство кулаков, наживающихся на народном горе. Беззащитность границ и авантюризм «левых», не желающих понять смысла передышки, предоставленной брестским миром. Поминутная угроза интервенции: то с севера — англо-американо-французских сил, то с востока — американо-японских, то с запада — немецких оккупантов. Контрреволюционные мятежи белогвардейцев и кровавый террор буржуазии. Идеологическая диверсия оппортунистов Европы и самая злобная клевета врагов.

Что противопоставить всему этому? Высочайшую организованность, сознательную дисциплину, революционную бдительность рабочего класса, спаянного вокруг своего ядра, мозга —

Коммунистической партии. И творческую энергию социалистического строительства.

Буржуазия, ее продажная пресса на весь свет кричат о «хаосе» революции, смакуют самую малую ошибку, лицемерно сострадают. Что ж, пусть кричат. Мы не боимся наших ошибок. В доверительном и страстном письме к американским рабочим, которое в годовщину Октября преодолевает еще свой путь к адресату, Владимир Ильич пояснил: мир социализма не рождается готовым, не выходит сразу, как Минерва из головы Юпитера. Его создают живые люди, которые не стали святыми оттого, что началась революция. И не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся сами строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации. И ошибки, которые совершают они, творя свою революционную работу, куда ценней «безошибочных» успехов эксплуататоров. А главное — «На каждую сотню наших ошибок... приходится 10 000 великих и героических актов — тем более великих и героических, что они просты, невидны, спрятаны в будничной жизни фабричного квартала или захолустной деревни...»

С октябрьской трибуны дальновидный стратег революции призывает смелее привлекать к социальному творчеству все новые и новые массы — пусть неграмотные и неопытные, партийные и непартийные получают возможность в пролетарском государстве «работать и учиться», «управлять и создавать богатства».

Из крупных мер социалистического характера, предпринятых в первом году Советской власти, съезд Советов должен прежде всего выделить организацию управления. От рабочего контроля, от начальных шагов хозяйствования «мы подошли к рабочему управлению промышленностью в общенациональном масштабе». Владимир Ильич объясняет депутатам важнейший момент партийной стратегии:

— Мы не декретировали сразу социализма во всей нашей промышленности, потому что социализм может сложиться и упрочиться только тогда, когда рабочий класс научится управлять...

Не в школах, не по книгам и брошюрам постигали рабочие эту науку. Они собственными руками взялись за необыкновенно трудное дело, от каждой ошибки сами страдали, и каждая ошибка закаляла их, выковывала необыкновенно ценный опыт, вселяла сознание, что они сами строят новую жизнь.

«Мы говорим: мы растем, Советская республика растет!» — подчеркивает Ленин, и некое суммарное выражение первого этапа этого роста он видит в создании Советской Конституции. «...Она не выдумана какой-нибудь комиссией, не сочинена юристами, не списана с других конституций. В мире не бывало таких конституций, как наша. В ней записан опыт борьбы и организации пролетарских масс...»

Возвращаясь к этой мысли чуть позже — в правдинской статье, опубликованной через две недели, Ленин разовьет ее в важнейшее диалектическое положение, мобилирующий наказ: «...Не довольствоваться тем умением, которое выработал в нас прежний наш опыт, а идти непременно дальше, добиваться непременно

Валентин ЧИКИН

И праздничное утро застает Владимира Ильича в рабочем кабинете. Только работать сегодня трудно. Поминутно открывается дверь, заходят товарищи, чтобы позвать руку, сердечно поздравить с днем рождения Октября. Всеобщее приподнятое настроение высвечивает ликующей радостью слишком озабоченное в последнее время лицо Ильича. Он энергично двигается, забывая даже о недавних ранах, горячо приветствует, поздравляет своих гостей, вовлекает в оживленный круговорот бесед... Об этих минутах, об этих днях Надежда Константиновна вспомнит потом: «Октябрьские дни первой годовщины были одними из несчастливейших дней в жизни Ильича». Из целиком поглощенных нахлынувшими событиями, «непрестанно выстужает».

К половине десятого Ленин уже у фронтона Большого театра, где собрались делегаты VI Всероссийского Чрезвычайного съезда Сове-

В. И. Ленин на открытии временного памятника К. Марксу и Ф. Энгельсу в день празднования 1-й годовщины Великого Октября. Кинокадр.

большого, переходить непременно от более легких задач к более трудным. Без этого никакой прогресс вообще невозможен, невозможен и прогресс в социалистическом строительстве».

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ, САМЫЙ ВАЖНЫЙ

Самый важный, по мысли Ильича, даже самый главный теперь вопрос всей революции — организация деревенской бедноты. Октябрь пришел в деревню с опозданием по меньшей мере на полгода; и он не может здесь всколыхнуть сразу же все устои: крестьяне живут, словно «вросшие в землю», упорно держатся старины, боятся новшеств, не просто им решиться на общественное землепользование. Было бы величайшей нелепостью сразу вводить его, узаконивать декретами. Пусть сначала будет социализация, дележка, а потом жизнь поведет дальше. Коммуны, артельная обработка, товарищества крестьян — вот где спасение от невыгод мелкого хозяйства. Но надо набраться терпения, нельзя форсировать, «не обгонять развития масс, а дожидаться, пока из собственного опыта этих масс, из их собственной борьбы вырастет движение вперед».

А развитие это уже идет полным ходом. Характерная деталь: перед праздником назначен был в Питере съезд комбедов Северной области, на вопрос по телефону — как собрались? — питерцы отвечают: вместо ожидавшихся семи тысяч представителей явилось двадцать тысяч! В зале, конечно, не вместились, собрались на площади перед Зимним — благо хорошая погода... Значит, гражданская война в деревне понята правильно, беднота объединяется. Ленин знает: «величайший переворот», происходящий в деревне, увенчается успехом.

Вечером на второй день праздника, выступая (в бывшем Коммерческом институте) перед делегатами комитетов бедноты, Владимир Ильич мог уже заявить от лица съезда Советов (здесь и гуманизм и дальновидность ленинской аграрной политики):

— Советская власть решила отпустить в особый фонд 1 миллиард рублей для поднятия сельского хозяйства. Всем существующим и вновь создающимся коммунам будет оказываться денежная и техническая помощь.

Если понадобятся интеллигенты-специалисты, мы их пошлем...

Он знал, что спецы могут осложнить работу саботажем, «умышленной порчей», что отношение к ним подозрительное и даже презрительное, но был убежден: они непременно понадобятся... И будто в подтверждение, в обоснование этой ленинской правоты где-то в тверском захолустье, в Весёгонске, представитель уездной власти солдат и редактор Александр Тодорский представляет «живой доклад самому народу» — крошечную книжечку «Год — с винтовкой и плугом», бесхитростный, но впечатляющий рассказ о том, как разворачивается строительство новой жизни. Один экземпляр из тысячи попадает затем на рабочий стол Владимира Ильича; в этой правдивой летописи уездных будней революции Ленин увидит «маленькую картинку для выяснения больших вопросов» и возьмется за перо, чтобы дорисовать ее, «извлечь серьезнейшие уроки», изложить твердую позицию.

В рассказе двадцатитрехлетнего весёгонца Владимир Ильич специально выделяет рассуждение о том, что «обезвредить», «доканать» эксплуататоров — полдела, главное — заставить их «улучшить новую жизнь и укрепить Советскую власть». «Это превосходное и глубоко правильное рассуждение», — говорит Владимир Ильич, — следовало бы вырезать на досках и выставить в каждом совнархозе, продоргане, в любом заводе, в земотделе и так далее». Самонадеянным политикам он напомним о необходимости скорей избавляться от чванства, упрощения, аляповатой прямолинейности; советуем серьезно продумать в марксизме то, как «можно (и должно) строить коммунизм из массового человеческого материала».

ИСТОКИ НАШЕЙ КРЕПОСТИ

Делегаты съезда отдают себе отчет в том, какой мощный фундамент и в обороне страны заложен первым годом революции: создана социалистическая Красная Армия на новых принципах, новой дисциплине, с новым командным ядром. Это вовсе не просто человеку вновь взять в руки винтовку после тысячи дней кровавой империалистической бойни, на пределе усталости, измученности, отвращения, преодолеть все, понять, что начинается новая война, проникнуться глубоким сознанием, что теперь идешь воевать действительно за свое дело, за свою власть.

И ружье теперь становится иным и война иной. «Мы вправе назвать нашей войной ту войну, когда мы будем отстаивать свою социалистическую революцию». И человек с ружьем воспринимается уже иначе широчайшими массами. Две недели спустя после съезда, выступая на митинге в «День красного офицера», Владимир Ильич припомнит сакральные слова старой финской женщины, услышанные в многолюдном вагоне: теперь не надо бояться больше человека с ружьем. Это ли не лучшая награда, не главное признание! Вот куда мы шагнули от полной беззащитности, вот где исток нашей крепости. Теперь есть полная уверенность, что мы с контрреволюцией сладим.

Одна за другой приходят радостные телеграммы с фронтов. «Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую — будет Самара!» «Волжская военная флотилия, став на перекрестке двух великих рек... горит единоклассным желанием очистить Волгу, Каму, Вятку и Белую от ненавистных врагов народа и революции...» «Взятие Казани — наш привет первому воину великой коммуны...» «Волга очищена... Не теряя ни одной минуты, идем на Каспий... Как мы первыми вошли в Самару, первыми войдем в Баку».

За несколько дней до праздника из реввоенсовета 2-й армии в Кремль приехал Гусев. В конце обстоятельной беседы Владимир Ильич попросил передать красноармейцам, что к годовщине Советской власти он ожидает донесения о взятии Ижевска. И точно, в праздник, вечером седьмого, секретарь сообщит Ильичу: получена телеграмма от командующего армией Шорина, членов реввоенсовета Гусева и Штернберга: «Доблестные войска 2 армии шлют горячее поздравление с великим праздником и доносят: город Ижевск сего числа в 17 час. 40 мин. взят штурмом». Вот еще одна «целебная повязка» на раны.

РЯДОМ С НАМИ

Год нашей жизни для империалистов всего мира был годом прозрения перед явью будущего. Владимир Ильич напоминает стадии этого прозрения: в октябре 1917-го они считали нашу республику курьезом, на который не следует обращать внимания; в феврале 1918-го рассматривали как социалистический эксперимент, с которым не стоит считаться; затем она стала для них уже не «курьезом» и не «экспериментом», а очагом, «настоящим, фактическим очагом всемирной социалистической революции». И потому такое бешеное сплочение всех империалистических сил.

В своих октябрьских выступлениях Владимир Ильич не раз возвращается к одной и той же мысли: в революционной борьбе судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительный период, но теперь, на пороге второго года, мы стоим плечом к плечу с нашими международными союзниками. Он мог заявить это с полным основанием, выверив оценку революционных мировых событий. В предпраздничные дни в ленинском кабинете в Кремле одна за другой состоялись встречи, обогатившие Владимира Ильича свежими впечатлениями.

Обстоятельный доклад представил вернувшийся из Англии М. М. Литвинов. Ценной информацией о влиянии Октябрьской революции на массы в Америке, о японском рабочем движении, о голландских трибуналах поделился Себольд Рутгерс, проделавший путь из США через Японию и Сибирь. Весьма плодотворными были неоднократные беседы с Бела Куном «на темы о коммунизме и коммунистической революции». Глубоко символическим явилось послание Карла Либкнехта из Германии в адрес шестого съезда Советов. Он сказал: Октябрьская революция для трудящихся и всех угнетенных народов стала смирением и боевым кличем, стала знаменем. «Она поднимает на борьбу отстающих, вселяет мужество в колеблющихся и удешевляет силу и решимость».

Владимир Ильич несказанно рад освобождению из тюрьмы Либкнехта и других вождей западноевропейского пролетариата. «Их заставила освободить», — говорит он делегатам съезда, — венская и берлинская рабочая рево-

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ КАБИНЕТ ИЛЬИЧА

люция, которая растет не по дням, а по часам». Правительство кайзера Вильгельма, ослепленное угрозой «мирового большевизма», мечется, как в угаре, шлет Советам категорические ноты, угрожая дипломатическим разрывом, обвиняя в сочувствии сторонникам Либкнехта. Ленин оглашает эту последнюю ноту императорского правительства и призывает к величайшей бдительности. Минувшей ночью уже послана радиограмма всем Совдепам: надо быть начеку, надо приготовиться, надо напрячь все силы — мы на пороге войны.

И тут же, на съезде, посовествовавшись в ложе с Я. М. Свердловым и А. Ф. Мясниковым, возглавляющим Северо-Западный обком партии, Ленин предлагает Мясникову немедленно возвратиться в Смоленск и оттуда информировать о положении дел, принимать решительные меры в случае осложнений на западной границе. Но с западных рубежей вскоре поступят радостные вести: бойцы Щорса братаются с революционными солдатами Германии. Глубокой ночью 10 ноября в квартире Ленина раздастся телефонный звонок и председатель Радиотехнического совета А. М. Николаев сообщит, что по радио принято известие о революционных событиях в Германии. Владимир Ильич попросит Николаева немедленно приехать в Кремль, чтобы изложить все подробности...

Кайзер отрекся, правительство его пало. И хотя после первого же анализа событий Ленину станет ясно, что «у немцев все-таки Февраль, а не Октябрь», хотя в ближайшие недели революция в Германии переживет глубокую трагедию — пролетариат потеряет своих вождей Карла Либкнехта и Розу Люксембург, — развитие дела коммунизма, шестые Октября по земле становятся неоспоримым фактом.

— Мы не одиноки в своей борьбе, — повторяет Владимир Ильич у подножия открывающегося памятника вождям пролетарской революции Марксу и Энгельсу. — Рядом с нами поднимаются рабочие более передовых стран. Их и нас ждут еще тяжелые битвы. В общей борьбе будет сломан гнет капитала, будет окончательно завоеван социализм!

...Праздничная манифестация седьмого ноября соединяет площади от Большого театра до Кремлевской стены живым человеческим морем, расцвеченным алыми стягами. И от ступеней Большого начинается свое шествие колонна делегатов съезда во главе с Лениным. После открытия памятника на площади Революции — торжественный церемониал у Кремлевской стены. Здесь, на Сенатской башне, устанавливается мемориальная доска павшим борцам Октябрьской революции — произведение С. Т. Коненкова, получившее признание на первом советском художественном конкурсе. Владимир Ильич перерезает ленточку, занавес падает, звучит кантата, и, озаренная солнцем, предстает белокрылая Победа с пальмовой ветвью в руке. «Павшим в борьбе за мир и братство народов» — гласит девиз. Ленин поднимается на высокую, обтянутую кумачом трибуну.

О великом счастье победы мечтали самоотверженные борцы революции, и она пришла. Их достоянием стала и величайшая почесть, о которой мечтают истинные революционные вожди — чтобы по следам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов. И, обращаясь ко всем, кто пришел в этот день на Красную площадь, ко всем, кто вышел «на десятки и сотни митингов», чтобы праздновать славную годовщину, Ленин призывает: «Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву идти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом оставших рабочих всех стран. Этот лозунг — «победа или смерть».

Священную клятву эту повторяют миллионы за миллионы, поколения за поколениями. И всякий раз в дни торжеств наследники идеалов и дел революции по ленинской традиции считают своим первейшим долгом «всенародно почитать — как подчеркнуто в постановлении ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» — светлую память борцов, павших за дело Октября», воздать почести героям революции, войны и труда.

Вот уже почти шестьдесят лет, как над Смольным реет победное красное знамя. Смольный навсегда вошел в историю революции как ее штаб. По свидетельству очевидцев, участников великих свершений, точно известно, когда Владимир Ильич Ленин в сопровождении рабочего-большевика Эйно Абрамовича Рахы пришел с Выборгской стороны в Смольный и возглавил руководство вооруженным восстанием.

В Смольном было образовано Советское правительство во главе с В. И. Лениным, в Смольном Владимир Ильич подписал первые декреты и распоряжения Советского государства, проводил первые заседания Совнаркома, встречался с рабочими, крестьянами, солдатами, с делегатами второго Всероссийского съезда Советов...

Где же Ильич тогда работал? В каком помещении? Поиски начались по инициативе работников Центрального музея В. И. Ленина и ленинградского филиала этого музея.

Изучали воспоминания старых большевиков, встречались с людьми, которым довелось бывать у Владимира Ильича в Смольном. Так достоверно установили, какой был внешний вид комнаты. На ее двери стоял номер 67. Это большая угловая комната на третьем этаже, с окнами на Неву и Охтенский мост. По новой нумерации она значилась под другим номером и использовалась в качестве служебного помещения. В верхней части двери — эмалированная табличка с дореволюционной надписью «Классная дама». Сведения о кабинете были весьма скудны. Их могли бы дополнить фотографические документы, однако поиск дал в руки исследователям всего один снимок, сделанный фотографом Петром Адольфовичем Оцупом.

Этот единственный фотодокумент оказался очень ценным. Удивительно, как удалось Оцупу в той сложной бурной обстановке, царившей тогда в Смольном, «сфотографировать» стоящих на посту у первого ленинского рабочего кабинета красногвардейцев с винтовками. Это были питерские красногвардейцы, рабочие телефонно-телеграфного завода «К. Лоренц» литовец Э. И. Юргайтис и латыш Э. К. Звиргздинь. Благодаря находке редчайшего документа, дополнившего ранее имевшиеся сведения, исследователи пришли к твердому заключению, что именно в этой комнате Владимир Ильич работал в первые дни революции. У входа в комнату была установлена мемориальная доска.

Однако исследователей ждала еще большая и кропотливая работа: оставалась неизвестной планировка кабинета, его обстановка.

Детальное изучение документов позволило выяснить, что вход в кабинет был не из большого коридора, а из малого. На пути исследователей возникла еще одна, далеко не послед-

няя неожиданность. Оказалось, что помещение под № 67 состояло не из одной комнаты, а из двух смежных: большая и квадратная, она была разделена на две продолговатые.

Интересные сведения сообщил руководитель большевистской ячейки завода «Старый Парвизинен» В. Шуняков. Однажды вскоре после революции он решил навестить своего товарища по заводу, которого выдвинули для работы в аппарате Управления делами Совнаркома:

— Я застал его за письменным столом, разбавившим папки с бумагами. Эта комната являлась приемной Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ленина и кабинетом управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича. Здесь, ближе к окну, в стене с правой стороны была дверь, ведущая в кабинет Владимира Ильича. Тут стояли два письменных стола: у окна, слева в углу, — стол управделами Совнаркома, а с правой стороны у стены — еще стол. В приемной находились пять венских стульев...

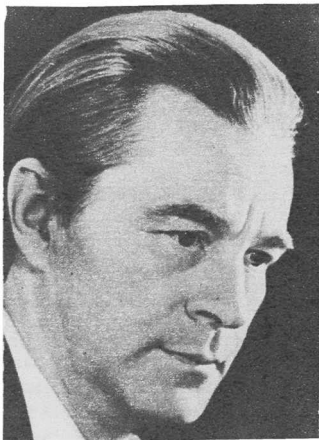
Как свидетельствуют очевидцы, в кабинете Владимира Ильича имелась не доходящая до потолка деревянная перегородка, за которой стояла кровать. Если учесть, что в первые недели после победы Великой Октябрьской социалистической революции Ленин фактически не имел своей квартиры — ночевать ему приходилось чаще всего у Бонч-Бруевича, — то наличие кровати за перегородкой вполне естественно.

Рабочий день Владимира Ильича длился около двадцати часов. В первые дни Советской власти он вообще не смыкал глаз. Минуту шестьдесят суток, как свершилась революция, и все это время Ленин работал без отдыха, без выходных и только на шестьдесят первый день он уехал на Карельский перешеек в свой первый весьма краткий «отпуск», да и тот прошел в напряженном труде: Владимир Ильич написал несколько работ, в том числе статью «Как организовать соревнование?».

«Обстановка заседаний Совнаркома, — вспоминала А. М. Коллонтай, — была самая деловая, и даже более чем деловая, недостаточно удобная для работы. Стол Владимира Ильича упирался в стену, над столом низко висела лампочка. Мы, наркомы, сидели вокруг Владимира Ильича и частью за его спиной. Ближе к окнам стоял столик Н. П. Горбунова, секретаря СНК, который вел протокол. Всякий раз, когда Ленин давал кому-нибудь слово или делал указания Горбунову, ему приходилось оборачиваться. Не переставать стол поудобнее никто не подумал тогда, заняты были большими делами. Не до себя было!..»

Кабинет удалось полностью восстановить, оставив обе комнаты теми предметами, которые сохранились в Смольном со времени революции: письменные столы, два кресла, диван, столик типа ломберного, шкаф, два круглых столика, шкаф и столик за перегородкой. В этом своем первом кабинете Владимир Ильич работал две недели — с 27 октября по 10 ноября. Уже в конце октября стало очевидным, что надо подыскать более удобное помещение и для кабинета Ленина и для аппарата Совнаркома. Оно было найдено в северной части Смольного, на третьем этаже. Там Совнарком работал с 10(23) ноября 1917 года по 10 марта 1918 года, когда Советское правительство переехало в Москву. Одновременно в том же крыле Смольного для Ленина была устроена квартира.

Полвека тому назад, в 1927 году, здесь был открыт музей. Теперь он расширен — воссоздан первый рабочий кабинет вождя революции.

**Виктор
ЯКОВЕНКО**

БАЛАХТИНСКАЯ ЗЕМЛЯ

В неисхоженной Сибири
Есть чудесные места,
В золотой кедровой шире
Затерялась Балахта.

За распадом — густолесье,
А потом поля, поля.
Раскрывается, как песня,
Балахтинская земля.

Ты на самой малой карте
Засветилась неспроста,
Помню, мы расстались в марте,
Здравствуй снова, Балахта!

Тут живут в ладу с природой,
Вровень с веком молодым:
Возле старого завода
Новый мост через Чулым.

У отрогов утром рано
Зелень-море пьет заря,
Тихо башенные краны
Поднимают якоря.

А над холмиком-курганом —
Верить ли своим глазам? —
Прямо из земли фонтаном
Бьет целительный нарзан.

Пролегла дорога рядом.
Причащаются с утра
И студенты стройотряда
И бродяги-шофера.

— Скоро встанет у предгорий,
Весь преобразая вид,
Наш сибирский санаторий,—
Сибиряк мне говорит.

Из Норильска, Дивногорска
Будут ехать все сюда...
Нет, не хуже кислотной
Балахтинская вода.

ГОД ЛЮБВИ

Над снегами, над седым Кунгуром
Ночь холодной синью пролилась,
В небе надвигающемся, хмуром
Молодая звездочка зажглась.

В новый год
Без остановки краткой
Я тревоги старые пронес
Через эти зыбкие площадки
Над бегущим грохотом колес.

Позади Урал остался где-то,
Магистраль таежная, зови!
Шумные попутчики — студенты
Мне сказали:
— Это год любви...

*Известному советскому поэту Виктору
Петровичу Яковенко исполнилось 50 лет,
Мы печатаем его новые стихи.*

ПЕРЕГОН

Год любви —
Неужто так бывает?
Целый год —
Какая благодать!
Если год любовью одаряет,
Что же нам взамен ему
Отдать?

Перегоны,
Снова перегоны,
Год, как жизнь,
И солнце и печаль.
Дни бегут,
Что скорые вагоны,
Устремаясь в разбуженную даль.

Дышим ветром обновления вешним,
Смотрим, каждому стогу дивясь,
Что-то обретаем
И, конечно,
С чем-то навсегда теряем связь.

Повороты, спуски и подъемы
И наметы снежные в пути...
Я узнал теперь, что отдаем мы,
Чтобы год любви своей пройти.

Он запомнится мне той дорожной
Радостью,
С которой я знаком,
Вестью,
Вдруг ворвавшейся
Тревожной,
И тяжелым
Траурным венком.

Не за дальним перевалом где-то
Он остался,
А в моей судьбе,
И полоской утреннего света
Он всегда напомнит о себе.

ОТВЕТ УЧИТЕЛЬНИЦЕ

И отыскала, отыскала...
Письмо за тридцать земель
Из Марьинки степной послала
В нефтетаежную Тюмень.
Прочта о нем сейчас в газете,
Решила должное воздать,
Хоть и не просто угадать
Его на групповом портрете:
«Читая, как была я рада,
В душе восторга не тая:
«Сергей Щедров... его бригада...»
Бригада — надо же! — твоя.
Ты в классе был, теперь не скрою,
Всегда задирой из задир.
Уехал давней той весною
И вот — известный бригадир!»
Сказать бы, как самой живется,
В заботах как летят года...
Учителя своим питомцам
О том не пишут никогда.
Они на мир глядят влюбленно
Глазами школьников своих
И помнят, помнят поименно
Курносых и вихрастых, их.
Закончила письмо к Сереже:
«Горжусь, что ты мой ученик!»
Да, он Сергей Щедров...
И все же
Совсем не тот —
Его двойник.
Он долго думал,
Что ответить,
Чтоб не обидеть невзначай.

Ну мало ль сходств каких на свете.
Повремени. Не отвечай.
И он искал — как слово зыбко, —
Что здесь придумать потеплей:
«Произошла, видать, ошибка,
И я совсем другой Сергей...»
Потом, чуть погодя, добавил:
«Из белорусских я краев.
Коль огорченье Вам доставил,
Простите за письмо мое».
Он щелкнул шариковой ручкой,
Свет в комнате своей включил —
На небе наплывала тучка,—
Вновь сел к столу и заключил:
«А что до снимка в той газете,
Мои друзья — буровики,
Ошибке Вашей вопреки,
Просили передать в ответе:
«Мы Ваши все ученики».

Как, юность, ты самонадеянна!
Преувеличиваешь ты
То, что тобой уже содеяно
Как утверждение мечты.

С руки иль не с руки — хватаешься,
Рвешь от натуги постромки.
И горько непризнаньем маешься,
Своим желаньям вопреки.

Все, что ты сделала, — значительно
А что задумала, — всерьез!
И неуспеха боль мучительна,
Обидны промахи до слез.

Ты жаждешь быстрого признания
И не желаешь знать о том,
Что опыт не обрести заранее,
Что он потом придет, потом...

Но эта видимость порока
Потом окупится в свой срок,
Как испытание до срока,
Как честолюбия урок.

ЗАТЯЖНЫЕ ДОЖДИ

Затяжные дожди...
Просим милости мы у природы,
От синоптиков ждем
Утешительных, добрых вестей,
С неременной надеждой
Мы слушаем сводку погоды,
Но опять полоса,
Полоса непроглядных дождей.

Как нужны вы в свой срок —
Хлебодарного года примета, —
Чтоб в лугах заходила,
В лучах засверкала коса.
А без вас и трава погорит,
Как в то знойное страшное лето,
От дурного пожара
Поредеют родные леса.

Затяжные дожди
Обрывают надежды и сроки.
Не гремит,
Не сверкнет,
Только сеется с неба вода.
Льет неделями кряду,
Размокли в полях изволоки,
Все окутала мгла,
Будто солнце ушло навсегда.

Ы, СНОВА ПЕРЕГОНЫ...

Только там, над дождями,
Там, над самой планетой, высоко,
В беспредельном просторе
Среди моря спящих снегов,
Там, над самой планетой —
Недреманное, зоркое око,
Верный спутник земли,
Добрый вестник ее берегов.

Подобреет земля,
Благодатным теплом обогрета,
Ярким полднем прояснится вся, —
На свету и в тени,
Заснут паутинки
Созревшего бабьего лета.
Верит в солнце она
Даже в самые хмурые дни.

Наивен будь,
Наивен, как дитя,
Что так открытыми глазенками
Смеется,
Так детски непосредственно,
Хотя
Поймать ручонками стремится
Лучик солнца.

Наивен будь,
Но не как тот старик,
Что безнадежной детскостью наивен,
Век прожив,
Повторять он не отвык:
— Когда-то булка
Стоила полгривен!

Я ничуть не принижу
Наших дней бытия,
Но чем дальше,
Тем ближе
Детство — память моя...

Ни ракет нет куда
И ни спутников, но
Есть великое чудо —
Звуковое кино.

Непременное зданье,
Каждый угол здесь люб,
Словно центр мирозданья —
Поселковый наш клуб.

И окошко у кассы —
В мир чудесный окно,
Предназначенным часом
Отворялось оно.

Но манила упрямо
На «подпольную» связь
Оркестровая яма,
Что «петрушкой» звалась.

Гаснул свет в шумном зале,
Под прикрытием тьмы
Из нее вылезали
Незаметными мы.

О романтика смелых!
Как не вспомнить сейчас,
Мир на красных и белых
Разделен был для нас.

И не пусто, не густо —
Жизнь была в самый раз,
Эту тайну искусства
Открывала для нас.

Нас шутя окрестила
Безбилетной шпаной...
Так давно это было,
Перед самой войной.

Клуб наш смыло годами,
Стерло бурей войны,
Лишь остался фундамент,
Словно корни видны...

Как не любить
Старинных городов,
Их строгих стен,
И куполов,
И башен,
Таящих боль и грозы
Тех годов,
Где прошлое немеркнувшее наше!
Умельцы, золотые мастера
Воздвигли их давным-давно,
И все же
«Сегодня» в них не меньше, чем «вчера»,
И в старости
Они себя моложе.

Я торопился,
К сожаленью, —
Как бы искал
Средь бела дня
Несходства
С собственной тенью,
Что так преследует меня,
Спешил
И верил непреложно
В строку,
К которой так стремлюсь,
И торопил ее безбожно,
Как будто опоздать боюсь...
Но молодость
Перебродила
Любовью
Попалам с грехом
И обошла, не одарила
Своим единственным стихом.
Ночами
Собирал я пепел
В холодной бронзы башмачок,
А строки были
Так нелепы,
Пусты,
Как высохший стручок.
Теперь я знаю:
Вдохновение
Не вспышка юного огня,
А просто
Умиротворенье
В преддверье завтрашнего дня.

ТИХАЯ ПОЭЗИЯ

Мне не понять ни крикуна, ни нытика
В поэзии, как светлый день, большой...
Все дело в том,
Как назидает критика,
Что у поэта за душой.

Строке быстробегущей потая,
Невыношенным словом не грши.
Пусть будет тихая поэзия,
Такая,
В которой слышен
Крик души.

Нет ничего волшебней в человеке,
Чем этот светлый дар воображенья,
Не знающий старения вовеки
И вечность превращающий в мгновенье,
Чем это свойство —
Видеть солнце ночью
И сумрак обращать
В лазурный день.

Нам все вокруг становится привычным,
Как бы для нас расставленным заранее,
Таким обыденным, таким обычным,
Как пестрый мир на голубом экране,
Все то, что в повседневности
Воочью
Нам в этом мире увидеть не лень.

И вместе с тем есть ласковые зори,
Росток зеленый под покровом снега,
В ракушке малой отголоски моря,
И яркая в земном созвездье Вега,
И клен — в едва проклюнувшейся почке,
И в желуде одном —
Могучий лес.

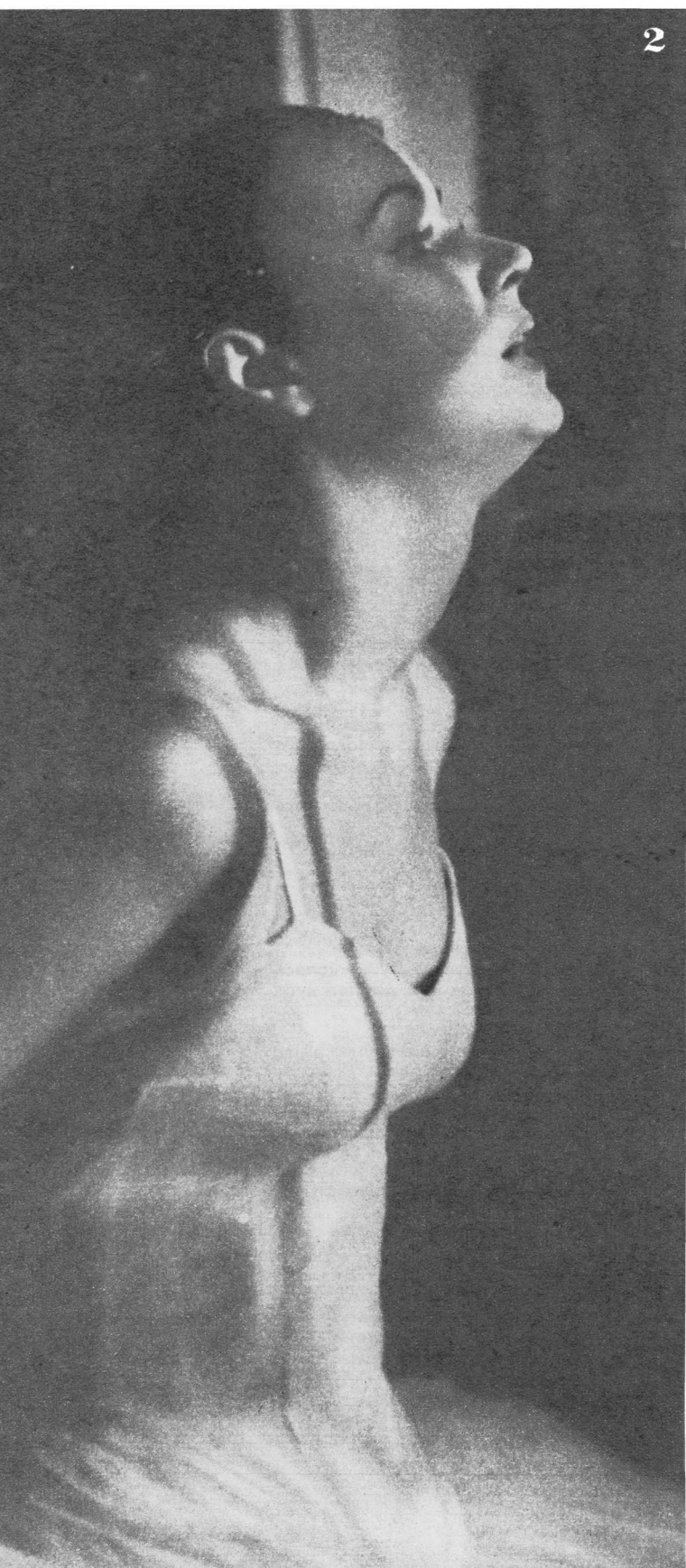
Все это есть, что явно, а что — скрыто.
Лишь напряги свое воображение —
И все становится доступно и открыто,
Как ветерка степного дуновение
И как дождя озвученные строчки,
Как радость птицы
В синеве небес.

ПОЛУСТАНОК

Не чувством,
А предчувствием живу
Каких-то поздних
Обновляющих пределов.
Как выбелило неба синеву
И как трава от солнца поредела.
О гул дорог
И эти поезда,
Меня всю жизнь гонявшие по свету,
Так не пугали, может, никогда,
Как этим хмурым
Високосным летом.
Я с отчим краем снова расстаюсь.
Ты говоришь:
— Еще в разъезде косят...
Мне чудится,
Что сам я остаюсь,
А душу мою
Далеко увозят.
И нехотя улавливает слух:
Из-за холма стучат, стучат колеса.
Не отпущай родного детства луг,
Возьми меня
Для позднего покоса.
Я на мгновение представляю вдруг,
Что если я на этот раз
Уеду,
То вряд ли ворочусь к тебе, мой друг,
Да и меня не сыщешь ты по свету.
Влечет простор,
Большой простор тогда,
Когда клочок земли отчей
Рядом...
Заиндевают струны-провода
И луг уснет
Под тихим снегопадом.
Я непокоем осужден своим
На эту бесконечную дорогу.
Давай еще немного постоим,
До поезда поговорим немного.

I

2

А. ЗВЯГИНА

Фото
И. ГАВРИЛОВА.

МОЛОД

Москва. Фрунзенская набережная. Дом номер пять.

Думается, можно сказать, что здесь вершится судьба балета не только нашего, но уже и будущего столетия. Это Московское хореографическое училище. Среди его воспитанников — наверняка уже есть будущие Улановы и Максимовы, Лиепы и Васильевы. А пока они

еще бегают в перерыве между уроками за мороженым и даже играют в «классики».

Что же и кто приводит сюда этих десятилетних ребят? Одних — родители, других находят педагоги училища в школах разных городов. И тех и других сюда ведет любовь к танцу и музыке, к театру, к искусству.

Конечно, одной любви, как бы ни была она огромна, мало для танца. Нужен труд, труд, труд. Он управляет жизнью училища и организует ее.

Субботний вечер. Ребята из соседней школы уже гоняют мячи, стайка девчонок спешит домой, беззаботно над чем-то посмеиваясь... А в училище на Фрунзенской продолжаются занятия, идут репетиции, хотя, как во всякой школе, есть здесь и перемены. В одну из этих мгновенно пролетающих передышек я разговаривала с учениками первого класса; их отличает особая старательность и упорство, и, несмотря на то, что они еще мало похожи на артистов балета (нет той грации, той уверенности движений, какая отличает старших), есть уже огромная увлеченность своим делом, серьезность в отношении к нему.

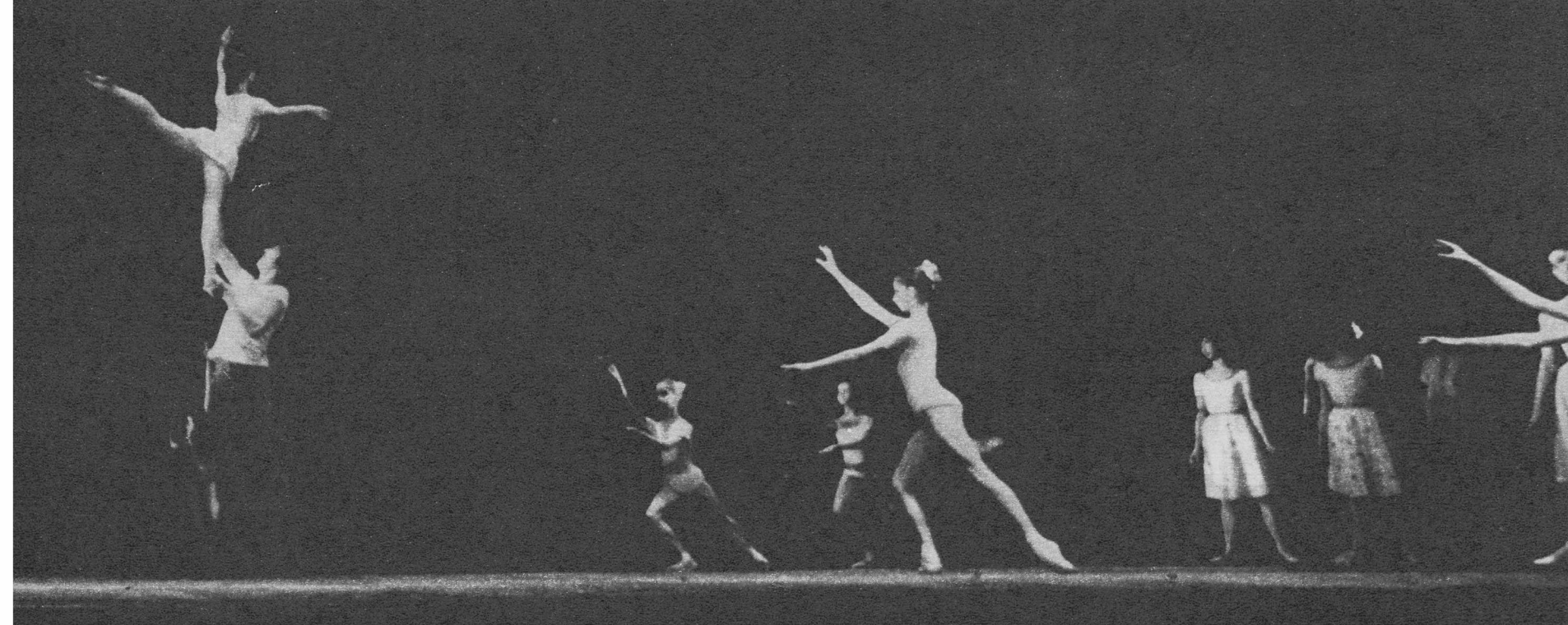
У них свои радости, свои огорчения. Один доволен: наконец этюд получается! У другой горе: стерла пальцы и не будет сегодня участвовать в кордебалете на спектакле «Эсмеральда». А вот хрупкая девчужка стоит, грустная, задумавшись. Почему же она так печальна! Оказывается, только что побывала на весах, и — о ужас! — килограммы прибавились. Теперь предстоит неделя строжайшей диеты: никаких конфет, никакого мороженого...

С Элей Дроздовой я познакомилась, когда она с одной репетиции спешила на другую. Приехала Эля сюда из Горького семь лет назад. Сейчас учится в классе народной артистки СССР С. Н. Головкиной. О своей наставнице девушка рассказывает восторженно: «Каждому из нас она дает то, что нужно именно ему. За это все мы ее очень любим».

Правоту этих слов я ощутила, когда и мне удалось встретиться с народной артисткой СССР, балериной Большого театра, нынешним директором училища, Софьей Николаевной Головкиной. Она человек обаятельный и серьезный, умелый воспитатель. Занятия танцами, музыкой, конечно, на первом месте. А как же обычная школа! Да, и ее включает в себя училище. Получается так, что дети учатся сразу словно в трех школах: балетной, музыкальной и общеобразовательной. А кроме занятий, они еще танцуют в спектаклях Большого театра и театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, выступают в концертах... Если бы вы побывали в Большом театре на спектакле «Русская сказка», то узнали бы, что все артисты до единого — ученики хореографического училища! С удивительным мастерством исполняют они свои партии. Балет, созданный М. Чулаки по пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде», технически весьма сложный, занимает всю школу, всех учащихся, от первого до последнего класса.

Дети растут. Меняются и возрастают их технические возможности. И ребята получают новые партии. Они дают еще и концерты в Москве и других городах, выезжают на гастроли. Побывали и за рубежом...

Вот так живет это пестрое, веселое ребячье племя в доме номер пять на Фрунзенской набережной.

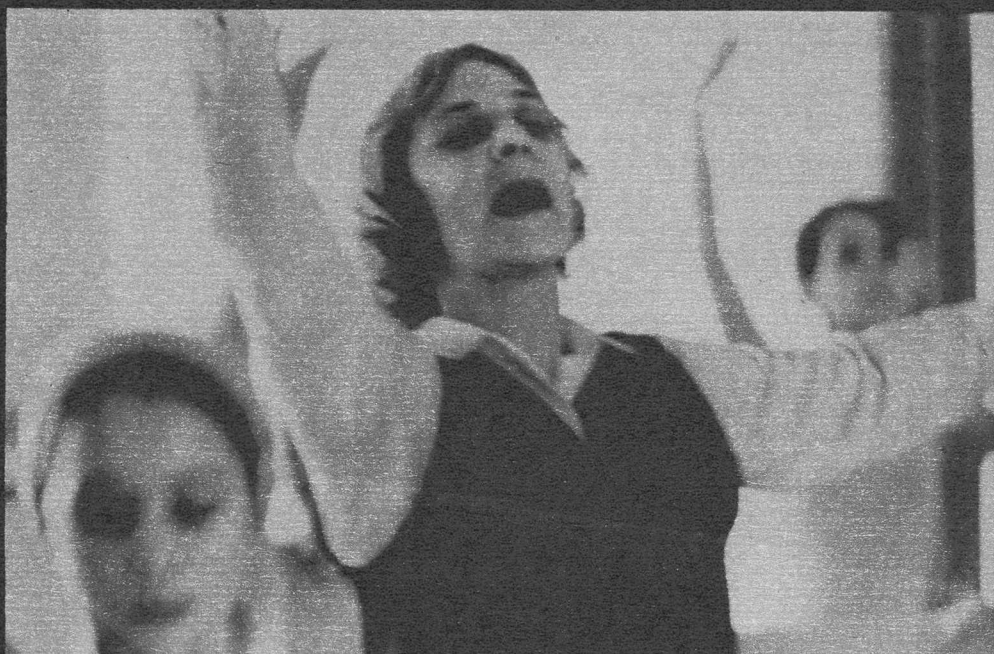
ОСТЬ БАЛЕТА

3

4

5

- 1 Балет «Посвящение».
- 2 Нелли Бередина после выступления.
- 3 Первые шаги. Урок ведет заслуженный работник культуры И. Воронина.
- 4 Попробуй поболтай в такой позе.
- 5 Больше эмоций! Педагог Н. Дашкова.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ
Фото Г. КОПОСОВА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

НАЧАЛО

Иду удивительной улицей. По обеим ее сторонам высятся величественные таинственные сооружения. Одни из них круглые, с куполообразными крышами. Другие напоминают гигантские кубы, третьи сверкают стеклом и бетоном и словно щеголяют перед своими мрачноватыми соседями легкими, изящными конструкциями. А кругом на много километров тянется густой лес... И чтобы дополнить ощущение от этой фантастической картины, скажу, что за стенами зданий пылают бес-

чувствовать ответственными за последствия своих открытий». Слова Вернадского всегда помнят ученые, работающие в советском атомграде.

Летом 1955 года появились здесь строители. Их встретили дремучий лес, полный грибов и ягод, богатая рыбой река Черемшан — приток Волги, упоительный воздух. Такой щедрой и красивой сохранили природу жители атомграда и теперь.

— Я приехал сюда летом пятьдесят восьмого, — рассказывает директор института доктор технических наук профессор Владимир Андреевич Цыканов. — Что здесь было? Только начал строиться наш первенец — сверхмощный реактор эсэм-два, второе здание было возведено лишь на отметку около пяти метров, промокал под дождями бетонный остов еще одного здания. Вот, собственно, и все... Весь персонал будущего института размещался в одном небольшом бараке, а в нашем новом городе (теперь он слился с Димитровградом) приступали к строительству двух первых жилых домов по проспекту Энтузиастов.

Владимир Андреевич Цыканов относится к тому счастливому поколению физиков, что успели поработать с Курчатовым, знают его не по воспоминаниям, повестям и кинолентам, а лично. Для них он не легенда, а иногда веселый, иногда усталый человек, последние годы больной, но всегда ост-

них. И тем не менее почти каждый день Курчатов обязательно встречался с сотрудниками, проектирующими новый реактор. Ему принадлежала идея создания таких высокопоточных машин.

Курчатов жил на территории института, группа «сверхмощного» размещалась в главном корпусе. Работу кончали поздно. И вот часов в десять-одиннадцать вечера по тихому коридору слышны шлепанцы «ни шагу назад». (По вечерам Игорь Васильевич ходил под домашнему в шлепанцах.) Сотрудники уже знают: «Сейчас он войдет». Действительно, раскрывается дверь: «Ну как, орлы?»

Даже когда Курчатов был уже тяжело болен и лежал дома, он интересовался ходом дела. Когда врачи ложились спать или притуплялась их бдительность, он звонил по телефону: «Давай заходи, рассказывай, как там считается, как рисуется?»

О тех днях Цыканов иногда рассказывает теперь молодым сотрудникам своего института.

И, конечно, когда пришло время строить реактор, Владимир Андреевич отправился из Москвы вслед за своим детищем. Это было естественно и нормально. Для ученого, работавшего с Курчатовым, не могло быть иначе...

«ВСЕ СВОДИТСЯ К ЭНЕРГИИ»

Надеваю белый шелковистый халат и, старательно упрятав воло-

Реактор МИР. В расшифровке его имя звучит весьма прозаически: материаловедческий исследовательский реактор. Свое символическое название он оправдывает работой только для мирных целей: здесь проходят первую проверку и получают путевку в жизнь тепловыделяющие элементы будущих АЭС.

Там, за бетонной стеной, в горячей камере, идет процесс выделения калифорния. Контролирует его сотрудник радиохимической лаборатории А. А. Ядовин.

Эта скульптура установлена на территории института как символ расщепленного ядра.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Центральный зал реактора атомной электростанции «ВК-50».

АТОМГРАД

В ЛЕСУ

шумный гигантский пожар, рушатся и рождаются вновь миры, бешут потоки ядерного излучения, способные обогреть землю.

Так выглядит единственный в стране Научно-исследовательский институт атомных реакторов. И это была счастливая мысль — построить его именно здесь, в Поволжье, недалеко от Ульяновска — родины Владимира Ильича Ленина. Институт с гордостью носит его имя.

Когда-то на заре Советской власти академик В. И. Вернадский писал: «Мы подходим к великому перевороту в жизни человечества, с которым не может сравниться все, им ранее пережитое. Недалеко время, когда человек получит в свои руки атомную энергию, такой источник силы, который даст ему возможность строить свою жизнь, как он захочет... Ученые не должны закрывать глаза на возможность последствия их научной работы. Они должны себя

роумный, с живым блеском увядающих молодых глаз на мужественном бородатом лице. И его научные труды они читали не в почтенных книгах, в тисненых переплетах и с предисловиями, а написанные только-только, прошедшей ночью, наскоро перепечатанные институтской машинисткой... От него они слышали ставшую теперь хрестоматийной фразу: «Запомните, все сводится к энергии».

Цыканов пришел в Институт атомной энергии после окончания МИФИ. И диплом, и кандидатская, и докторская его диссертации связаны с реактором СМ-2 «сверхмощным» — первым, построенным здесь. А начали его разрабатывать в Москве. Игорь Васильевич Курчатов живо интересовался работой. Человек он был очень занятый, в возглавляемом им институте решалось множество проблем, и «сверхмощный» реактор был лишь одной из

сы под белый чепчик (всякие кудри наружу и челки — ни-ни!), вхожу в реакторный зал. Здесь расположились знаменитый «сверхмощный» СМ-2 и так называемый реактор бассейного типа — РБТ-6.

В зале абсолютная тишина. Сто миллионов ватт смирно притаились. Там, в глубине, под красной крышкой реактора, распадается и вновь создается вещество, выделяется огромное количество тепла. Поток нейтронов в СМ-2 чрезвычайно мощный. На его пути помещают материалы, которые потом будут исследовать в горячих камерах...

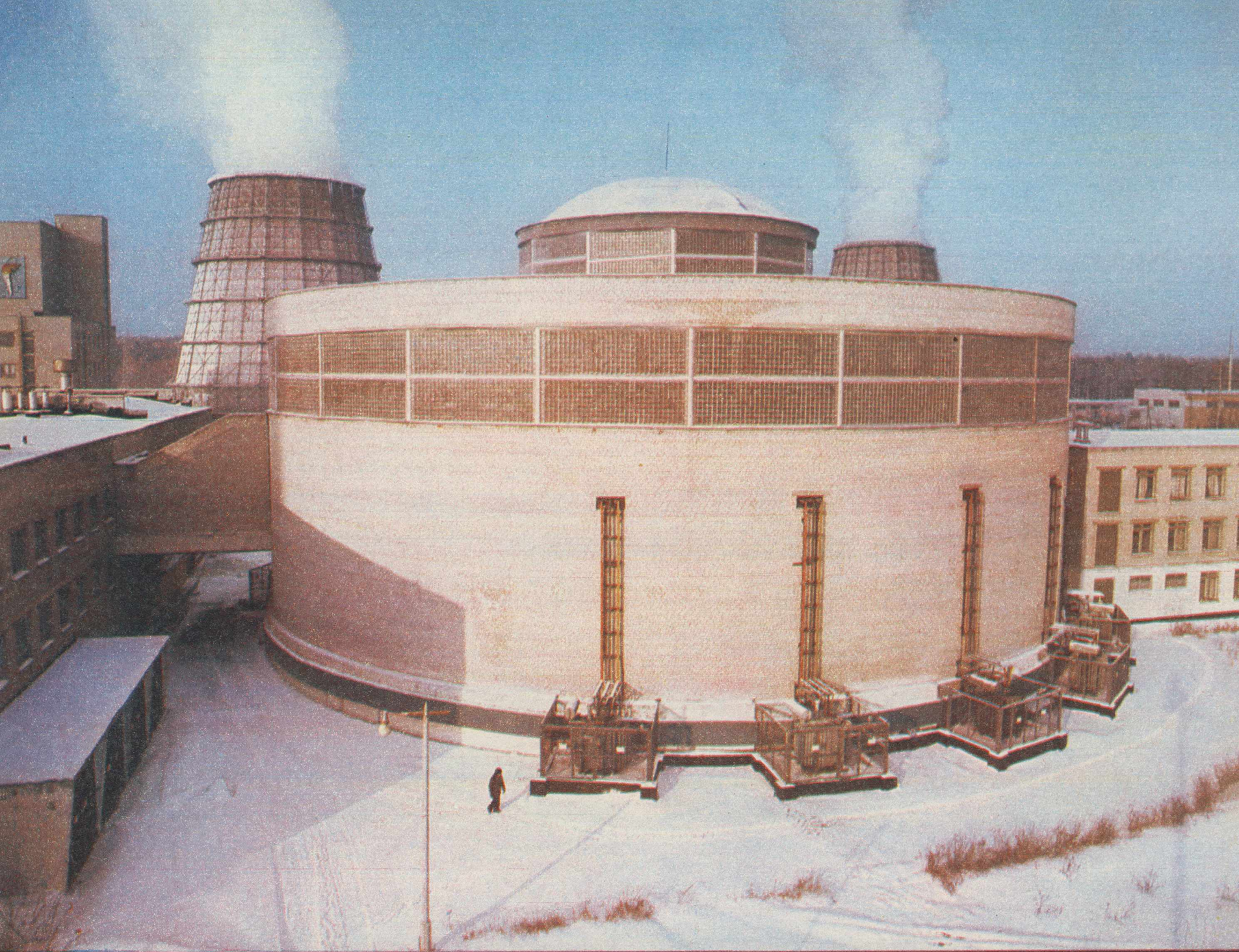
— Не подымайте сейчас стержни. Мы на крышке реактора, — говорит в телефонную трубку главный инженер Александр Иванович Кузнецов и открывает люк реактора РБТ-6.

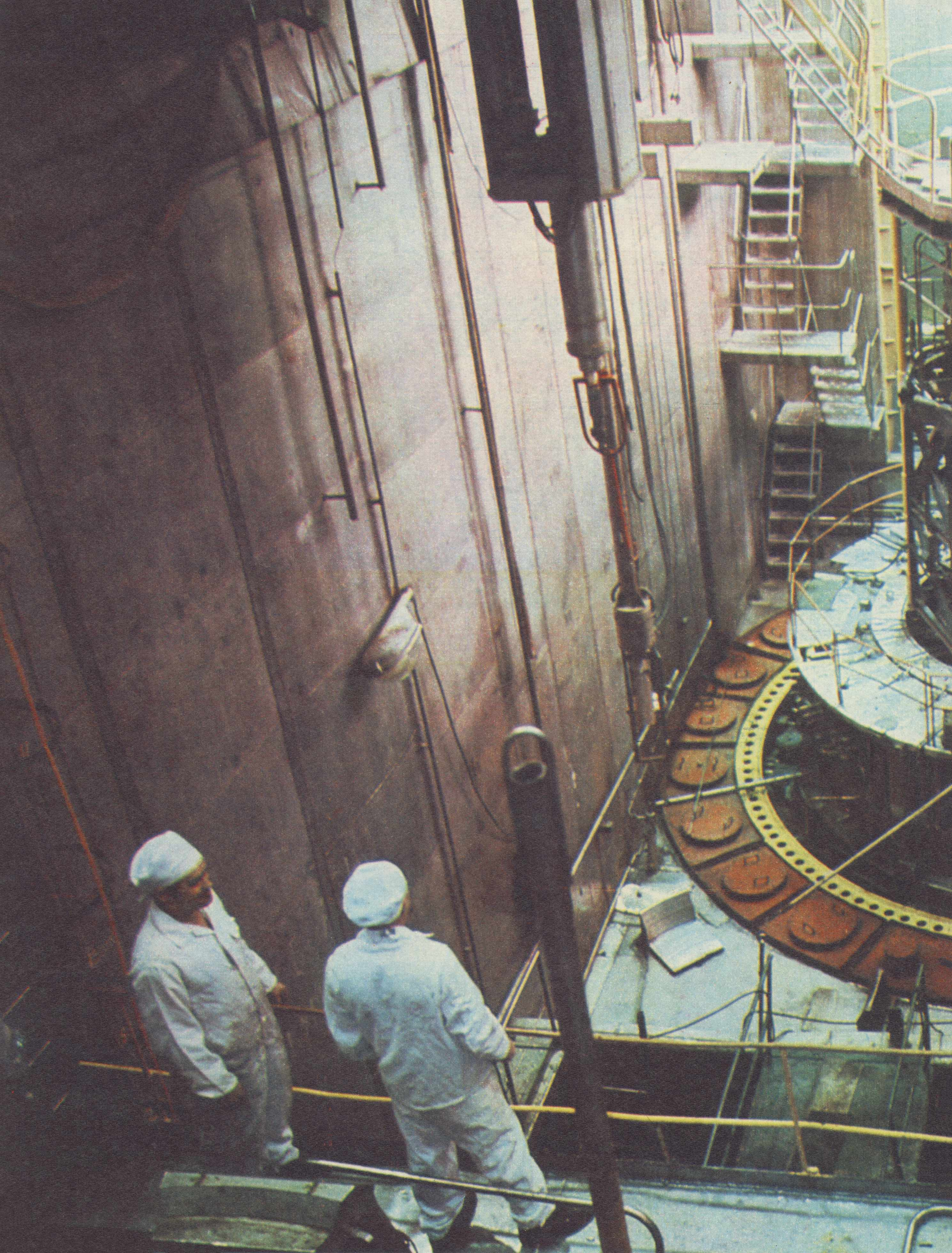
— Можно ненадолго заглянуть. Подо мной чудо — живой реактор! Его нутро увидишь нечасто. В недрах его светится уран, то са-

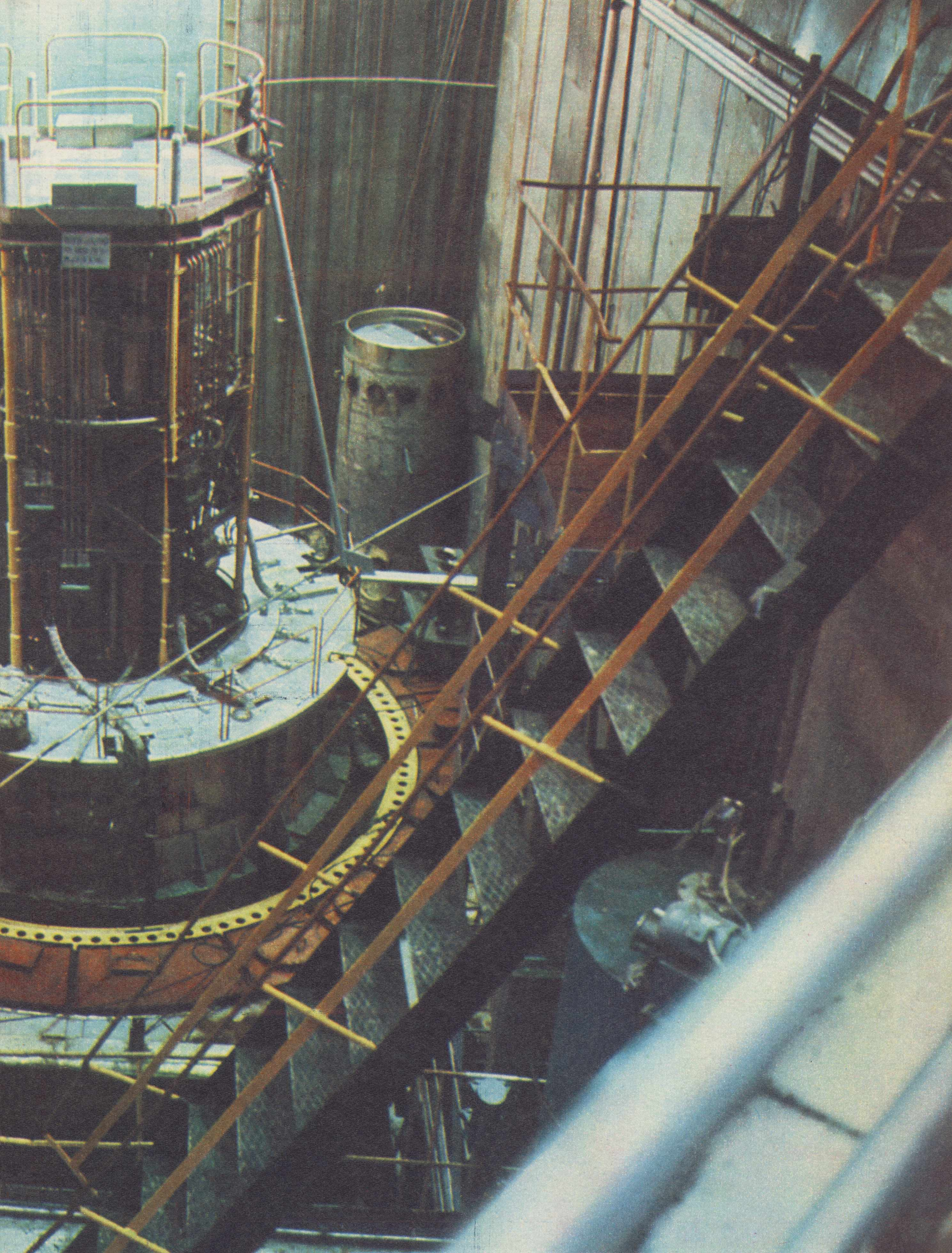
мое горючее, что дает электроэнергию и тепло. Семиметровый слой воды — единственная и вполне достаточная защита. Пронизанная голубоватым светом вода чуть колеблется у самых ног. Вот оно, то самое Черенковское излучение, за открытие которого советский ученый Черенков получил Государственную и Нобелевскую премии!

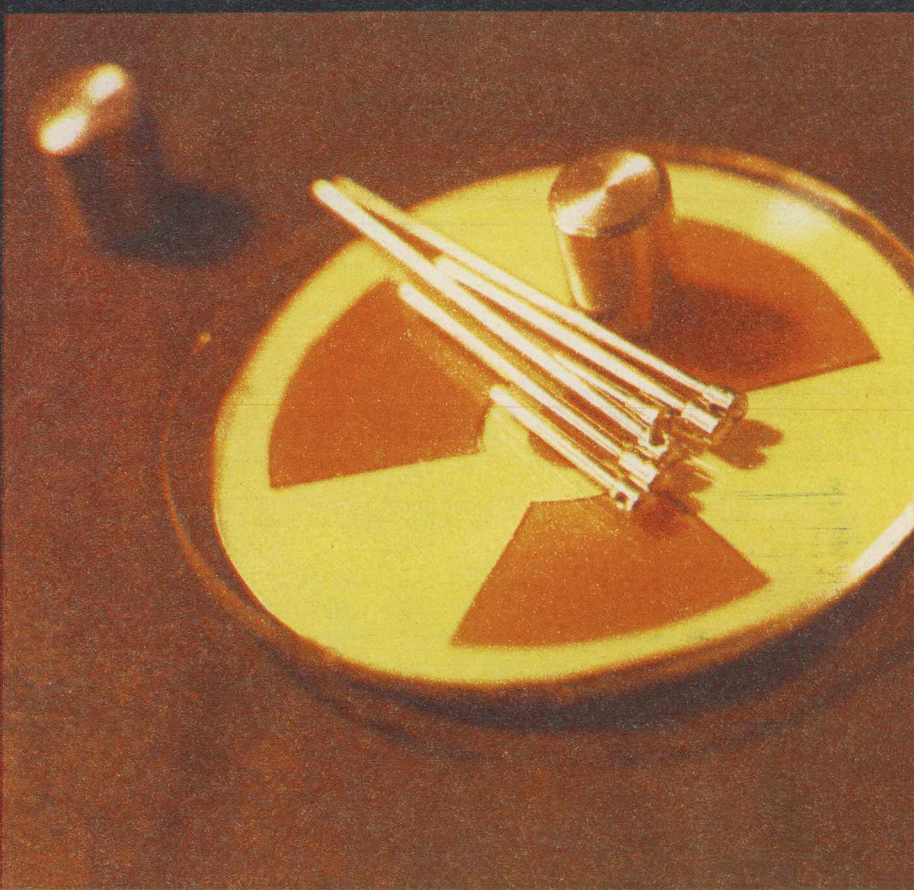
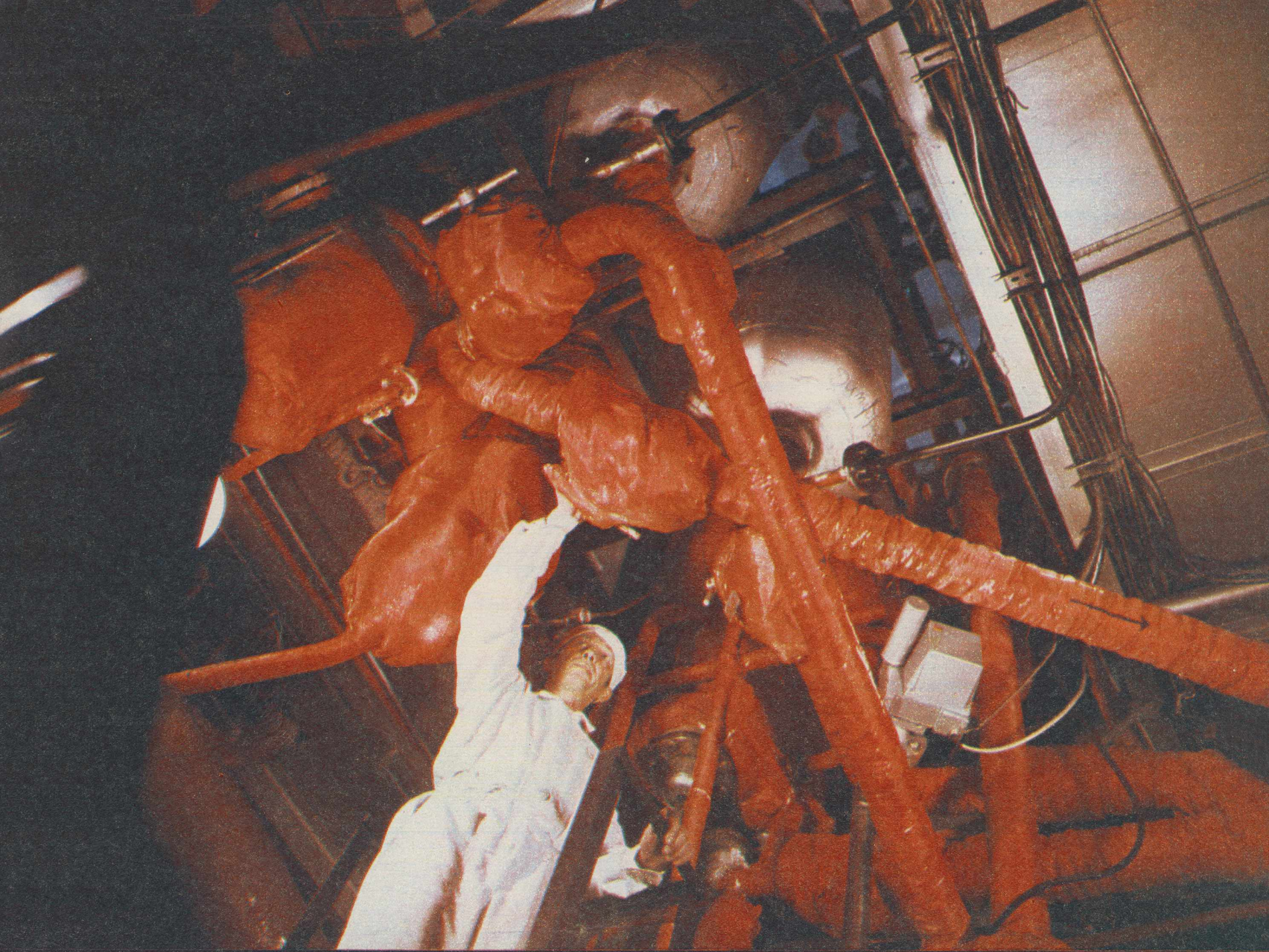
Сейчас в институте работают шесть разных типов реакторов. Они являются исследовательским орудием ученых и дают электроэнергию в сеть страны. А скоро будут вырабатывать и тепло.

Есть в институте скромный безотказный работяга — АРБУС. Он создавался для снабжения электроэнергией небольших поселков и городов в труднодоступных районах, скажем, в Арктике или далеко в горах, где нет иных источников энергии. Ему даже не надо специального здания — любой сарай пригоден для его ук-

рытия. АРБУС — реактор с органическим теплоносителем. Это-то и делает его абсолютно безопасным в работе. Поэтому именно на него обратили внимание ученые при создании атомной котельной.

— На теплофикацию уходит по стране примерно одна треть всего горючего, — говорит руководитель исследовательского отдела самого молодого в институте сектора тепловых реакторов В. А. Куприенко. — Причем, как правило, это самое низкосортное горючее, отходы которого чрезвычайно загрязняют воздух. Копоть, грязь, задымленность грозят превратиться в бич современных городов. Атомные котельные избавят воздух от копоти. Однако при их разработке встают свои проблемы. И первая из них — абсолютная безопасность, надежность работы. Требования эти для атомных котельных сказываются гораздо острее, чем для АЭС. Почему? Электростанция обычно помещается вдали от городов, электроэнергия передается по проводам. Атомная теплофикация заставит вступить в более близкий контакт с населением.

АРБУС безотказно работает уже тринадцать лет. Срок, внушающий доверие...

Атомная энергетика завоевывает все новые рубежи. Уже десятки АЭС трудятся на земном шаре. Причем интересно, что почти все они работают от разных типов реакторов. Раньше такая роскошь оправдывалась, искали наилучший вариант, и, по существу, каждая АЭС становилась новым экспериментом. Теперь пора остановиться, надо найти оптимальный вариант, наиболее простой, эко-

атомного века: графит разбух и загорелся. Во Франции во время работы лопнул даже корпус реактора. Главным тормозом в развитии атомной энергетики стало отсутствие конструктивных материалов, способных работать в невероятно трудных условиях мощных излучений и высоких температур. Исследованием и испытанием таких материалов занимаются ученые. Это одно из главных направлений работы Научно-исследовательского института атомных реакторов имени В. И. Ленина.

— Материаловедение у нас — деловая наука, — рассказывает начальник сектора материаловедения, кандидат технических наук Евгений Федорович Давыдов. — Нас интересует и само топливо, и материалы, из которых сделан реактор, и вещества, которые так или иначе соприкасаются с его активной зоной. Сейчас, пожалуй, нет такого материала в реакторостроении, который бы не испытывался у нас.

— Журнал «Огонек» шефствует над строительством Атоммаша. У нас уже завязались прочные дружеские отношения. Связан ли ваш институт с этим гигантским предприятием, которое будет производить атомные реакторы для АЭС? — задаю я вопрос Евгению Федоровичу.

— На Атоммаше должны делать реакторы отличной конструкции. Корпусные реакторы более простые в работе и еще более безопасные, чем те, что существуют сейчас. Мы исследовали и испытывали радиационную стойкость корпусных материалов, из которых их будут делать. Когда в следующей пятилетке начнется

акторах, обтачивают, режут, сверлят, растягивают, сжимают, ломают. Образцам нелегко, но и станкам не легче: в камерах излучения до ста тысяч кюри! Для сравнения скажу, что достаточно открыть камеру на секунды, чтобы работающие здесь люди получили годовую норму облучения. Но это только для сравнения: таких случаев в институте никогда не было и быть не может.

Операторы работают при помощи манипуляторов и микроскопа. Мне предлагают самой провести самую несложную операцию. Берусь за ручки манипулятора, но сейчас же останавливаюсь. Механические руки явно не подчиняются, плывут совсем в другую сторону и грозят произвести в камере разрушение. А ведь операторы делают поистине ювелирную работу, имеют дело с микроскопическими образцами.

Горячие камеры мне показывают начальник смены Юрий Николаевич Лузин и Виталий Михайлович Раецкий, кандидат физико-математических наук. Оба они уже больше пятнадцати лет работают в институте. Раецкий — председатель совета молодых ученых и специалистов, у него за плечами два высших образования — МИФИ и заочно мехмат МГУ.

— Современному ученому невозможно без математики, где бы он ни работал. Мышление иное, — коротко объясняет он.

Навстречу нам по коридору бесшумно двигаются мужчины и женщины, будто специально одетые для киносъемки. Белоснежные куртки, брюки, носки, тапки и шапочки. Мне тоже пришлось переодеться. Сумка осталась в раздевалке, а записную книжку (я ее все-таки взяла с собой) на выходе тщательно проверяют специальным дозиметром. Служба защиты бдительна!

РЕАКТОР РАЗМЕРОМ С НАПЕРСТОК

— Отнеситесь к этим малюткам с уважением. Интенсивность их излучения такая же, как в небольшом реакторе, — говорит начальник отдела радиохимии Евгений Александрович Карелин.

С недоверием смотрю на цилиндрики, похожие на наперсток и штопальные иглы.

— Сами источники излучения еще меньше, — поясняет Евгений Александрович. — Вы видите их уже запаянными в двойной корпус. Излучение их — от нескольких миллионов до миллиарда нейтронов в секунду.

— Из чего же состоит начинка этих мини-реакторов? — спрашиваю я.

— Калифорний, радиоактивный элемент из семейства трансурановых.

...Более сорока лет назад Энрико Ферми обнаружил, что при бомбардировке урана нейтронами образуются радиоактивные элементы. Итальянские ученые решили, что эти элементы более тяжелые, чем уран, и назвали трансурановыми. С тех пор семейство трансурановых значительно пополнилось. Однако получение их и исследование чрезвычайно сложно. Научно-исследовательский институт атомных реакторов — единственное место в Европе, где ве-

дется весь комплекс от получения до исследования свойств и изучения областей применения далеких трансурановых элементов, вплоть до калифорния.

Мини-реакторы являются плодом работы почти всего института. Трансурановые элементы получают на реакторах, радиохимики их разделяют и исследуют, а материаловеды заканчивают последнюю обработку, подыскивают для них непроницаемую одежду, придают элегантный внешний вид. На Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства источники излучения из калифорния получили золотую медаль. Применяются они в медицине, геологии, для активационного анализа, в народно-хозяйственных целях.

Несколько ранее была выполнена еще одна работа, тоже связанная с медициной, принесшая огромное удовлетворение радиохимикам. Они создали атомный источник энергии для стимулятора сердечной деятельности, маленькую тепловую атомную станцию, которая будет работать в груди человека.

Руководит сектором радиохимии доктор химических наук Андрей Григорьевич Рыков. Он москвич, закончил химфак МГУ. Диплом с отличием помог Андрею Рыкову получить направление в Институт атомной энергии. Скоро минет 15 лет, как Андрей Григорьевич работает в НИИ атомных реакторов.

— Идея комплексности, когда реактороведение сочетается с радиохимией, принадлежит Игорю Васильевичу Курчатову, — рассказывает Рыков. — Но в нас, радиохимиках, особенно сильно наследие его брата Бориса Васильевича Курчатова. Удивительная это была семья! Пожалуй, никто столько не сделал в области трансуранов, как крупнейший радиохимик Борис Васильевич Курчатов. Человек он был мягкий, скромный, любил всегда оставаться в тени. Мы отсюда ездили к нему, советовались. Он интересовался нашей работой: «Ну, что наколдовали?» Это был большой ученый. И я бы сказал, человек открытой совести и честности. Он умер в семьдесят третьем году. Его влияние я ощущаю на себе до сих пор...

Будущее применение трансуранов, таких, как америций, кюриум, берклий, калифорний, еще до конца не осмыслено, ученые не знают, что еще можно «выжать» из уникального семейства. Атомный век поставил перед человечеством и эту проблему. Ведь в процессе работы реакторов атомных станций, хотим мы этого или нет, идет накопление трансурановых элементов, их не выкинешь из атомной топki — они радиоактивны и к тому же могут оказаться чрезвычайно ценными, хотя еще не всегда ясно, где именно. Но ведь и об уране сначала писали: «Практического применения не имеет».

«Наука — не развлечение, не простое удовлетворение потребностей ума знать и понимать. Наука — это неочевидное орудие для изменения жизни», — писал академик А. Ф. Иоффе, директор одного из первых научных институтов, созданных в нашей стране по указанию В. И. Ленина. Эти мудрые слова вспоминаются в каждой лаборатории советского атомграда.

Оператор Е. Н. Дерягин работает в первом контуре реактора АРБУС.

Цепочка горячих камер сектора материаловедения.

На самом деле эти нейтронные источники с изотопом калифорния еще меньше, чем на фотографии.

номически выгодный и безопасный. Поиском этого оптимального варианта для атомной станции будущего также занимаются ученые Научно-исследовательского института атомных реакторов. Вспомните курчатовское: «Все сводится к энергии».

ИЗЛУЧЕНИЕ — 100 ТЫСЯЧ КЮРИ

Приближался конец смены. На пульте атомного реактора все было спокойно. Сняв показания приборов, оператор записал в вахтенном журнале: установка работает в заданном режиме. А через несколько секунд из-под крышки реактора вырвалось пламя. Горячее земное пламя сменило невидимый огонь ядерной реакции. Как такое могло произойти?

Этот опасный случай произошел в Англии в середине 50-х годов. Прославленные, испытанные материалы не выдерживали нагрузок

производство реакторов на Атоммаше, мы наверняка будем выполнять и его заказы.

Недавно группа сотрудников института, в том числе и Евгений Федорович Давыдов, получила ордена за выполнение пятилетнего плана. Это лишний раз подчеркивает, как тесно связан сектор с практикой: материаловедение здесь действительно «деловая наука».

Однако основное достоинство работы ученых, секрет их успеха, как мне кажется, заключается в органической связи «деловой» и «чистой» наук, которая составляет живое тело исследований института.

Изучение материалов ведется в горячих камерах лаборатории — крупнейшей в Европе. За защитными стеклами горячих камер разместились целый «завод»: фрезерные, шлифовальные, токарные станки и другие установки. Образцы материалов, облученные в ре-

На причале никого не было. Карналь не пришел. Обещал и не выполнил обещания. Собственно, никаких обязательств, кроме слова, но ведь такой человек не бросает слов на ветер. Ветра такие люди тоже не пугаются. Значит, не пришел, потому что не хотел. Даже об этом Анастасия не сумела подумать, потому что думать вообще в эту минуту не могла. Только видела пустой причал, может, потому мысленно и летела туда сама, чтобы встречать возвращение с моря этих жалких аргонатов, этих незадачливых поедателей шашлыков, этих водолюбов и водофобов (Джансуг, который мог относиться только к водофобам, еще и сейчас испуганно молчал и смотрел на Анастасию мучительно виноватыми черными глазами). Если бы ей сказали, что в это время Карналь уже подлетает к Парижу или что через неделю он увидит такое же развихренное потемневшее солнце, торопясь на похороны отца, она не то чтобы не поверила, а содрогнулась бы сердцем от боли за него, но, к сожалению, знание того, что есть и что будет впереди, не всегда открывается тебе, вот и должна казнить и мучиться неопределенностью, неосуществимостью надежд, неутолимостью желаний. «Надежда — мой компас земной, а удача — награда за смелость...» Мягкая печаль голоса Анны Герман одолевала грозный шум моря, от воспоминания о прекрасном голосе хотелось расплакаться, а может, парил в душе Анастасии другой голос — голос Карналя, его фигура, его глаза? Каким нежным и ласковым было утреннее море и какое яростное теперь! Для иных человеческих душ вода — это стихия отчаяния. Отныне Анастасия должна была бы причислить себя к этим несчастным.

Она не заметила, что лодка их уже возле берега, не заметила, как Костик и Вероника, сбиваемые с ног волнами, пытались завести моторку в тихую бухточку, сидела и тогда, когда из лодки все повыносили на берег и Джансуг, смущенно покашливая, прошелся возле, раз и другой, не решаясь напомнить, что надо сходить на берег. В пансионате комната Анастасии была рядом с комнатой Костики и Вероники. Джансугу еще предстояло добираться до палаточного городка «дикарей» на пустыре у виноградников, где стояли его черная «Волга» и оранжевая импортная палатка и где нашли пристанище также Анастасиины «Жигули».

— Знаешь, — сказал ей доверительно Джансуг, — я не люблю моря. Таково, как это, не люблю! Прости, но не могу хвалиться. Не испугался, но не люблю. Ты понимаешь?

— Разве я тебя упрекаю? — Она посмотрела на Джансуга почти сочувственно. — Не думай обо мне, Джансуг. Не нужно никаких оправданий.

— Мы должны поужинать все вместе. Я приглашаю всех. Жора тоже с нами.

— Идите. Я сегодня не буду. Спасибо. Может, попозже найду вас.

Она почти отгоняла их от себя. Нетерпеливо выжидала, пока оставят ее одну на причале, хотелось быть одной на всем берегу, чтобы нигде никого, абсолютная пустыня, уж коли пустота, так пустота! Накинула на себя легкий курортный сарафанчик, взяла сумку, набитую своим добром, долго стояла на берегу, на-

блюдая за одинокими прохожими, медленно погружалась в сумерки, хотела одиночества, чтобы дать волю своему отчаянию, но в то же время жила надеждой! А может, может!

Несколько часов блуждания по темному берегу, бессмысленное желание бежать в помещение дирекции — расспросить дежурного об академике Карнале, еще более бессмысленное, уже совсем дикое желание: встать в очередь к междугородному телефону-автомату и звонить в Киев. Кому, о чем, зачем? Не знала и сама. Сначала оскорбилась в ней женщина, потом, пожалуй, от попытки оправдать свое настроение пришло иное: раз Карналь здесь уже две недели, а она только два дня, то, выходит, он здесь хозяин, а она гость. Хозяин должен был встречать гостя, но не встретил. Поэтому она и обеспокоена. А кто здесь гость, кто хозяин? Что-то подсказывало ей, что с Карналем могло случиться непредвиденное, теперь она уже была уверена в этом, оставалось лишь узнать, утвердиться в своих предположениях, унять свое беспокойство, свои опасения. Как? Где? Каким образом?

Отнесла свои вещи в комнату, переоделась, пошла искать друзей. На танцах или в ресторане? Выбрала ресторан, без надежды надеясь, что Карналь тоже там, с радостью и облегчением убедилась в своей ошибке, нашла там только свое дневное общество, присоединилась к нему, попыталась прикинуться беззаботной, выпила немного вина, танцевала с Джансугом, с Жорой, даже с Костином-Бегемотиком, потом, будто ей только что пришла в голову эта мысль, предложила пойти всем к междугородному телефону и позвонить в Киев «одному знакомому».

— «Пусть неудачник пла-а-ает!» — снова загундосил Костик. — Анастасия, ты разбиваешь сердца не только вблизи, но и на расстоянии!

— Тогда зачем же придуман телефон? — засмеялась Анастасия.

— Мне жаль того человека, — сказала Вероника-Глобус.

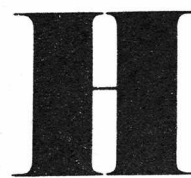
— Зато Князь должен отныне полюбить телефон-автомат! — воскликнул Костик.

— Я не люблю телефонов, — смущенно улыбнулся Джансуг.

Анастасия посмотрела на него не то удивленно, не то с невысказанной признательностью.

— Ты говорил это о море, — напомнила она.

— Не люблю моря и телефонов.

— А что же ты любишь? — допытывался Костик.

— Слушай! — умоляюще прижал руки к груди Джансуг. — Почему ты все время на меня нападаешь? Сократа обвиняли: ремесленник Анит, оратор Ликон, поэт Мелит. Ты не ремесленник, пусть им будет твой брат-режиссер, ты не оратор, потому что слишком толст для этого, не поэт, так как не знаешь даже чужих стихов. Тогда почему ты на меня нападаешь?

— Так ты же не Сократ! — захохотал Костик. — А еще: боишься моря.

— Я не люблю моря.

— Телефонов не любишь, моря — тоже. Что же ты любишь? Анастасию?

— Все, кроме моря и телефонов.

Хотя время было уже довольно позднее, возле будки телефона-автомата понуро темнела почти бесконечная очередь. Жора свистнул тихо и безнадежно.

— Один автомат на тридцать километров побережья, — сказал он.

Костик метнулся туда-сюда, мигом все разведать, вернулся к друзьям не опечаленный, скорее развеселившийся.

— Есть предложение! — закричал бодро. — Поставить в кустах палатку Князя и в ней ждать очереди, отмечаясь каждые три часа. Не прой-

дет и трех месяцев, как ты, Анастасия, разобьешь чье-то сердце по телефону.

— А сегодня не удастся этого сделать? — стараясь разыгрывать лукавство, спросила Анастасия.

— Могу открыть маленькую тайну: телефон не работает!

— Как это?

— Очень просто. Он набит монетами, а те, кто должен приехать и выбрать из него деньги, либо загуляли, либо просто перевыполнили план и решили культурно отдохнуть. Техника-ка-ка!

— Тогда почему же очередь стоит? — изумилась Анастасия.

— На всякий случай. А вдруг телефон заработает? Разве не все равно, как отдыхать — в очереди или без очереди? Вернется человек с моря, будет ему что вспоминать. Скажет: вот уж настоялся, так настоялся!

— Как это прекрасно! — не сдержалась Анастасия.

— Что именно? — не понял Джансуг, которому теперь уже до конца суждена была одна только растерянность.

— То, что телефон набит монетами! — Анастасия счастливо засмеялась. Голос Анны Герман продолжал петь в ней сладостно и щемяще. «Светит незнакомая звезда, снова мы оторваны от дома...» Может, и в самом деле прекрасно быть иногда безнадежно оторванным от дома, от родного города, от знакомых людей, от всего на свете, и поддаться только этому теплому ветру над теплым морем, и пустить за ветром свое отчаяние и свое странное беспокойство?

В шутках и нарочито пустой курортной болтовне провожали Князя к его «имению», потом Джансуг провожал их до моря, там еще долго стояли, шутили, подсмеивались друг над другом, беззаботность, неомраченность, жизнь чудесна, они молоды, все впереди, вся жизнь впереди, прошлого нет, одно будущее, когда же, наконец, разошлись, и Анастасия оказалась в своей комнатке, и невольно вспомнила все, что с ней сегодня было, ее охватил ужас! Все будущее перескочило в прошлое и умерло там, уничтожилось навеки только этим одним трагичным в своей непостижимости и загадочности днем, который должен был стать для нее днем озарения, а стал днем отчаяния.

Заснуть не могла, насилу дождалась рассвета, быстро уложила вещи, пошла в лагерь «ди-

карей», в серых рассветных сумерках довольно легко нашла яркую палатку Джансуга, отперла машину, запустила двигатель. Джансуг высунул из палатки голову, хлопал сонными глазами, ничего не мог понять:

— Анастасия? Что случилось?

— Еду заправляться.

— Рано. Все колонки закрыты.

— По дороге в Симферополь есть дежурная. В Белогорске. Круглосуточно открыта.

— В Симферополь? Ты едешь в Симферополь?

— Ну, еще не знаю. Надо. Срочное задание редакции. Репортаж о самой большой в мире домне...

Про домну она выдумала только что и обрадовалась своей выдумке. Действительно, почему бы не поехать на самую большую в мире домну? От самого большого в мире отчаяния к самой большой в мире домне...

— Ты в самом деле? — Джансуг уже стоял около машины, Анастасия тоже вышла из «Жигулей», улыбаясь, протянула ему руку:

— Да. В самом деле.

Он растерялся. Еще не отошел ото сна, а тут такое неожиданное решение.

— Слушай. — Растерянность не к лицу философам, но он, наверное, даже забыл о том, что

философ.— Ты знаешь что? Скажи, не забудь меня?

— Ну? Не забуду. Ты такой...— искала и не могла найти нужное слово.— Ты ненавязчивый, Джансуг, хоть и пытаешься строить из себя навязчивого. Не забуду... До свидания...

Пожали друг другу руки, она села, маленькая машина почти неслышно покатила по узенькой улочке палаточного городка.

Бегство? Погоня? Позади осталось случайное и несущественное, впереди за утренней холмистой землей лежала бесплодная равнина времени, пустая плоскость, безмерная и безнадежная. «В небе незнакомая звезда светит, словно памятник надежде...» Могла ли она знать, что Карналь почти не спал в ту ночь в средневековом отелеке мадам Такэ?

Зато у Анастасии была теперь цель, она безмерно радовалась своей выдумке о поездке к главной домне страны. Ты приглашена в Кривой Рог, туда, где возник один из символов твоего времени, невиданное и неслыханное сооружение, выросшее на краю Криворожской степи, среди садов рабочего поселка в столь невиданно короткий срок, в течение которого художники не успевают написать картины, а романисты — романы, родилось как бы само собой, будто приснилось тебе, но во сне прекрасно-реальном, материализованном мужественными, творческими, героическими деяниями твоих современников. Кривой Рог лежит в самих глубинах Приднепровских степей, за золотыми пшеницами, подсолнухами, кукурузами, поля обступают тебя со всех сторон, пшеницы стоят, как вода, усатые ячмени, плотные, как щетка, подсолнухи и кукурузы напоминают своим зеленым неистовством нечто тропическое, наверное, именно здесь ты увидишь начала тех украинских хлебных миллиардов, какими прославилась твоя земля.

Даже самое большое поле всегда чем-то напоминает тебе ненаписанную страницу: такая же чистота и нетронутость земли и бумаги, одинаково наглядно бессилие человека перед невообразимостью беспредельности труда и такое же конечное торжество, когда после длительных, упорных, неторопливо-настойчивых усилий, после наивысшего напряжения творческих зарядов души человек засекает зерном пшеницы землю или зерном слов бумагу и получает всходы, урожай, дарит людям плоды, красоту, вдохновение.

рисовать то гармоническое диво, которое поднимется тут в скором времени.

Несколько дней, добровольно, за счет собственного отпуска, уставая и изнуряя себя до предела, металась Анастасия по Кривому Рогу, готовила материал, от какого пришел бы в восторг даже ее невозмутимый скептик редактор, встречала и провожала почти все рабочие смены, питалась в рабочей столовой, в гостинице соцгородка, кажется, даже не бывала, потому что забыла и про сон, наконец вынуждена была признать: от тоски и отчаяния не спасет тебя ничто.

Вновь и вновь плыла она в гудящем море, видела за вздыбленной, яростной водой пустой причал, снова переживала свою боль, не принимала никаких оправданий, не хотела знать никаких причин. Ведь дано было слово. Без принуждения, без упрямства и мольбы. Добровольно и легко. Такое слово не нарушают. Да еще так молча, загадочно, без объяснений. Вина тот, кто не пришел. Не прийти может женщина. Мужчины — никогда. Женщины всегда правы. Как тираны и диктаторы. Она диктатор? Смех и грех!

Что она Карналю и что ей Карналь? Случайно узнала о его существовании. Случайно познакомилась. Без восторгов, даже без элементарного удовольствия. Такой человек если и не отпугивает, то вызывает чувство враждебности или просто равнодушия. Со времени знакомства отношения их были, так сказать, случайно-пунктирные. Еле заметные. Правда, та дикая ночь, когда пришлось спастись от нахального Кучмиенко. Наверное, тогда пролетело что-то в ночном телефоне между двумя одинаковыми людьми и... Пролетело? Но это она может сказать только о себе. А о Карнале? Ухватила за его обещание на берегу, как за свидетельство чего-то бывшего и более высокого; а если это была простая деликатность?

Но не убеждало Анастасию даже это. Напротив, возмущало. Потому что вежливость пусть для других — не для нее. Иногда хочется быть эгоисткой. И если это самая решающая минута жизни, то кто станет упрекать тебя в самолюбии? Анастасии же почему-то казалось, что именно тот день должен стать решающим для нее. А что принес? Отчаяние. В самоослепении и наивности она обрадованно ухватила за случайную, спасительную мысль поехать сю-

ми еженощно, но еще ни разу не привлек ее, не заинтересовал ни как молодую женщину, ни даже как журналистку, которая должна знать жизнь во всех ее самых неожиданных проявлениях.

Конечно же, в ресторане не было ни одного свободного столика! Однако Анастасия никогда не принадлежала к тем, кого не замечают. Убедилась в этом и тут, потому что как только переступила порог большого ресторана, из самого центра танцующих пар, из самого водоворота выскочил высокий жилистый парень в джинсах и в довольно странной кофте, поклонился Анастасии, гибко прошелся, взмахнул рукой.

— С вами или для вас?
— По крайней мере не со мной.
— Тогда для вас!
— Не слишком ли быстро?
— Для такой женщины — нет!
— Предупреждаю: я вас не заставляла.
— Добровольно!
— Верите в добровольное рабство?
— Только в свободу! А красота — это свобода!

Он не дал ей ничего больше сказать, замаяхивая издали оркестрантам, те, видимо, знали его, потому что с полутакта сразу перешли на другое, что-то модно-столичное, спазматически-модерное, пары сбились с темпа, некоторые немедленно перестроились, другие отошли в сторону, образовалось немного свободного пространства, коим незамедлительно завладел жилистый парень, выказывая немислимое чувство ритма, уже, наверное, и не для Анастасии и всех присутствующих, а для самого себя, получая наибольшее удовольствие от своей гибкости, молодости и раскованности.

Кто-то остановился возле Анастасии, остановился неожиданно, большой, тяжелый и в то же время страшно несмелый. Казалось, даже не дышит. Ужасно переживает эту свою тяжесть, из-за которой ему никогда не будет дано сравняться с тем жилистым веселым дьяволом, что заполнил уже все пространство, растолкав всех танцующих на далекие периферии зала.

— Он тут всегда так... Для всех гостей танцует... И работа его не берет...

Говорил стоявший рядом. Анастасия повела глазом в сторону. Возле нее стоял Совинский.

С Т А С Ш Я

А что напоминает самая крупная в мире домна? Ведь до нее не было подобных, ее не с чем сравнивать, она как бы отдельный мир, загадочный и самодовлеющий, невероятно сложный и по-своему прекрасный, в ней обещание, надежда, могучая беспредельность, непостижимость, восторг, и в то же время все это в конце концов уместается в категориях сугубо человеческих: в умении, дерзости, точном расчете, самоотверженности и героической настойчивости. Тут поражает все: и то, в какое невиданно короткое, сконденсированное до фантастической плотности время сооружена домна, и дерзость конструкторской мысли, и размах всего созданного, и картины смелого борения людей со временем, с металлом, с бетоном, и самый образ домны, могучий ее силуэт, дымчато-серый издали, твердо-четкий вблизи, будто даже четче самой геометрии. Невольно тушуешься перед этим титаническим сооружением, невозможно вообразить, что совсем недавно тут зеленели рощи, тихие сады, что строители формовали бетонный «пень» домны прямо посреди завалов желтой глины, что первые кольца стального кожуха домны монтажники сваривали среди таких завалов и в такой непролазной грязище, что самое неистовое воображение не могло бы тогда еще на-

да, на самую большую домну в мире. Но в первый же день убедились, что люди несут сюда не свое отчаяние, а истинное величие и воодушевление. Так же как и на Енисей и Самолор, на БАМ и в космос. Пристыженно урылась в гостинице, целый день писала текст к своим снимкам, терзала бумагу, готова была растерзать себя. Ну почему, почему так? Двое людей ищут друг друга в беспредельности времени, но в разных плоскостях общности. Вот идут навстречу друг другу с протянутыми руками, осталось лишь шевельнуть пальцем и дотронуться, но не находят один другого, не дотрагиваются, расходятся неудержимо, безнадежно, может, и навеки, чтобы стать, как те легендарные пирамиды ожидания, вершины которых стесываются касанием птичьего крыла раз в тысячу лет. Камень может терпеть и ждать, человек — нет. Он создан не для терпения. Человек вообще — это одно. А женщина? Может, создана для унижения? Познать счастье — унижение с любимым человеком — для этого стоит жить. Ага, с любимым! Слово найдено, но не для нее...

Анастасия быстро отыскала одно из своих вечерних платьев, переделалась перед зеркалом, решительно спустилась по лестнице в ресторан, который гремел модными мелодия-

* * * Анастасия окинула взглядом Совинского, осталась довольна его видом: новый костюм, яркий галстук (почти как у Карналя!), темноватые волосы тщательно причесаны, следы расчески прослеживаются даже неопытным глазом. Такой же сильный, спокойный, могучий, как горный хребет. Рядом с таким мужчиной как горная тоненькая былинкой. Многим женщинам нравится. А ей? Были у нее когда-нибудь постоянные увлечения или она так и будет метаться всю жизнь?

Совинский обладал странной особенностью попадать Анастасии на пути именно в минуты ее абсолютного отчаяния и дикого одиночества. Точно современный ангел избавления.

— Вот это встреча! — обрадованно воскликнула она. — Что ты делаешь в Кривом Роге?

— Не имеет значения, — сконфуженно переминался с ноги на ногу Совинский, не решаясь первым протянуть руку.

Анастасия радушно протянула свою руку, ее тонкие пальцы утонули в могучей Ивановой пригоршне, стиснет — только захрустят! Но Совинский держал руку Анастасии бережно, грел ее пальцы своим теплом, дышал шумно, сконфуженно.

— Может, ты на свидание, а я помешала?
 — Не имеет значения.
 — А то, что мы встретились, тоже не имеет значения?
 — Я рад.
 — Очень?
 — Просто оглушен. Такое не может даже присниться.
 — Я, наверное, могу присниться только к дождю.
 — Зачем такое говорить? Ты же не мертвая.
 — Иногда бывает и такое впечатление. Когда встречаюсь с тобой и ты всякий раз удирал от меня. Познакомились в парке — сбежал. Поехали вместе к Людмиле и Юрию — оставил одну с тем шумом Кучмиенком, исчез и даже не позвонил.
 — Мне было стыдно перед тобой. Но почему мы тут стоим? Пойдем к столику. У нас там целая компания. Ребята из Минска. Наладчики. Морочатся здесь с компьютерами на девятой домне. А я в составе областной комиссии

по приемке агрегатов, да вспомнил старое, попросился к минчанам.

— Представь себе: я тоже целую неделю на девятой. Делаю репортаж для газеты. Удивляюсь, что не встретила тебя.

— Журналистам не показывают оборотной стороны медали. Да еще таким красивым, как ты.

— Благодарю за комплимент! От тебя, кажется, услышала впервые. А знаешь? Не хочется мне к твоим наладчикам. Я только что сбежала с моря от случайных знакомых. Теперь снова знакомства, разговоры, деланное глубокомыслие... Устала от этого.

— Хлопцы обидятся.

— Попроси у них прощения. Выдумай что-нибудь. Умеешь выдумывать? Или общение с вычислительными машинами лишило тебя воображения? Скажи: надо вернуть долг. Немедленно, неотложно... Ведь ты у меня в долгу. Бросал меня раз, потом другой, не бросишь же в чужом городе.

На нее нашло темное, страшное, уже сама себе не принадлежала. Отчаяние? Желание отомстить кому-то? Ослепление? Не узнавала себя, но и не сдерживала, говорила Совинскому что-то уж совсем сумасбродное — пусть!

— Я приглашаю тебя к себе. Можем мы посидеть без свидетелей, поговорить, а то и помолчать в четыре глаза?

Она назвала свой номер, через головы танцоров послала дерзкую улыбку тому жилистому парню, который снова изгибался между парами, как молодой змей, дотронулась до плеча Совинского, не знавшего, как ему держаться, — наверное, еще не верил до конца услышанному, ждал от Анастасии, может, коварства, — разве же не провинился перед нею своим поведением? Правда, тогда, в Приднестровске, она сама сбежала от него так же, как он — дважды от нее. Но женщина никогда не бывает виноватой, да и встреча их тогда была сугубо деловой.

— Ты в самом деле? — несмело спросил Совинский.

— Повторить приглашение? Не слишком ли, товарищ Совинский? На вашем месте я бы уже давно попрощалась со своими электронщиками и затем...

— Может, захватить что-нибудь из буфета?

— Что найдешь нужным.

— Шампанское или коньяк?

— И шампанское и коньяк.

— Что-нибудь поесть?

— Тебе, я вижу, надо помочь.

— Да нет, я сам.

— Ну, так жду тебя.

Она пошла из ресторана, забыв взглянуть на парня, танцевавшего для нее, поднялась на свой этаж, взяла у дежурной ключ, отперла номер, оставила дверь приоткрытой, остановилась перед зеркалом. Потемневшие глаза, суженные зрачки, отчаянность в лице — неужели это она? Такого знала себя не часто. Может, тогда, когда после десятилетки пошла на радио-завод, чтобы отомстить матери за ее испуганное хныканье после смерти отца, за ее растерянность перед жизнью, к которой она, как оказалось, не была приспособлена, привыкнув прятаться за мужнину спину. Тогда Анастасия, хотя и закончила десятый класс с золотой медалью, решила пойти на завод и пошла. Пусть мама знает! Пусть все знают! Что-то там паяла, какие-то провода, все миниатюрное, даже не поинтересовалась, зачем оно, сидела за маленьким столиком рядом с десятками таких же девушек в белых халатиках, паяла, отодвигала дальше, брала новое. Там увидел ее будущий муж. Привез прямо к ним в цех новые модели одежды на показ. Манекенщицы с ехидными улыбочками демонстрировали модели, а он ходил меж молоденьких работниц, собирая щедрую дань девичьих взглядов, высокий, длинноногий, с вдохновенными огромными глазами, горевшими почти неистовым огнем, гибкий, как этот танцор из ресторана, — новые моды привез в заводской цех или самого себя — кто бы мог сказать? Анастасию увидел он — не она его. Еще находилась тогда в плену упрямства, была даже недовольна, что кто-то оторвал ее от привычного занятия, ничего не хотела видеть и знать, кроме своих проволочек, миниатюрного паяльничка, увеличительно-го стекла на штативе, аккуратно прибранного столика. Заученный жест левой руки, принимаешь от соседки блок, минута сосредоточенности, капелька растопленного белого металла на концах желтых проволочек, жест правой рукой к другой соседке. Прекрасное занятие! И целый день можешь мысленно обращаться к матери: «Будешь у меня знать мою золотую медаль! Будешь знать!»

Но вот дьявол-искуситель с горящим взглядом вырвал ее из ставшего привычным круга, вызывая дикую зависть у всех цеховых девчат, что-то говорил только Анастасии, оставлял ей какой-то адрес, куда-то приглашал, обещал, а когда исчез со своими загадочно-ехидными манекенщицами и девушки стали завистливо допытываться, что он обещал и куда приглашал, Анастасия демонстративно порвала записку, так и не заглянув в нее, и выбросила в мусорный ящик.

Но огненноокий нашел ее и все-таки вытащил с завода, забрал в Дом моделей, она тоже

стала выходить на люди с натренированно-судорожной улыбкой на лице, слепо перебирая ногами под все более модными юбками, там узнала, что он модельер женской одежды, нечто вроде киевского Диора и Кардена в одном лице, заметила, что, кажется, он даже влюблен в нее, хотя она и не была самой красивой из тех, кто работает в его маленьком царстве (а сколько же еще красивых девушек за пределами его царства!), это ее не обрадовало, не смутило, а только почему-то испугало, и в попытке спастись от внимания того человека пошла учиться на вечернее отделение журналистики. Но он преследовал ее с такой упорной самоотверженностью, что Анастасия не выдержала и сломалась, поддалась, стала его женой, еще не осознавая, что это такое жена, любовь, семья. Еще во время своих продолжительных ухаживаний будущий муж часто пугал Анастасию неожиданными приступами неизъяснимой душевной разрушенности, пустоты, чуть ли не идиотизма. Не мог связать воедино двух слов, не узнавал людей, не находил дороги даже на Крещатике, мог подбирать на тротуаре окурки и пытаться их докуривать, хотя в кармане лежали сигареты. Поначалу Анастасия удивлялась, ей становилось жаль этого влюбленного в нее человека, наконец она стала понимать, что он просто бывает тяжело пьян, и это снова вызвало у нее сочувствие. Напивается от горя, потому что она с ним холодна и неприступна, точно камень. На работе он появлялся редко. Иногда раз в неделю, чтобы «давать идеи». Потом куда-то исчезал. Вечерами находил Анастасию. Мог и не находить. Знала ли она его? И что о нем знала? И можно ли знать что-либо о человеке, не пожив с ним рядом? Так вышла за него замуж, как за большое неизвестное. Только тогда (да и то после горького несколькомесячного опыта) открылось ей самое ужасное: человек, с которым связала она свою жизнь, был неизлечимый, разрушенный, деградировавший пьяница. Как могла она не понять этого раньше, почему никто не подсказал ей, так и осталось для нее загадкой. Может, потому, что муж ее относился к алкоголикам интеллигентным, так сказать, пьяницам не по призванию, а по мировоззрению. Он отстаивал право напиваться так же, как люди отстаивают истину. А поскольку был членом общества, которое высоко ставило человеческую порядочность, то изо всех сил разыгрывал эту порядочность, так что не сразу можно было заметить его истинное состояние. Это был человек, трагически, бесповоротно, навеки раздвоенный, расщепленный, тело у него уже ничего общего не имело с разумом, а разум с телом. Но в то же время его разум что было силы прикидывался, будто он продолжает быть связанным с телом, а тело силилось показать, будто разум при нем. Сплошное притворство, постоянная потеря сил. Бороться за такого человека? Но как? Если бы у него была хоть капля желания бороться за самого себя...

Несколько месяцев ада, ужаса, безвыходности. А потом вот так, как сегодня, потемнели ее глаза, остро сузились зрачки, где-то уловила она в своем муже еще заметный промежуток между притворством и естественностью, сказала твердо:

- Уходи...
- Прогоняешь?
- Уйди! Не могу ничего больше сказать.

Он ушел покорно, охотно, даже весело. А она вдруг обнаружила, что пополнила ряды одиноких молодых женщин с собственными отшельническими квартирами, переставших девиц, этих типичных жертв гипертрофированного зазнайства, разведенных, брошенных, разочарованных, которые готовы обвинить в коварстве все человечество. Из всего мужского мира продолжал жить в ней только отец. Когда-то в лесах чувствовала себя с отцом даже не девочкой — мальчишкой. И тогда чувствовала себя мальчишкой, когда отец купал ее, малышку, умело и ласково поддерживал снизу ладонями. Запомнила его руки. Большие, теплые, мягкие. С тех пор любила купаться, любила чистоту, превратила ее в свой домашний культ. Папа, папа, как мне тебя не хватает!..

Авторизованный перевод с украинского
Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

Продолжение следует.

О ЛЮДЯХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Юрий Грибов
**ПОЕЗДКА
В ТОБУРДАНОВО**

Чем больше знакомишься с творчеством писателя Юрия Грибова, тем сильнее убеждаешься: острые и добрые глаза этого талантливого и беспокойного литератора широко охватывают просторы родной земли, зорко вглядываются в напряженные будни современников.

Юрий Грибов неустанно колесит по житейским дорогам России, а на этих дорогах столько хороших, примечательных людей. Именно о них, о рядовых сельских тружениках, о пленительной природе России рассказывают его произведения.

И вот новая книга писателя — «Поездка в Тобурданово». Издана она в серии «Писатель и время» под рубрикой «Письма из деревни».

На ее страницах содержательные, яркие очерки и документальные новеллы о хлеботоргах, партийных работниках, мелиораторах, доярках, деревенских комсомольцах.

В очерке, давшем название книге, нарисован выразительный портрет секретаря по идеологии Канашского сельского райкома

Юрий Грибов. Поездка в Тобурданово. М., «Советская Россия», 1976, 128 стр.

партии Чувашии Марии Михайловны Ложкиной. С колыбели она познала на собственной судьбе нелегкую долю бедноты. И вот, когда открылась перед ней дорога в новую жизнь, и Маша Ложкина «двадцать второго июня, днем, убрав диплом (об окончании педучилища в Канаше.— М. А.) в сумочку, сняв парусиновые тапочки, шагала домой... по теплой пыльной дороге», ее в пути догнало страшное слово — «Война!».

Оба ее брата ушли на фронт, Машу на войну не взяли, и она стала работать учительницей в Новом Мамееве.

Скупыми, зримыми штрихами Ю. Грибов показывает, как жила и трудилась в тяжелые послевоенные годы Мария Ложкина, как расправлял плечи родной район и росли люди.

Проникновенны и жизненны очерки рецензируемого сборника. Касаются они часто самых актуальных проблем нашей действительности...

На рязанской земле, в Черной слободе, есть колхоз «Вперед», где председателем Герой Социалистического Труда Андрей Васильевич Сучугов. Колхоз передовой, на отличном счету.

В соседней, Казацкой

слободе — колхоз имени XXI партсъезда. Председателем тут Михаил Михайлович Купряжкин. Когда-то Казацкая слобода по производству была далеко позади Черной слободы. Но вот хозяйство, возглавляемое Купряжкиным, вызвало на социалистическое соревнование, казалось бы, недостижимых чернослободцев.

И в трудном и дружеском соперничестве отстающие догнали передовиков.

Не скороговоркой, емким, сердечным словом повествует Юрий Грибов о своих героях. В его книге, как и в самих русских деревнях, где живут действующие лица «Поездки в Тобурданово», немало привлекательных, красивых людей. Именно такими предстают, кроме названных, и дважды Герой Социалистического Труда, колхозный вожак Федор Степанович Генералов, и превосходный тракторист Владимир Павлович Демьянов, и столь щедрый на доброту и ласку пастух из костромского села Курьяново Павел Иванович Тихомиров...

Хорошую, радующую и помогающую людям книгу написал Юрий Грибов — книгу о нашем времени, о героях нашей жизни.

Михаил АНДРИАСОВ

МОЛОДЫЕ АРТИСТЫ В ГОСТЯХ У «ОГОНЬКА»

На нашем снимке — молодые артисты Московского ордена Трудового Красного Знамени драматического театра имени Гоголя, выступавшие с концертом в редакции. Все они выпускники Театрального училища имени Б. В. Шукина. Анатолий Володин (слева) окончил год назад, Татьяна Челкина работает уже второй сезон, она занята во многих спектаклях. А Валерий Афанасьев —

один из ведущих антеров театра.

Хочется пожелать молодым актерам такой же искренности и непосредственности в работе на сцене родного театра, которому и сейчас ими «столько отдано сил, бескорыстной любви», как говорится в одной из песен В. Афанасьева...

Фото Л. Шерстенникова

**Сало ФЛОР,
международный
гроссмейстер**

В

конце марта 1975 года я находился в Амстердаме в резиденции ФИДЕ. Это были дни, когда шахматный мир с огромным интересом ждал решения Роберта Фишера. Будет ли американский гроссмейстер защищать свое звание чемпиона мира в матче с Анатолием Карповым? В Амстердам звонили, спрашивали, где находится Фишер. Что он решил? Однако ответы работников Международной шахматной федерации были лаконичны: мы ничего не знаем, время у Фишера еще есть, он имеет право думать до 1 апреля.

Но вот наступило 1 апреля, а Фишер так и не сказал ни «да», ни «нет», и это был не тот случай, когда молчание считается золотом.

ФИДЕ ждала до позднего вечера следующего дня: не исключалась возможность, что почта задержала послание Фишера. Но когда телеграмма не отправлена, почте нечего вручать, и утром 3 апреля президент ФИДЕ М. Эйве созвал пресс-конференцию, на которой объявил, что Фишер просрочил время.

Анатолий Карпов был торжественно провозглашен новым чемпионом мира.

Шахматный мир с удовлетворением приветствовал вступление советского гроссмейстера на шахматный трон. Фишер за три года не участвовал ни в одном турнире или матче и поэтому быстро терял свою популярность. Такого пассивного чемпиона мира в шахматной истории еще не было. Несомненно, шахматисты всего мира с большим удовольствием увидели бы А. Карпова и Р. Фишера за доской, но в то время, когда Анатолий Карпов как настоящий спортсмен соглашался на все условия Роберта Фишера (кроме пункта, гласящего, что при счете 9:9 чемпионом остается Фишер), Роберт Фишер каждый раз сводил на нет все попытки организаторов матча.

Почему Карпов так охотно шел на уступки Фишеру? Потому что ему уж очень хотелось сразиться с американским гроссмейстером. И когда через несколько дней

после провозглашения Карпова чемпионом мира он заявил, что и теперь согласен играть матч с Фишером, правда, уже не на первенство мира и на других условиях, в искренности его желания никто не мог сомневаться.

К чемпиону мира всегда особый, повышенный интерес, и Карпов не является исключением. Шахматные болельщики часто спрашивают, достаточно ли физически силен Карпов. Почему на фотографиях чемпион мира кажется таким худеньким? Мы рады сообщить, что Карпов — человек очень выносливый, и он доказал это, согласившись играть в матче с Фишером до десяти побед, хотя сам Карпов против такой марафонской дистанции. Когда Фишер настаивал на своей формуле, Карпов заявил во всеуслышание: «Фишер, очевидно, хочет взять меня на измор, но мы еще посмотрим, кто кого».

Эти слова красноречиво говорят об уверенности Карпова в своих силах, и пусть они служат ответом для сомневающихся, которые и по сей день задают один и тот же вопрос: а как бы кончился матч Фишер — Карпов, если бы он состоялся? Анатолий Карпов настолько уверен в своих силах, что по-прежнему идет на встречу Фишеру и готов с ним сыграть матч, но американцу теперь придется подождать, как говорится, постоять в очереди, ибо в 1978 году Карпов будет защищать свое звание в борьбе с официальным претендентом ФИДЕ.

Если провозглашение Карпова чемпионом мира состоялось вдалеке от Москвы, в Амстердаме, то официальная, торжественная коронация была проведена в великоколепном Колонном зале Дома союзов в Москве 24 апреля 1975 года. Президент ФИДЕ увенчал Карпова лавровым венком и золотой медалью, а в своем приветствии особенно отметил исключительно корректное поведение Карпова-спортсмена и поздравил его со званием чемпиона мира.

Теперь у Анатолия Карпова в эти дни большой юбилей: два года он главнокомандующий шахматного мира. Два года не такой уж большой срок в жизни человека, но сколько успел сделать хорошего, полезного за это время Анатолий Карпов! Как выросли его авторитет и популярность во всем мире! Какую стабильную спортивную форму он показывает! Не раз наблюдал я за ним на турнирах, в которых был арбитром. Карпов никогда не является для судьи «тяжелым пассажиром» (а ведь есть и такие), ибо он демонстрирует всегда высокую дисциплину. На своей коронации Карпов заявил, что чемпион ми-

Чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов со своим четвертым призом «Оскара».

Фото В. Кутырева

ра должен быть играющим чемпионом, и вот он стал победителем пяти международных турниров и блестяще выступил на чемпионате СССР. Он охотно выступает и с сеансами одновременной игры и с лекциями и за это время успел побывать и в родном Златоусте, и в Челябинске, и в Красноярске, и в Якутии.

Нет надобности перечислять все успехи Карпова за эти два года, но его самого, вероятно, особенно радует то, что он сумел завоевать звание чемпиона СССР. Кое-кто скажет: «Что же тут особенного? Чемпион мира и должен быть чемпионом своей страны?» Это не так все просто. Чемпионат СССР — турнир особенной, повышенной трудности, турнир, в котором от неудач не застрахован даже чемпион мира.

Анатолий Карпов в четвертый раз завоевал приз «Оскар», как лучший шахматист 1976 года. Снова могут сказать: «Что тут особенного? Чемпион мира и дол-

жен быть лучшим шахматистом года». И мы опять ответим на это: нет, это не так просто. Очень часто любители шахмат задают такой вопрос: «Скажите, как бы сегодня сыграли Алехин и Карпов?» Невозможно ответить на такой вопрос. Можно лишь отметить, что каждый из чемпионов мира — предшественников Карпова внес свой весомый вклад в развитие шахматного искусства, а кого можно считать чемпионом номер один, определить очень трудно. Кстати, между Алехиным и Карповым много общего. Их отличает бесконечная преданная любовь к шахматам, и Карпов, так же как и Алехин в свое время, не скрывает, что не представляет себе жизни без шахмат. Но в то время, как Александр Алехин всю жизнь старался не только победить, но оторваться от ближайших соперников на два, три и даже пять очков, Карпов очень здраво экономит свои силы. Алехин годами увлекался сеансами вслепую и в этой

КАРПОВ ЖДЕТ

области показывал непостижимые результаты (так, в Чикаго он дал сеанс вслепую на 32 досках), но зачем ему нужна была такая мозговая эксцентрика? И вот Алехин быстро растратил свое здоровье. Вспоминая, в одной из последних встреч с ним в конце 1938 года я заметил, что чемпион мира настроен очень пессимистически. Алехин сказал: «Я разочарован, я мучительно устал от вечной борьбы за кусок хлеба. Я мечтаю жить на каком-то острове и быть богатым и организовывать шахматные турниры». Но все это так и осталось несбыточной мечтой. До конца своей жизни Алехин продолжал бороться в одиночку, как он выразился, за кусок хлеба. Для Карпова, чемпиона страны, в которой шахматы получили всенародное признание, такой исход в будущем не грозит. У Анатолия Карпова иной подход к спортивной борьбе. Он за рекордами не гонится. Он рационально, умно распределяет свои силы.

Скоро чемпиону мира предстоит серьезное испытание. Против кого придется Карпову защищать свой титул? Вот вопрос вопросов.

В марте, когда Карпов велико-
лепно провел турнир в ФРГ, вось-
мерка претендентов сражалась на
четырех разных фронтах в чет-
вертьфиналах.

Напомним, что Б. Ларсен в прошлом году стал победителем межзонального турнира в Биле, а Э. Мекинг — такого же соревнования в Маниле. Поэтому шансы этих двух выдающихся гротмейстеров котировались весьма высоко. Ларсен три раза в прошлом выходил в полуфинал, его соперник Л. Портиш три раза потерпел неудачу еще в четвертьфинале. На этот раз пострадавшим оказался датчанин. Он неоднократно слишком сильно рисковал и был наказан шахматным академиком, гротмейстером с трезвым, железным по своей логике стилем игры, каким является венгерский гротмейстер. Портиш одержал более чем убедительную победу: 6,5—3,5. Сам Портиш заявил, что такой легкой победы он никак не ожидал. Ларсен потерпел катастрофу, играя черными. Из 5 партий он набрал пол-очка.

Л. Полугаевский выиграл только одну партию у Э. Мекинга. Этот матч протекал особенно напряженно, и 11 ничьих никак не являются итогом осторожной игры обоих претендентов. Полугаевский отметил, что искусство защиты в этом матче было на высоком уровне. Справедливое определение.

Если один наш гроссмейстер покидал Люцерн в радостном настроении, то, увы, другой — Т. Петросян — уехал из маленького

итальянского городка Чокко, так и не отквитав одной партии у В. Корчного.

Л. Полугаевский впервые в своей практике попал в полуфинал. Никак не удавалось Меккину пробить его оборону, и вряд ли молодого бразильца будут теперь называть «шахматным Пелем». Уместно напомнить, что Ларсен и Меккинг никогда не сомневаются в успехе. И на сей раз эти гроссмейстеры обещали своим поклонникам, что доберутся до самого Карпова. Конечно, Ларсен остается Ларсеном — великолепным бойцом, а Меккинг остается Меккигом — молодым талантом, но теперь и тому и другому придется повременить со своими обещаниями по крайней мере три года, до следующего цикла.

Если три матча протекали напряженно, с большой спортивной злостью, то этого никак не скажешь о матче Б. Спасский — В. Горт. Это был матч соперников-друзей, протекавший в теплой и дружеской атмосфере. Спасский выиграл третью партию и решил, видимо, дойти до полуфинала на одних ничьих, но этот план нарушил Горт, который в десятой партии сравнял счет. При счете 6:6 истекло основное время, и в этот момент Спасский заболел (ему была сделана операция аппендицита). Теперь согласно правилам назначено добавочное время — две партии, а в случае их ничейного исхода — еще две. Если счет останется ничейным, 8:8, то все решит голое счастье — жребий, а это, по-моему, еще хуже, чем в заключение футбольного матча пенальти.

Что же касается чемпиона мира, то картина для него ясна: претендентов осталось четверо. А в конце года Карпову будет все совершенно ясно, ведь тогда останется всего один из четырех соискателей, который и сможет вызвать чемпиона мира на матч в следующем году.

* * *

Мы приводим встречу А. Захаров — А. Карпов на чемпионате СССР. Внешне может показаться, что ничего особенного в этой партии не произошло. Но это весьма напряженная партия. Молодой ростовский мастер заставил Карпова потрудиться вавсю, чтобы заработать целое очко.

Защита Нимцовича

А. Захаров — А. Карпов

1. d2—d4 Kg8—f6. 2. c2—c4 e7—e6.
3. Kb1—c3 Cf8—b4. 4. a2—a3 ...

Заметное оживление в зрительном зале. Смотрите, пожалуйста! Молодой мастер не робеет пе-

ред самым чемпионом мира и избирает самый острый рецепт против защиты Нимцовича — вариант Земиша.

- 4... Cb4:c3+ 5. b2:c3 c7—c5 6. f2—f3 d7—d6 7. e2—e4 Kb8—c6 8. Kq1—e2...

Этот ход обошелся Захарову дорого: он продумал минут 40.

- 8... b7—b6 9. Ke2—g3 0—0

Любопытно вспомнить, что в подобной позиции Х. Капабланка в партии с автором варианта Ф. Земиншем на турнире в Карловых Варах в 1929 году допустил грубый зевок Ca6? , и после Фa4 потерял фигуру, и, конечно, потерпел поражение.

10. d4—d5...

Вряд ли правильный план. Возможно, лучше было 10. СеЗ. В тридцатых годах полагалось в этом варианте за белых получить атаку. Но времена меняются, меняется и оценка варианта. Сегодня что-то не видно, как белым атаковать.

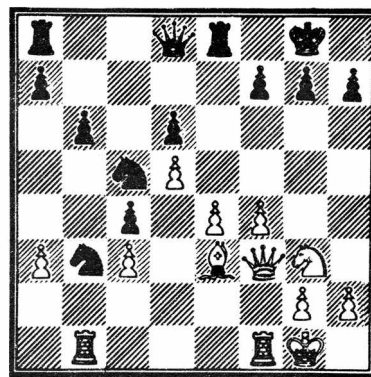
- 10... Kc6—a5 11. Cf1—d3 Cc8—a6
12. Φ d1—e2 Kf6—d7

Обоим партнерам приходится решать сложные стратегические проблемы. На первую дюжину ходов Захаров израсходовал 1 час 34 минуты, но и Карпов не так уж мало — 1 час 23 минуты.

13. f3—f4 e6:d5 14. c4:d5 Ca6:d3
15. Φ e2:d3 c5—c4 16. Φ d3—f3
Ka5—b3 17. Лa1—b1 Лf8—e8 18.
0—0 Kd7—c5 19. Cc1—e3 ...

Нетрудно убедиться, что инициатива у черных. Со следующего хода Карпов начинает командовать парадом.

Карпов

Захаров

- 19... Kc5:e4

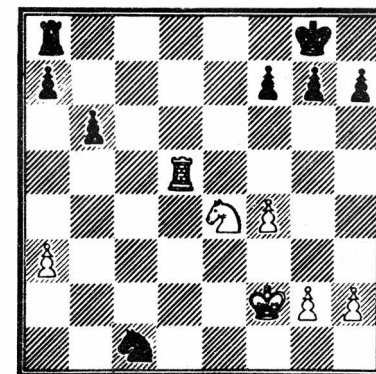
Маленькая разменная комбинация, которая расшатывает центр белых и приносит Карпову первый урожай — пешку.

20. Kg3:e4 Φ d8—e7 21. Ke4—d2
 Φ e7:e3+ 22. Φ f3:e3 Лe8:e3 23.
Kd2:c4 Лe3:c3 24. Kc4:d6 Kb3—d2
25. Лb1—c1 Лc3—d3 26. Лf1—d1
Лd3:d5 27. Kd6—e4 Kd2—b3 28.
Лd1:d5 Kb3:c1

Эта позиция получилась, пожалуй, форсированно после 19... К:е4. Продолжение является относительно лучшим выходом из неприятной ситуации, в которой находился Захаров. Он потерял пешку, но более активное расположение его фигур является некоторой компенсацией за материальный урон.

29. Kpg1—f2

Серьезная неточность. Путем 29. f5 Захаров мог значительно затруднить техническую задачу Карпову. Но все же пешка есть пешка. Начиная с этого момента Захарову сложно было уследить и за угрозами чемпиона мира и за флажком на шахматных часах.

- 29... Кс1 — b3 30. Лd5 — d7 f7 — f5
Вот этот ответ ростовский мастер
не заметил!

31. Ke4—d6 Kb3—c5 32. Ld7—e7
g7—g6 33. Kd6—f7? ...
После этого слабого хода у чер-
ных будет, как говорится, здоро-
вая лишняя пешка и лучшая по-
зиция. Следовало уйти конем не
на f7, а на c4.

- 33... Kpg8—f8 34. Лe7—c7 Kc5—e6
35. Лc7—b7 Лa8—e8 36. Kf7—d6
Лe8—e7 37. Лb7—b8+ Kpf8—g7
38. g2—g3 Ke6—d4 39. Kd6—e8+
Kpg7—f7 40. Kf7—d6+ Kpf7—e6
41. Kd6—c4 Kpe6—d5

Здесь партия была отложена. При доигрывании Карпов шутя реализовал свое преимущество.

42. Kc4—e5 Kd4—c6 43. Ke5:c6
Kpd5:c6 44. Jlb8—g8 Kpc6—b5 45.
h2—h4 Jle7—f7 46. Kpf2—e3
Kpb5—a4 47. h4—h5 g6:h5 48.
Kpe3—d4 Kpa4:a3 49. Kpd4—e5
b6—b5 50. Jlg8—b8 b5—b4
51. Kpe5—e6 Jlf7—g7 52. Jlb8—b5
Kpa3—a4

Белые сдались. Пора!

СОПЕРНИКА

И ЖИВ, И СЛАВЕН

В бурном 1917 году в Киеве вышла небольшая книжка, на титульном листе которой было обозначено: «С. Федорченко. Народ на войне. Фронтные записи». Фрагменты этой книжки появились тогда же и на страницах некоторых журналов. Характеризуя один из них, где печатались многие признанные писатели (в том числе Пришвин, Ал. Толстой и др.), Александр Блок отметил в своем дневнике: «Интересны записи «солдатских бесед», подслушанных каким-то Федорченко... Это — самое интересное... Хорошо, правдиво и совестно».

Из предисловия к книге, которая, очевидно, не попала в глаза Блоку, можно было узнать, что автор ее — женщина, прожившая почти всю войну на фронте, среди солдат, в качестве сестры милосердия. Впечатления от войны, от повседневного общения с простыми русскими людьми, одетыми в серые шинели, и дали богатый материал для ее произведения.

Софья Захаровна Федорченко продолжала свои записи и после революции, близко соприкасалась в обстановке гражданской войны и связанных с ней бедствий с разными слоями народной массы. В это время она уже становится профессиональной писательницей.

В первой половине 1920-х годов «Народ на войне» несколько раз переиздавался, в 1925 году рядом с первой частью — об империалистической войне — появилась и вторая книга, охватывавшая период между Февралем и Октябрем, время «керееницы», а в 1927-м в журналах печатались отрывки из третьей части, которую можно было бы озаглавить «Народ на гражданской войне».

Книга, воспроизводившая в форме разговоров и коротких рассказов солдат их размышления о жизни, о войне и мире, о себе и других, о своих и врагах, привлекла сочувственное внимание читателей, критиков, писателей. В рецензиях ее называли «разительным художественным документом эпохи», «любопытнейшим отражением того периода». Среди тех, кто высоко ценил ее, был и М. Горький.

Однако случилось так, что третья часть не вышла отдельным изданием, первые две не перепечатывались, и книга, над которой писательница, несмотря на тяжелую болезнь, приковавшую ее к постели, продолжала работать до самой смерти в 1959 году, оказалась незаслуженно забытой.

Между тем книга С. Федорченко представляет, несомненно, большой историко-познавательный и художественный интерес.

Сильной стороной книги является ее язык — меткий, яркий, образный. Софья Федорченко провела раннее детство в глухой русской деревне, которая, по словам писательницы, «была еще полна сказок, преданий, старинных песен». Это, разумеется, могло автору «Народа на войне» впитать в себя русскую народную речь во всей ее красочности, богатстве и воспроизвести голоса многочисленных своих персонажей — фронтовиков, крестьян, партизан — так колоритно и выразительно.

В третьей части книги среди разнообразных ее разделов есть раздел, посвященный В. И. Ленину. В собранных здесь коротеньких рассказах, замечаниях, сказах о Ленине, о его действиях, качествах, в словах о его учениках и товарищах чувствуется большая любовь и уважение трудящихся масс к вождю, такому родному и близкому для народа по своим целям и устремлениям. Отдельные подлинные факты ленинской биографии своеобразно преломляются в народном сознании, переплетаясь с наивно-легендарными, сказочными мотивами. Мы видим, как уже при жизни, в первые октябрьские годы Ленин становится героем своеобразного народного эпоса.

Ниже мы воспроизводим некоторые из этих, нигде не печатавшихся страниц из книги С. З. Федорченко, книги, которая, безусловно, заслуживает того, чтобы быть воскрешенной. Материалы третьей части «Народа на войне» предполагается опубликовать (по машинописному тексту, сохранившемуся у мужа покойной писательницы — Н. П. Ракицкого) в томе «Литературного наследства», посвященном первому пятидесятилетию истории советской литературы.

Ник. ТРИФОНОВ,
доктор филологических наук

с документами давай, вроде как бы от Ленина похвальный лист был.

Я хорошо настоящую его фамилию не знаю, как его отцовское прозвище, но слышал от стариков солдатских, что ему в Питере жилье и пищу запретили давать, а главные разные на каторгу его. А скрывался он у чухонца в стог. Не нравилось им, главным этим, что он войну с немцами не хвалит, народ жалея. «Уж», говорит, «если война, так хоть на пользу, противу богатых». А в главных-то кто? Те ж богатые, вот и не нравится он им.

Созвал он наилучших своих товарищей, повестку показывает и говорит: «На суд меня вызывают. Решайте, идти мне на тот суд или не идти. Как вы решите, так и сделаю». А товарищи будто ему старую пословицу в ответ: «Не годится соловью у кота судиться». И спрятали его, до поры.

А я с ним земляк, оба мы из Симбирска. Хочется мне, большое желание есть, похвалиться, что знакомцы мы с ним, однако по правде, так нет. Отец же того Володечку много раз видал, еще когда учился он. Походка, говорит, у него быстрая такая и спорая. Идет крепко так. Бывало, говорит, далеко вперед от тебя уйдет, а шагу не прибавит.

Была была, да забылась, вот и вышла сказка. Разве ж не сказка, что жил человек-учитель, и было у него двое сыновей. Учились эти сыновья лучше всяких ученых, медали да листы похвальные. Не нарадуется на сынов учителя. И вот ночью одной снится ему такой сон, будто вещая птица Диво спрашивает его с высокого дуба человеческим голосом: «Чего бы ты, отец, для своих сынов хотел?» «Славы», — отвечает учитель. «Так быть же по твоему хотению. Помни и жди, будет слава старшему мученическая, будет слава младшему всемирная да людское счастье». Так и вышло. Старшего сына, брат он нашему-то, за революцию повесили, память о нем высокая живет. Младший вот жив, нам на спасенье. И жив, и славен. Как бы сказка? А ведь была-матушка!

Он в дремучем лесу выложил себе шалашик и стал жить. Ходу ему никуда не оставили, а дума в нем и решения разные. Тут же зима лютая, замело пути-дороги, как быть? И что же, братцы, за сказка за такая? Ведь звери ему по той сказке служили! Медведь в шалаш вроде печки лег, тепла от него полно. Волк от врагов сторожил — сторожкий зверь. Лиса будто ему пищу добывала, — она добытчица. А самым ранним утром, под седенький туман, к шалашику лосиха подойдет, встанет и не шелохнется, пока он ее теплою и полезного молока не напьется. Так вот и выжил он, со всеми ласковым, кроме наших врагов.

Он из бедной семьи, отец деревенский был учитель. Всю семью царь разогнал по каторгам-ссылкам, брата его, близнятку, повесил за политику. Его самого просто тебе в диких тайгах томили сколько-то лет. Теперь он в Питере, оттуда все его слушают, за правду, за то, что свой он.

Небольшого росточку, лысоватый, нос самый наш, слова совсем простые. Глаза же у него огонь и все видят. И насмешничает над врагами и насмешничает. А нам, что ни слово, так как бы сам ты это сказал, только что поумней твоего. И все про самое нужное.

Говорят, кто его, Ленина, разочек послушает, просто не может в бандитах. Просто новый станет.

У Ленина, говорят, товарищи хорошие есть, да молодые еще. Кто ж постарше, так те больше по книгам толкуются. Ленин же и книгу знает, а обучался больше по людям. Вот оттого и польза его великая.

Москва, Москва! А вот такое дело было, что не стало провианта в Москве, голод последний. Ленин и тот не чаще одного куска хлеба в сутки себе позволял. А из Москвы каплю и каплю на Дон люди, к генералам. Кто по шпорам скучает, кто на белый хлеб потянулся, кто свои прежние удовольствия вспомнил. Москва, Москва. Стоит она, Москва, голодная, ажно белокамень у ней слезы точит. И чуть, что такое? Через всех врагов, через все реки-горы — хлеб! Прибыл хлеб в Москву! Да где ж тот хлеб уродился, да где ж тот хлеб вскопился, где зерно дал? Да что же это за люди, сквозь всего врага, поезда те вели? Да кто ж человек тот, что такое дело да в такое время в таких-то местах смастерил?

Иль ты, они, небось, самого Ленина слушали и вот прибегли нас учить. Я учиться не прочь, а почему я знаю, как они от того Ленина набрались? Один учится верно, другой дурак дураком. Нет, ты мне учителей

Ретроспективная выставка дипломных работ художественных вузов СССР.
Ордена Трудового Красного Знамени институт живописи,
скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Ленинград.

А. Мельников. Род. 1939. ПАТРУЛЬ. 1968.

В. Чеканюк. Род. 1932. ПЕРВАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ ЯЧЕЙКА НА СЕЛЕ. 1956.

Ретроспективная выставка дипломных работ художественных вузов СССР.
Киевский государственный художественный институт.

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ

**Виталий ЗАСЕЕВ,
специальный
корреспондент
«Огонька»**

Когда он впервые взглянул на спидометр, стрелка показывала 150 километров в час. Потом она, точно задыхнувшись от невиданного усилия, медленно перевалила за отметку «200», а еще через несколько секунд с опаской «лизнула» красную тройку с двумя синими нолями.

«И это не все», — с радостью подумал В. Никитин, чувствуя, как его продолжает вдавливать в спинку сиденья. Он осторожно покосился на приборный щиток и скорее почувствовал, чем понял: произошло непоправимое. До этого послушная, легкая в управлении машина мгновенно вышла из повиновения и, кувыряясь, полетела, как ему показалось, в бездну. Перед глазами замелькали розовые, чуть подсвеченные солнцем облака, ровная, точно скатерть, поверхность озера Баскунчак. Потом все расплылось и угасло.

В больнице, куда В. Никитина доставили без видимых признаков жизни, удивлялись: «И как только мог такое выдержать молодой уже человек?» (В то время ему было за 50.)

Через несколько дней, придя в сознание, он узнал подробности. На скорости 320 не выдержала резина заднего ската. Тяжелую машину стремительно завертело и отшвырнуло в сторону. При ударе о землю она взорвалась и сгорела. А его еще долго «собирали по частям».

Происшествие одни называли роковой случайностью, другие — безумием, третьи... Сам В. Никитин квалифицировал это как «ошибку, на которой учатся». Покинув больницу палату и пообещав врачам немедленно поехать в санаторий, он тут же отправился в ставший ему родным Харьковский автодорожный институт. И еще три года вместе с ребятами корпел он над новой моделью гоночного автомобиля. И, наконец, создал свою «синюю птицу» — «ХАДИ-7».

Я видел ее перед отправкой на международную выставку в Италию. Вместе со своим наставником возле машины хлопотали студенты Анатолий Витер, Вячеслав Долженков, Сергей Бабин, Валерий Клименко. Ребята старательно наводили косметику «семерке». До этого в качестве экспоната выставки «Советская молодежь» она несколько месяцев путешествовала по городам США и Канады, вызывая всеобщее восхищение.

— Гоночная машина, развивающая скорость четыреста километров в час, явление не столь уж редкое, — говорит В. Никитин. — Сенсация была в другом. Моло-

дые американцы, дотошно изучавшие узлы машины, не столько поражались ее «начинкой», формами, сколько тем, что она сделана руками их сверстников-студентов из города, о существовании которого они не знали. Кстати, теперь имеется более десяти различных моделей с маркой «ХАДИ». Есть машины с двигателями внутреннего сгорания, есть с газотурбинным. Есть и электро-

мобили. Слушая В. Никитина, я вспомнил яркий, словно праздничная открытка, рекламный проспект рекордно-гоночного электромобиля «ХАДИ-11 Э», демонстрировавшегося в ГДР на выставке «Научно-технический прогресс — главный рычаг построения коммунизма». Это на нем воспитанники института Владимир Гавриленко и Юрий Стебченко установили несколько всесоюзных рекордов скорости. А во время одного из заездов превысили международное достижение электромотоциклистов.

— И хотя наша модель являлась первой в Советском Союзе конструкцией рекордно-гоночного электромобиля, — поясняет В. Никитин, — мы не ограничили единственным ее назначением. В порядке дипломного проектирования члены студенческого конструкторского бюро разработали ряд рекомендаций по созданию электромотоцикла для нужд народного хозяйства.

В проектно-конструкторском бюро — штаб-квартире никити-

на создана «ХАДИ-7» — четыре заезда на скорость, и все превышающие официальные мировые достижения. Так появилась «ХАДИ-10» — две медали лауреатов ВДНХ. Вместе с В. Никитиным над их созданием работали Виктор Поваров, Саша Заговора, Коль Бровка, Дмитрий Сильчик, Виктор Приступа и другие студенты. Теперь они стали первоклассными специалистами отечественного автомобилестроения. И в этом немалую роль сыграла «никитинская

**Генеральный конструктор
«ХАДИ-9» Владимир Константинович Никитин.**

стало! Само название машины влекло бывшего солдата к рекордам.

Над ним откровенно подшучивали, а он, собрав вокруг себя таких же увлеченных и мастеровых, до неузнаваемости преобразив «Победу», преодолел классическую дистанцию — километр с ходу со скоростью 162 километра в час. Это был его первый всесоюзный рекорд. Потом он уверенно преодолел двухсоткилометровый рубеж, а еще спустя несколько месяцев достиг на этой дистанции фантастической по тем временам скорости — 284 километра в час. Теперь на счету заслуженного мастера спорта СССР Владимира Никитина около 30 всесоюзных рекордов. Отдельные из них превышают международные достижения.

В его шкафу хранится парадная лента чемпиона со множеством золотых медалей рекордсмена Советского Союза. А рядом...

— Это и есть то самое «нечто», о чем я обещал рассказать, — говорит Владимир Константинович.

Он достает выполненную из полированного дерева модель новой гоночной машины «ХАДИ-9». С виду она напоминает сверхзвуковой истребитель: ярко выраженное хвостовое оперение, по бокам небольшие крылья, острый удлинённый нос.

Я знаю, ему давно не дает покоя феноменальный рекорд Гарри Габелиха, преодолевшего все тот

НЕ ТОЛЬКО СКОРОСТЬ...

ской научно-исследовательской группы скоростных автомобилей — всегда многолюдно. Первокурсники, без пяти минут выпускники, преподаватели института приходят сюда, чтобы поделиться мыслями, обсудить решение очередной технической проблемы.

Много сил и энергии отдает работе в лаборатории ее научный руководитель, ректор института Борис Владимирович Решетников, большой знаток автомобильной техники, по-настоящему увлеченный человек. Он не только следит за успехами «скоростников», но и самолично решает многие вопросы.

В. Никитин пригласил меня в лабораторию, пообещав показать нечто особенное.

...Просторное, светлое помещение. Вдоль окон перед кульманами склонились будущие конструкторы. Рядом колдуют механики: сами режут металл, растачивают детали, паяют.

— Вся работа ведется в свободное от занятий время, — рассказывает В. Никитин. — Девиз бюро: фантазируй, пробуй, ищи...

И ребята фантазируют, предлагая порой самые невероятные решения. И тут же, отвергая их, ищут новые, еще более невероятные. В конце концов, как при создании скульптуры, все лишнее, не выдержавшее проверки, постепенно отсекается, и появляется подлинное совершенство. Так бы-

среда, способствовавшая развитию их технической смекалки, мастерства.

Я смотрю на Владимира Константиновича и не перестаю восхищаться им. Небольшой роста, всегда подтянутый, деловитый, он напоминает мне тех русских умельцев, про дела которых в народе говорили: «Задумано рискованно, а сделано толково». Он всегда был фантазером, вызывавшим насмешки скептиков.

Пройдя через всю войну, он не раз встречался со смертью лицом к лицу. И вернулся домой, полный оптимизма, веры в жизнь. Вместе со всеми восстанавливал разрушенный город, приводил в порядок небольшое автохозяйство, с терпением старателя добывал запчасти к разбитым и истерзанной войной полуторкам, «эмкам». А сам втайне от всех мечтал о больших скоростях. Когда впервые увидел «Победу», созданную горьковскими автомобилестроителями, понял: время на-

же километр с ходу со скоростью 1014 километров в час.

— Пока это абсолютное мировое достижение в скорости на земле, — говорит В. Никитин. — Но мы его попытаемся превзойти.

Он подходит к сигарообразной конструкции, занимающей большую часть лаборатории.

— Мы уже опробовали двигатель, который способен сообщить «девятке» скорость до тысячи ста километров в час, изготовили корпус машины, отладили многие ее узлы. Нерешенных проблем, конечно, хватает, но...

Не договаривая, он умолкает, и я его понимаю. В такую минуту для конструктора важнее всего услышать от собеседника слова поддержки, уверенности в успехе его детища. Как о само собой разумеющемся, спрашиваю:

— Кто поведет «девятку»?

Лицо Никитина проясняется, и он тихо отвечает:

— Если врачи позволят...

Макет «ХАДИ-9».

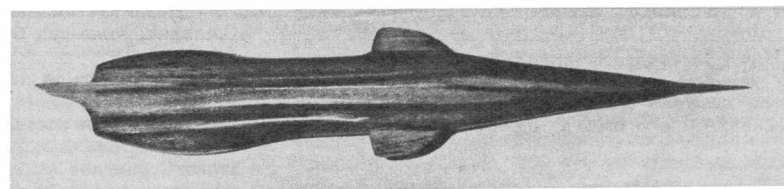

Фото А. Ломохова

«—МЫ ВАС ЖДАЛИ, ПАСКЕВИЧ...»

Обширная квартира Ричарда Славского была отдана на съедение мышам, в изобилии появившимся невесть откуда,— так бывает иногда с опустевшим и заброшенным жильем.

Клуб «Дискуссия» умер естественной смертью. Ричард усердно занимался в институте, куда ему в конце концов разрешили вернуться. Дома он только ночевал. Потому и пустовала квартира.

С Джорджем у него был еще лишь один разговор, кончившийся почти полным разрывом.

Они встретились во Дворце спорта в Лужниках на хоккейном матче — для конспирации. Разговор был минутный, потому что происходил на ходу: по пути с трибун в туалет. Джордж сказал, что Ричард пизжон и молокосос, с которым опасно водить знакомство, что Ричард поставил его под удар. Слова были обидные, тем более что Ричард вызвал Джорджа на свидание по важному поводу: он получил телеграмму от Фастова. Сунув сложенный вчетверо бланк телеграммы Джорджу в карман, Ричард шепнул: «Примите мои наилучшие пожелания и проч.» — и отвалил в сторону.

Телеграмма содержала краткое сообщение: «Все собрались ждали вас». Это надо было по-

ходимой немедленную повторную поездку в СССР, чтобы пополнить деньги от Фастова. Однако неразумно было бы не пустить в ход и новый катализатор.

Так случилось, что однажды январским днем 1975 года на работу Станиславу Михайловичу позвонил человек, представившийся майором госбезопасности, и попросил пригласить его в гости для делового разговора, что Станислава Михайловича даже обрадовало. Тем же вечером майор пришел в дом на бывшей Песчаной, ныне улице Вальтера Ульбрихта, — это был Сысоев.

Они пили чай и разговаривали с глазу на глаз в комнате, где не так давно Станислав Михайлович принимал брата. Это был для майора Сысоева совсем не простой разговор.

Он не стал начинать издали, спросил напрямик:

— Станислав Михайлович, вам брат ничего не рассказывал, где он в войну обретался?

— Да вроде был за океаном... Так я понял...

— Получается, очень нехорошая у меня миссия... Вроде почтальона, который похоронки приносил.

— Почему же? Сейчас не война.

— Я вам обязан печальные вести сообщить. О вашем брате.

Станислав Михайлович развел руками.

— Куда уж дальше! Я о нем узнал такое — печальней не бывает. Какой он мне брат!

— Быва-а-ет,— со вздохом возразил Сысоев, чувствуя некоторое облегчение.

— Не представляю себе.

— А вот...— Сысоев вынул из внутреннего кармана сложенный лист, развернул его. Это была выписка из архивного дела Казимира Паскевича, напечатанная на машинке густо, через один интервал.— Прочтите.

Станислав Михайлович прочел и, бросив бумагу на стол, сказал коротко:

— Гад.

— Безнаказанный живет,— сказал Сысоев,— а числится в государственных преступниках.

— Еще как живет!— не удержался Станислав Михайлович.— Правда, он, похоже, у них на побегушках.

— Не совсем. Скорее, для черной работы.

Помолчали немного. Станислав Михайлович хмурил брови, задумавшись. Потом спросил:

— Он же был в Москве... Что же вы его не арестовали?

— Тогда мы еще ничего не имели. Он под другой фамилией приезжал.

Тайнописный текст гласил:

«Удалось получить данные большой важности. Посылать почтой в обычном письме нет возможности. Сообщите способ передачи».

А поверх этого невидимого текста Станислав Михайлович написал чернилами:

«Здравствуй, Казимир!»

Извини, что долго не давал о себе вестей. Доехал благополучно. Жена и дочь очень довольны подарками, благодарят тебя. Сейчас впрягся в работу, время горячее.

Очень хочу, чтобы ты приехал к нам в гости. Считаю это моим ответным приглашением».

Сысоев и Станислав Михайлович понравились друг другу и расставались по-дружески, высказав надежду, что еще встретятся при совсем иных обстоятельствах. Тюбик Сысоев унес с собой.

Утром по пути на работу Станислав Михайлович опустил письмо в почтовый ящик.

Реакция последовала быстро. 29 января Станислав Михайлович получил письмо, опущенное в Москве, в котором неизвестный отправитель извещал его, что скоро приедут гости — именно так, во множественном числе. У Сысоева даже сердце екнуло: неужели сам Роджерс пожалует? Вот была бы удача! В жизни контрразведчика такие счастливые случаи выпадают не часто...

Увы, Роджерс не приехал. Приехал — вернее, прилетел — один Казимир Паскевич.

Это случилось 6 февраля. В «Интурист» заходя поступила просьба мистера Дея закрепить за ним в качестве гида-переводчика Галину Храмову. Она его встречала в Шереметьеве, и все было, как в прошлый раз, только шофер другой и разговор, разумеется, тоже. И остановился Дея в «Интуристе», но в другом номере. И еще погода другая.

Невозможно было предугадать, с чего начнет Казимир Паскевич — с денег или с якобы добытых его братом данных, подлежащих передаче. Если с первого — все нормально и просто. Для второго варианта был заготовлен особый план. По логике вещей, Казимир должен начать со второго: брат в Москве, а Фастов с деньгами в двух тысячах километров от Москвы. Однако в делах подобного рода обычная логика не всегда пригодна. Тот, кто приехал, тоже не дурак. Он тоже имеет свои варианты и считается с возможностью того, что с ним ведут игру. При таких раскладах нередко побеждает тот, кто поступает вопреки при-

Знакомый почерк

нимать так: вся сумма денег — то есть тридцать пять тысяч — у Фастова в наличии, он готов их передать и ждет встречи с курьером. Позже станет известно, что Джордж через надежный канал сообщил об этом Дею и одновременно огорчил его новостью: он, Джордж, и его друг Ричард находятся под подозрением и участвовать в акции по передаче денег не могут.

Идея Сысоева начинала давать результаты, но чекисты пока об этом не ведали. Может быть, получив донесение Джорджа, Казимир Паскевич и его шеф Роджерс сочли бы необ-

— Что сейчас от меня требуется?— Тон у Станислава Михайловича был решительный.

Наконец Сысоеву стало совсем легко, и он приступил к делу, ради которого пришел.

— Вы еще не посылали писем в Вену. Пора послать.— Он вынул из кармана знакомый Станиславу Михайловичу тюбик зубной пасты.

— Давайте писать,— сказал Станислав Михайлович, тоже как будто почувствовавший облегчение.

Они перешли за письменный стол и сели рядышком.

Сначала был составлен черновик. Затем его отредактировали и переписали набело. После этого Станислав Михайлович приготовил химическую копиру, как его учил Роджерс.

вычной логике. Вероятнее всего, Казимир должен рассуждать так: зачем немедленно забирать и носить при себе взрывоопасные документы, если они всегда под рукой? Это лучше сделать незадолго перед возвращением.

Как бы там ни было, Станислав Михайлович был готов к тому, что брат захочет увидеть его сразу по приезде. Роль его была трудна только тем, что он не мог бросить в глаза Казимиру «гада».

Станислав Михайлович зимой не ездил на своей машине, она стояла в гараже. А гараж находился очень далеко от дома — в районе Варшавского шоссе. За день до прилета Казимира, вызвав врача на дом, Станислав Михайлович взял больничный листок. В Москве по-

гуливал грипп, поэтому ничего необычного в его недомогании врач не усмотрел. Если Казимир захочет тут же увидеться с братом, Станислав Михайлович пригласит его к себе, покажет больничный и сообщит, что документы спрятаны в гараже. И предложит: мол, ты не на один же день приехал, устраивай пока прочие дела, а через недельку поправлюсь и съезжу за бумагами.

Итак, принимались во внимание два варианта. В действительности же, выражаясь изящным канцелярским слогом, имел место гибридный вариант со вторым.

6 февраля в девять часов вечера Казимир позвонил брату по телефону-автомату с телеграфа.

— Здравствуй, родной! — бархатисто звучало в трубке. — Ты меня приглашал, и вот я здесь.

— Когда приехал? — спросил Станислав Михайлович, не проявляя особенного восторга.

— Сегодня, дорогой мой, сегодня.

— Так заезжай сейчас же.

— Пожалуй, отложим немного. Надо отдохнуть, что-то полет тяжелый был. А завтра позвоню. Как твои успехи?

— Нормально. Загрипповал вот, но это чепуха, температура небольшая.

— Значит, ты все время дома?

— Да, с недельку проваляюсь. Тут тебе жена с дочкой подарки приготовили.

— А ты? — со значением спросил Казимир.

— Ну и я тоже, конечно.

— Хорошо, братишка. Я счастлив, что снова в Москве и снова слышу тебя. До завтра.

Утром стало ясно, что Казимир документов у брата не возьмет по крайней мере дня три: Галина заказала билеты на самолет, чтобы отправиться в город, где живет Фастов, на 8 февраля.

Днем 7-го он звонил с телеграфа Фастову. Тот был дома, не очень обрадовался, но заверял, что устал ждать и что все в порядке.

Вечером 7-го Казимир снова позвонил брату и объяснил, что должен на несколько дней покинуть Москву, а как только вернется, они увидятся. Станислав Михайлович не возражал.

8 февраля утром Казимир вылетел со Внуковского аэродрома на юг.

Галина Храмова не отличалась выдающейся наблюдательностью, но она заметила, что мистер Дей в этот свой приезд выглядит гораздо более озабоченным и менее любознательным, чем в прошлый. Он по-прежнему оставался неизменно любезным и предупредительным, но, к ее удовольствию, без налета прежней галантерейности. Это-то и заставило ее присмотреться к мистеру Дею внимательнее, и тогда-то она и обнаружила его сосредоточенность в себе. Тем лучше, подумала она, проще отношения...

Понятно, что Галина Храмова никак не предполагала лишиться своего туриста-люкс в южном городе и вернуться в Москву без него. Но ей предстояли неожиданности.

...В гостинице «Черное море» помнили добродушнейшего мистера Дея. Ему предложили тот же номер, и он пошутил: «Что, вы так его и держали пустым до моего возвращения?» И откасался от него. Дали другой.

Галине мистер Дей сказал, что будет один ходить по городу, а она может располагать собою по своему усмотрению. У него была лишь одна просьба: заказать обратные билеты на завтра.

...С моря дул влажный ветер, с неба сыпалась сухая снежная крупа. Осыпаясь на тротуар, крупа прилипала к наледям, и тротуар становился шершавым, похожим на белую наждачную бумагу. Идти было несколько, Казимир Михайлович шагал широко. Путь был ему знаком и конечный пункт тоже: он направлялся в кафе «Астра», где в предыдущий приезд Галина Храмова познакомила его со своим дядюшкой и где сейчас его, по договоренности, должен был ожидать Юрий Георгиевич Фастов с тридцатью пятью тысячами рублей. Казимир Михайлович не испытывал беспокойства, но все-таки его несколько смущало то обстоятельство, что такую большую сумму необходимо получить в многолюдном месте. Он нес с собой чемоданчик. Если Фастов тоже с чемоданчиком, они просто обменяются ими. Если вся сумма в сотенных купюрах, то вообще проблемы нет. Надо надеяться, Фастов продумал этот вопрос, прежде чем назначить свидание в кафе в пять часов пополудни.

Казимир Михайлович вспоминал свои долгие беседы с Евгением Петровичем Храмовым, которого в глубине души считал бесперспективным для настоящей работы, слепым идеалистом, но с которым ему очень хотелось встретиться, чтобы посмотреть, насколько он продвинулся вперед после того, как получил почти настоящий печатный станок. Он наметил сегодня же вечером, после встречи с Фастовым, навестить Храмова.

Сумерки ступились. Казимир Михайлович издали увидел на уровне вторых этажей неоновый белый цветок и зеленое слово «Астра». И тут словно что-то притормозило его, он замедлил шаг. Почему в самом деле Фастов выбрал для свидания именно кафе, где так много народу? Вон и очередь у входа стоит... Очередь, правда, была предусмотрена. Фастов сказал, чтобы Казимир Михайлович не смущался этим. Он предупредит швейцара, надо постучать в дверь и сказать, что к Фастову, — его пропустят... Нет, поворачивать Фастову уже не мог.

...Дальнейшее происходило как бы автоматически, по заданной программе, помимо его воли.

Извинившись перед пышноволосыми юнцами, толпившимися у входа, он пробрался к двери, постучал. Шторка на зеркальном стекле двери отодвинулась в сторону, на него глянул глаз в морщинистой оправе, он назвал фамилию Фастова, и дверь открылась. Старый швейцар принял у него пальто, дал номерок, и Казимир Михайлович вошел в хорошо освещенный зал, очень тесно заставленный столиками. Очки отпели, но он все же увидел мельтешащую над головами сидящих белую руку — Фастов звал его. Он сидел в самом центре зала. Соседями по столу была молодая пара, один свободный стул ждал Казимира.

Он поставил чемоданчик на пол между собою и Фастовым, оглядел пространство под столом — никакого другого чемоданчика там не было. Казимир протер очки замшевым лоскутком, окинул Фастова приветливым взглядом. Карманы у того совсем не оттопыривались. «Где же деньги?» — казалось, хотел спросить Казимир.

Перед Фастовым стояла початая бутылка рислинга. Он протянул к ней руку.

— Хотите?

— Нет, нет, мне нельзя.

— Что заказать?

— Кофе.

Фастов собирался позвать официантку, но Казимир Михайлович движением бровей попросил его наклониться поближе и шепнул:

— А где же?..

— Там, на вешалке, — передразнивая его, загадочным тоном отвечал Фастов.

— Вы с ума сошли.

— Швейцар свой человек. Он мои вещички не проглядит, не беспокойтесь.

— Давайте уйдем отсюда.

— Хорошо, — согласился Фастов.

Он остановил проходившую мимо официантку и рассчитался.

В гардеробной было много народу, толпились какие-то люди, одни в пальто, другие без пальто.

Казимир Михайлович поставил свой черный новенький, поблескивающий металлом чемоданчик на нечистый пол у барьера, отдал номерок швейцару, тот подал ему пальто, помог одеться.

Потом оделся Фастов. Швейцар выставил на барьер его потертый серый фибровый чемоданчик, с которым Фастов обычно ходил в рейсы. Фастов опустил его вниз, поставил рядом с чемоданчиком Казимира Михайловича — это выглядело, как телега рядом с автомобилем последней модели.

...Ну, конечно! Тысячу раз виденный и читанный элементарный прием: сейчас они перепутают чемоданы, и дело в шляпе. Но по шпионским правилам обмениваемые предметы должны быть похожи друг на друга если не как близнецы, то хотя бы как двоюродные братья. А здесь даже и не седьмая вода на киселе.

Кто-то, а уж Казимир Михайлович правила знал. И все же произошло тысячу раз виденное и читанное: он взял чемоданчик Фастова, а Фастов взял его чемоданчик. И тут же на их руки, державшие ношу, легли другие руки. Это

было настолько неожиданно в беспорядочно толкущей толпе, что в первый момент Казимир Михайлович подумал — его грабят.

— Позвольте! — воскликнул он, отшатываясь от человека, сжимавшего его руку.

— Вы взяли не свою вещь, — сказал Сысоев. И чуть возвысил голос, чтобы перекричать гул кафе: — Прошу понятих.

Он повел Казимира Михайловича через коридор. Они зашли в кабинет директора кафе.

Тут был составлен протокол, зафиксировавший, что Фастов и господин Дей — так записал майор Сысоев, посмотрев в паспорт, предъявленный Казимиром Михайловичем, — обменялись чемоданчиками. Двое понятих, молодые парни, расписались, и Сысоев, поблагодарив, сказал, что они могут идти. Они ушли с неохотой.

В переулке стояли две «Волги».

Фастова и Казимира Михайловича поместили в разные машины.

Через пять минут они оказались в управлении КГБ, и начался первый допрос.

Казимир Михайлович протестовал, возмущался, требовал связать его с посольством.

С ним не стали играть: на очной ставке Фастов рассказал о манипуляциях в Амстердаме. Казимиру Михайловичу задавали упорно один и тот же вопрос: кто он такой и каковы его интересы в СССР? И он непоколебимо стоял на одном и том же: бизнесмен, совладелец фирмы химических продуктов, доктор социологии, приехал в Советский Союз, чтобы изучить возможности заключения торговых соглашений.

Фастова, оказывается, он видит в первый раз. Все это подстроено.

Среди вещей Казимира Михайловича обнаружили аргентинский паспорт на другое имя. Казимир Михайлович, не моргнув глазом, сказал, что паспорт ему подброшен.

Было очевидно, что сбить Казимира Михайловича с его позиций — позиций бизнесмена и социолога — не удастся, а если и удастся, то ценой очень долгих допросов. И хотя допросы велись в обычные рабочие часы, днем, в хорошо проветренной комнате, майор Сысоев ни себе, ни упорному старику здоровья портить не хотел. При очередном допросе вдруг сказал Казимиру Михайловичу:

— Какой же вы мистер Дей? Мы вас знаем очень хорошо. Мы вас ждали, Паскевич.

После, рассказывая товарищам об этом моменте, Сысоев очень сожалел, что у него не было киноаппарата, такого, какой имелся у Казимира Михайловича. «Момент, достойный запечатления крупным планом», как определил Сысоев.

Казимир Михайлович не упал в обморок, не хватал судорожно ртом воздух и даже не пролил воды. Он вздрогнул и застыл, с ужасом уставившись на Сысоева. А тот вынул из стола выцветшую папку, извлек из нее плотный лист бумаги с грифом, исполненным готическим немецким шрифтом, и, встав и обойдя стол, подержал этот лист перед лицом Казимира Михайловича. Вот тогда-то Паскевич в одну минуту сделался настоящим старикашкой.

Однако напрасно Сысоев рассчитывал, что Паскевич сдастся без боя. Еще три месяца мотал он нервы множеству людей: он требовал доказательств, требовал живых свидетелей его гнусных деяний.

Нашли свидетелей, добыли доказательства. И состоялся суд, приговоривший Казимира Михайловича Паскевича к смертной казни. Он подал прошение о помиловании. Его помиловали, заменив расстрел пятнадцатью годами колонии строгого режима.

Еще раньше, при первых шагах следствия, посольству было сообщено, что мистер Дей задержан с полицией и будет судим по советским законам. Так Роджерс узнал, что его подручный арестован в южном городе, куда поехал к Фастову за деньгами.

О Паскевиче двух мнений быть не могло, но с Фастовым как поступать? Он совершил преступление, за которое уголовный кодекс предусматривает самую суровую кару — от десяти до пятнадцати лет заключения. Но Фастов искренне раскался — искреннее не бывает. Фастов активно и сознательно, по доброй воле помогал следствию, при его участии был арестован Паскевич.

Люди порою склонны быстро забывать и прощать обиды и даже злодеяния, это в их характере, тем более, если преступивший закон повинулся. Иного человека, кипящего справедливым негодованием при виде преступника, можно в полчаса превратить в его горячего защитника. Но правосудие не может уподобляться человеку, у которого рассудок полностью подчинен эмоциям.

Фастова судили. Приговор оказался мягким.

Перед отправкой из города ему разрешили свидание с женой. И, может быть, никогда прежде они не испытывали такого глубокого чувства взаимной любви. Прошедшее словно сняло ржавчину с их отношений. Предстоящая разлука не пугала ни его, ни ее. Валентина все пыталась мужа, считает ли он ее виноватой в том, что осужден, а он целовал ей руки и благодарил. Кто знает, куда бы завела его нелегкая, если бы она не пошла тогда в парходство. Он ведь ее не слушал, шлея под хвост попала. А у Миши Суликошвили хватка мертвая...

Джордж был выдворен из страны за деятельность, враждебную советскому народу.

Перепуганный Ричард Славский дал беседавшему с ним чекисту честное слово, что никогда не вернется к тому образу жизни, который он считал таким сладким. И детям своим закажет, если они у него появятся, конечно...

ЭПИЛОГ

Капитан Краснов еще в угрозыске четко осознал, что нельзя смотреть на жизнь и на людей сквозь призму тех дел, которыми ему приходилось заниматься. Его не надо было убеждать, что его «клиенты» — лишь «редко встречающиеся иногда в отдельных случаях нетипичные преступные элементы». Он не помнил, где прочел или услышал эту неуклюжую формулировку, но она существовала. Было время, когда он боялся очерстветь и озлобиться, но оно давно прошло. На любом пшеничном поле могут появиться сорняки. Их нужно вырывать. А лучше не допускать.

Дело Храмова — Фастова — Паскевича было первым большим делом Краснова на работе в органах госбезопасности. Обозревая все, что произошло в его рамках, он видел людей откровенно враждебных, преступников по убеждению, людей запутавшихся и просто легкомысленных. Такова уж специфика его работы: хорошие, нормальные люди не нуждаются в сугубом внимании чекистов — они нуждаются только в их защите, в щите. Да и, в сущности, занимались они одной личностью — Паскевичем. А на гнилом дереве кого увидишь? Червяков да пауков. А лес стоит чистый...

Не ахти какое оригинальное соображение, но оно всегда верное, никогда не стареющее: если гнилое дерево не убрать своевременно из леса, от него заразятся другие деревья. А живое жалко.

Что же сказать о людях, которые из-за каких-то подлых созданий, недостойных человеческого имени, мучаются, страдают и едва не теряют то, что отличает человека от звероподобного существа, — веру в добро и бескорыстие?

Самую большую боль испытывал Краснов, когда думал о Валентине Фастовой. Он не считал себя способным до глубины проникнуть в женскую душу, заглянуть в сердце матери маленького мальчика, чей отец, которому поклонялись как богу, сделался вдруг преступником. Но он мог себе представить, сколько горя она приняла, какую неизбывную, непереносимую боль испытала. Любовь и долг — кажется, эти два великих чувства по всем земным законам должны быть слиты воедино и помогать друг другу. Нет, оказывается, не всегда и не везде. Чуть отступил Юрий Фастов от честных правил, чуть поддался низменным желаниям — в эту щель тут же проникла ложь и грязь. А там, где ложь и грязь, появляются такие, как Казимир Паскевич и Миша Суликошвили. И вот уже сломана жизнь прекрасной женщины, рушится семья, и маленький мальчик лишается отца. Краснову моментами казалось, что он физически ощущает страдания, выпавшие на долю Валентины Фастовой.

«Первый спектакль о вожде»

В № 16 «Огонька» за прошлый год была опубликована заметка «Первый спектакль о вожде». Автор ее А. Логинов обращался к читателям с просьбой откликнуться, если кто-либо знает подробности об исполнителе роли В. И. Ленина в пьесе «Гибель самодержавия».

Оказалось, что имя Юрия Викторовича Тарича, руководителя и режиссера курсантского театра, впервые на сцене воплотившего образ вождя, не забыто. Написали нам бывшие кремлевские курсанты москвич Василий Евстигнеевич Тарунтаев, один из авторов сборника «В. И. Ленин и кремлевские курсанты», Георгий Иванович Лятоха из Ялты, ростовчанин Сергей Иванович Кретов, ленинградец Михаил Борисович Прудников, когда-то тоже игравший на сцене клуба имени Я. М. Свердлова и опубликовавший свои воспоминания в том же сборнике «В. И. Ленин и кремлевские курсанты». О Ю. В. Тариче написали студентка Львовского университета Н. Козачук, москвич пенсионер А. Р. Мартынов, ленинградец В. А. Андреев и другие.

Сохранился материал о Тариче и в архиве музея Московского высшего общевойскового командного ордена Ленина краснознаменного училища имени Верховного Совета РСФСР, о чем нам сообщил начальник музея Г. Будянский.

С января 1919 года училище располагалось в Кремле. В то время это была первая советская пулеметная школа по подготовке командного состава. У школы был свой клуб имени Я. М. Свердлова, в котором велась большая культурно-просветительская работа. Особым успехом пользовалась драматическая секция. Там ставились новые спектакли, организовывались сатирические «политсуды», разыгрывались «живые газеты». Пьеса-хроника «Гибель самодержавия» была создана самими курсантами, руководителями театра вскоре после смерти Владимира Ильича. В ней были использованы отрывки из литературных произведений, исторических документов и газетной хроники. В роли В. И. Ленина выступил один из руководителей курсантского театра, режиссер Юрий Викторович Тарич. Среди первых зрителей были Н. К. Крупская, М. И. Ульянова. После представления Мария Ильинична подошла к курсантам и сказала, что Владимир Ильич на сцене похож на живого Ильича.

Интересные биографические сведения о Ю. В. Тариче сообщил нам ветеран войны и труда А. Танзыбаев из Челябинска.

Оказалось, подлинная фамилия Юрия Викторовича — Алексеев. Родился он 24 января 1885 года в Полоцке, в семье артиллерийского офицера Виктора Гавриловича Алексеева. В 1903—1905 годах учился на юридическом факультете Московского университета. Был арестован за участие в революционном движении 1905 года и сослан на три года в Сибирь, в глухую таежную деревню Тара, Тобольской губернии (ныне город Тара, Омской области). Здесь он взял псевдоним Тарич. Театральная деятельность настолько увлекла Юрия Викторовича, что он продолжает ее в Чите, Благовещенске, Хабаровске, Тамбове.

Но многим Тарич известен и как постановщик фильмов «Буллат-Батыр», «Лесная быль», «Крылья холопа». Последний из них заслужил похвалы А. Луначарского, а в 1928 году на конкурсе в США одновременно с «Броненосцем «Потемкин» Эйзенштейна и «Матерью» Пудовкина вошел в число лучших фильмов мира.

Юрий Викторович Тарич — заслуженный деятель искусств РСФСР и БССР, умер в 1967 году. Он был награжден орденами Трудового Красного Знамени, «Знак Почета» и медалями.

Первый исполнитель роли В. И. Ленина — Ю. В. Тарич.

А потом по контрасту ему вспоминался Ричард Славский, Джордж и их недоразвитая паства из клуба «Дискуссия». Этим-то вряд ли доступны хоть какие-то сильные чувства. Ни большого горя, ни большого счастья они не сумеют, наверное, испытать никогда, и Валентину Фастову им не понять.

Ну, с Джорджем все предельно ясно: это враг, работающий за плату. Подобные Ричарду подбирают огрызки, хотя и считают себя при этом аристократами. Надо полагать, получив урок, Ричард Славский кое-что понял и теперь направит все свои наличные способности на собственное нормальное развитие, а стало быть, на благое дело.

Что касается паствы, Краснову хотелось бы собрать вместе этих зарвавшихся юнцов и развязных девиц — не под эгидой клуба «Дискуссия», разумеется, — и сказать им краткую речь. Он сказал бы примерно так:

«Мои молодые слушатели! Выньте сигареты изо рта и перестаньте жевать резину. Послушайте меня внимательно. Чего вы хотите, разглагольствуя о преимуществах западного образа жизни, которого вы и не нюхали? Вы же не знаете, как пахнет слезоточивый газ, когда им окуривают толпу демонстрантов где-нибудь в Соединенных Штатах, и не имеете понятия, какой вкус бывает у полицейской дубинки, когда ею разбивают человеку зубы где-нибудь в Западной Европе. Вы не стояли в длинных очередях на бирже труда.

Если вы как потребители диетических куриных яиц мало-мальски знакомы с птицеводством, то должны знать, что есть такое народное словечко «болтун», — оно относится к яйцу, из которого никакая курица не сможет высидеть цыпленка.

Надеюсь, я выражаюсь достаточно популярно.

Вы мне крайне несимпатичны, малоуважаемые бывшие члены клуба «Дискуссия», извините за откровенность. Но я твердо уверен, что пройдет совсем немного времени, вы подрастаете, и вам будут смешны и горьки эти сомнительные увлечения более чем сомнительными проповедями вашего бывшего знакомого Джорджа — смешны, если не противны.

Вы еще молоды — у вас все впереди. Так будьте же людьми, никогда не забывайте, кто дал вам жизнь и крылья.

Спасибо за внимание».

Поняли бы они его или нет? Наверное, должны бы понять...

Рассуждая так, капитан Краснов шел на последнюю — он это знал — встречу с Евгением Петровичем Храмовым. Перед тем они виделись на квартире у Храмова неделю назад. Квартира уже была пуста — Храмов все распродал за полцены соседям. Оставались только кровать и холодильник.

Распродаже предшествовало четыре месяца совершенно необычного единоборства. Тридцатипятилетний капитан госбезопасности Краснов учил жить пятидесятилетнего старшего преподавателя института Храмова. На это стоило посмотреть.

В первый месяц после происшедшего Евгений Петрович держал себя нервически.

Капитан Краснов не уважал людей, которые в раскаянии рвут на себе волосы и плачут. У него была на этот счет своя теория. Он утверждал, что слезы растворяют раскаяние и удаляют его из организма. И что ж там остается? Ничего. Настоящее раскаяние должно долго оставаться в душе человеческой.

А Евгений Петрович много плакал. И в этот «мокрый» период Краснов с ним разговаривать не хотел.

Затем наступил период мученичества. Тут они уже разговаривали, и Храмов обильно цитировал Федора Михайловича Достоевского, сочинения которого знал досконально. Краснов увидел просвет в настроении Храмова. Евгений Петрович уверял, что жаждет пострадать, и был рад услышать от Краснова, что его действия могут быть квалифицированы судом как преступные и повлечь за собой кару в виде лишения свободы.

Он действительно заслужил такую кару, но с ним обошлись крайне гуманно. Есть такая щадящая мера — предостережение. Храмов его и получил, расписавшись в получении.

И тут настал третий период — ощущение полной пустоты внутри и полной непричастности к внешнему. Положим, все внешнее, окружавшее его, Храмов и прежде считал чуждым себе, но он чувствовал его живое присутствие хотя бы потому, что мог ругать все сущее и пускать в него отравленные стрелы. Что касается внутренней жизни, высоких взлетов духа и прочего, то тут Евгений Петрович ощущал всегда свою непревзойденность. И вот, пожалуй, ни того, ни другого. Но...

Бывают утери слаще обретений. И это с изумлением открыл для себя Евгений Петрович на шестидесятом году жизни. Все, что ушло от него и из него, очистило место для чего-то иного — не обязательно из ряда вон выходящего, пусть обычного, самого обыкновенного, но для чего-то такого, что прежде было ему неведомо. А проще — для нормального человеческого мироощущения и осознания себя в мире других людей.

Этот третий период и свел Храмова с Красновым. Храмов, оставшись в полной, как вакуум, пустоте, искал общения с человеком живым. Краснов считал себя обязанным не оставлять его в беде. И это дало свои плоды. Первое, что сделал Храмов, — занес визит профессору Терехову и просил у него прощения. Предлагал в письменной форме, через стенную печать института, изложить свою вину. Но профессор простил его и так. Затем Храмов подал заявление в ректорат с просьбой об отчислении по причине его недостойного поведения. Просьбу удовлетворили. Тогда-то он и ощутил острое чувство одиночества. И позвонил Краснову...

Если принять во внимание особенности биографии Евгения Петровича, не покажется поразительным, что Краснов, годившийся ему в сыновья, обладал гораздо более обширным жизненным опытом. Да и вообще у чекиста в этом отношении много преимуществ по сравнению с людьми других профессий.

Старость и молодость поменялись местами. Старость вопрошала, молодость подыскивала подходящие случаю ответы, облекая их в форму, доступную пониманию неразвитого ума.

— Вы знаете, — сказал Краснову Евгений Петрович, когда они встретились впервые вне стен управления, на Приморском бульваре, — у меня на книжке много денег, хватит на десять лет. А мне до пенсии всего один год.

— Можно позавидовать.

Но Храмов уловил истинный смысл ответа.

— Вы правы, не в этом дело.

— Если бы в сберкассе можно было складывать неизрасходованные силы, — вздохнул Краснов.

— Я не читал о такой возможности даже в научно-фантастических романах. — Храмов тоже вздохнул.

— Так что же, будете доедать сберкнижку?

— А что же еще? Уеду я отсюда. Тут меня люди знают. Стыдно в глаза смотреть. Уеду. Буду доедать сберкнижку.

Евгений Петрович изобразил жалкое подобие саркастического улыбки, которая прежде удавалась ему необыкновенно хорошо.

Недели через три Храмов позвонил Краснову и сообщил, что списался с институтом одного крупного города, расположенного возле Полярного круга. Краснов вначале высказал опасение, что столь резкая перемена климата может не пойти ему на пользу. Но Храмов считал это предрассудками. Для него главное — попробовать сложить жизнь по-новому. И Краснов согласился с этим.

А потом состоялись спешные переговоры с жэком относительно сдачи квартиры и выписки, и вот Краснов идет прощаться с Евгением Петровичем. Он идет и думает, что самым счастливым образом вся эта история кончилась для Храмова. А ведь она с него и началась.

Краснов за прошедший год многому научился. Главное же, он понял, насколько важна его нелегкая работа. Она гораздо важнее и труднее, чем он думал раньше. Его можно было называть бойцом невидимого фронта, солдатом необъявленной войны или как-нибудь еще, это не имеет значения, но он сознавал, что участвует в упорной и бескомпромиссной борьбе, и твердо знал, что никогда не отступит.

К 50-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. В. ЛИПАТОВА

НА ПОРОГЕ

ГЛАВНОЙ КНИГИ

Герои произведений Вилия Липатова от Егора Сузуна до Олега Прончатова и почти легендарного Федора Анискина прочно вошли в нашу жизнь, и порой кажется, что они были с нами всегда. А вместе с ними и Виль Липатов.

Ему всего лишь пятьдесят! Именно всего лишь, потому что тот творческий задор, та неожиданность эксперимента, та новизна восприятия жизни, которые присущи творчеству Липатова, отмечают обычно молодость.

Липатовские герои создают жизнь, ее духовные и материальные ценности так, как могут создавать только истинно русские натуры. Творческий поиск писателя направлен на показ современника наших дней: рабочего, инженера, лесозаготовителя, колхозника, солдата — людей сильных, волевых, понимающих свое предназначение в мире. Герои Липатова неординарны, необычны, их запоминаешь сразу, более того, сразу же начинаешь жить их жизнью.

То, что происходит с героями книг Липатова, может произойти только в наши дни: характерная особенность талантливого художника — запечатлеть приметы современности, чтобы передать их будущему.

Он очень чутко ко всему, что вносит в нашу жизнь течение времени и касается становления человеческих характеров и отношений. Например, Олег Прончатов, герой литературы 60-х годов, носил модную одежду, тре-

бовал комфортных условий труда. И ко всему прочему твердо и решительно заявил, что именно он должен стать директором сплавконторы, ибо считает, что имеет на это право. Долго спорили потом критики, что это: внутренняя убежденность в себе или неприкрытый карьеризм, общественно активное отношение к делу или честолюбивые устремления. В повести «Сказание о директоре Прончатове» Липатов сумел создать характер человека, который крепко стоит на своем месте, на своей родной малой тагарской и большой русской земле.

Виль Липатов увлеченно ищет новые формы для своих произведений. Так, полгода пробыв на Волжском автозаводе, он записал на диктофон сотни метров пленки разговоров с рабочими и потом создал книгу «Издалека долго...». Книгу спорную в самой своей основе. Как это писатель слово в слово записывает речь своих героев? Но книга вышла, получилась, читатель ее принял. И здесь не подвел Липатова его журналистский темперамент, опыт тех лет, которые он отдал работе в сибирской газете.

Писатель защищает чистоту и богатство русского языка от засорения, от обеднения. Он страстно призывает писателей сохранять народную основу языка. В своих произведениях В. Липатов щедро пользуется всей многообразной гаммой русской речи, создавая яркие, выразительные художественные полотна.

Приняв эстафету мастерства у Алексея Толстого, Вячеслава Шишкова, Леонида Леонова, Липатов передает ее дальше. Много сил отдает он работе с литературной молодежью. Став известным писателем, он не уединился, не замкнулся в тиши кабинета. Сегодня он председатель Всесоюзного совета по работе с молодыми литераторами.

Липатов работает очень много. Не успели утихнуть страсти вокруг его прежних романов и повестей, как он объявляет о новой работе. Вот и сейчас он закончил роман «Игорь Саввович», в котором вновь поднимает проблему личной ответственности каждого человека перед самим собой и перед другими людьми.

Писатель заявил недавно: «Мы еще не все сказали, мы, хотим знать, в расцвете. Пятьдесят лет прозаике — пятьдесят лет подготовки к главной книге».

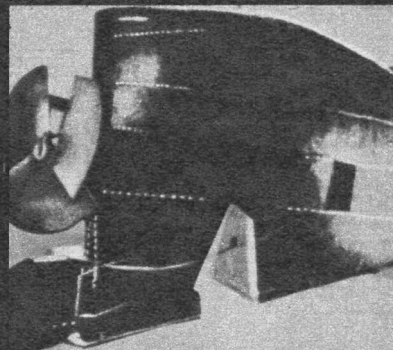
Писатель на пороге главной книги. Мы ждем ее.

Феликс МЕДВЕДЕВ

ПЕСТРЫЕ СТРАНЫ

Музейный экспонат

Перед вами на снимке подводная лодка, построенная в Германии в прошлом веке. Изобретатель этого корабля Вильгельм Бауэр 1 февраля 1851 года опустился в своем детище на глубину 15 метров. Несколько лет назад подводная лодка была реставрирована. В настоящее время она демонстрируется в музее Национальной народной армии ГДР.

Крути баранку и педали

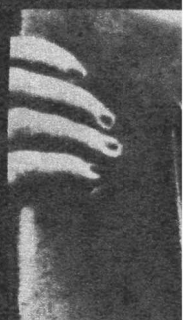
В капиталистических странах постоянно растут цены на бензин.

И вот на свет божий явился педальный автомобиль для взрослых. Сконструировали его японские специалисты. Машина продумана очень тщательно: высокоэффективная система рычажных педалей, сверхлегкий, но достаточно прочный кузов и удобное место водителя. Педальный автомобиль развивает скорость до 20 километров в час.

На всякий случай

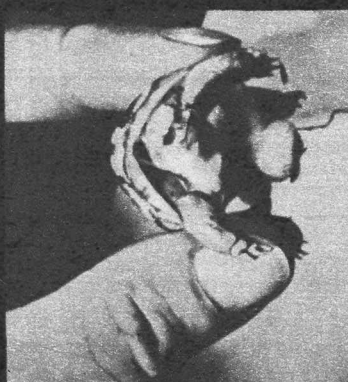
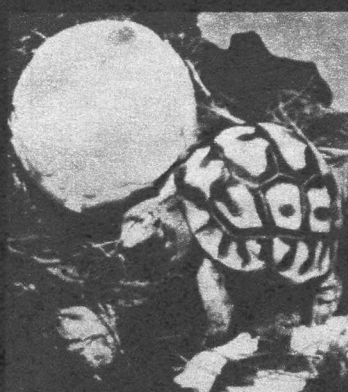
Так назвали новую модель дамской сумки, появившуюся в парижских магазинах. Сбоку сумки вшита кобура для пистолета.

НИЦЫ

Ну погоди, зуб!

Дети успокаиваются, когда в зубном кабинете вместо мрачного дантиста в белом халате появляется доктор Морт Смит, одетый в костюм, напоминающий зайца. Детям это очень нравится, и зуб уже почти не болит. Такую сценку можно наблюдать в одном из лечебных учреждений Лос-Анджелеса.

Бывает и такое

Девушка вела машину не спеша. И вдруг в ветровое стекло вломился столб и прошил автомобиль насковзь. Это случилось в одном городке штата Огайо (США). К счастью, все обошлось благополучно. Столб, сбитый грузовиком, не принес Сюзан Роджерс никакого вреда.

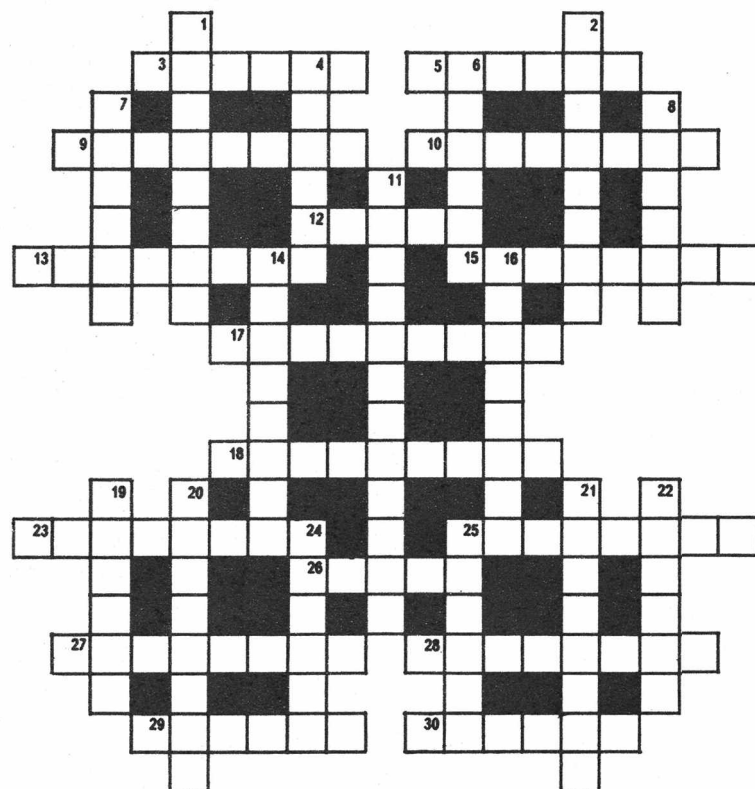
Парад барабанов

Ни один современный оркестр не обходится без ударника. Однако публика еще плохо знает различные виды барабанов, тарелок, литавр, гонгов. Чтобы познакомить любителей музыки с этими инструментами, Сильвио Гальда дал в Парижской опере сольный концерт. Различные произведения музыкант исполнял на двухстах пятидесяти ударных инструментах.

Уникальный эксперимент

Недавно в одном из зоопарков Швеции зоологи были свидетелями редчайшего случая. Из заложенного ими в инкубатор яйца сямской лесной черепахи вылупилась маленькая черепашка. Наблюдавшая за ее рождением Инга Халлберг сфотографировала появление на свет этого неторопливого существа.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

3. Спортивный снаряд. 5. Античная ваза. 9. Город в ГДР. 10. Способ обогащения руд и других полезных ископаемых. 12. Немецкий драматург. 13. Разновидность капусты. 15. Радиоактивный элемент. 17. Геодезический инструмент. 18. Русский изобретатель XIX века, разработавший схему реактивного летательного аппарата. 23. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Чародейка». 25. Раздел поэтики. 26. Рассказ М. Горького. 27. Умеренный темп в музыке. 28. Учение о прекрасном в искусстве, жизни, природе. 29. Народный художник СССР, автор цикла картин «Моя Родина». 30. Русский металлург XIX века.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Образец, эталон изделия. 2. Стальной каркас железобетонного сооружения. 4. Стихотворение в прозе И. С. Тургенева. 6. Остров в Средиземном море. 7. Северное созвездие. 8. Пушной зверь. 11. Наука о земной атмосфере. 14. Корабельная лебедка для подъема якоря. 16. Рабочий, обслуживающий двигатели. 19. Газ. 20. Кондитерское изделие. 21. Элементарная частица. 22. Небольшая промысловая рыба. 24. Автономная советская республика. 25. Птица рода соколов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 15

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Лигатура. 6. «Турандот». 7. Орнитология. 11. Мандалина. 13. Нагано. 14. Ушаков. 15. Гамак. 17. Октава. 18. Плотва. 20. Рубин. 23. Фундук. 24. Игарка. 25. Австралия. 28. «Шоколадница». 29. Поплавок. 30. Амуниция.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Дипломат». 2. Бронза. 3. Фургон. 4. Фокстрот. 8. Обойма. 9. Красноводск. 10. Спартанка. 11. Молотилка. 12. Аудитория. 15. Говор. 16. Кулон. 19. Фурманов. 21. Бурка. 22. Сказание. 26. Вектор. 27. Идиома.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В. И. Ленин. Рисунок народного художника СССР Н. Н. Жукова.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Смольном. Фото Н. Ананьева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПолов (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-32-45.

Сдано в набор 28/III 1977 г. А 00328. Подп. к печ. 13/IV 1977 г. Формат 70 × 108¹/₈. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 955. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 355.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

Главный дирижер Б. Ф. Дылдин.

Фото Г. Розова

...С

молкли фанфары и трубы, затихли барабаны. И, как один человек, все восемьдесят военных музыкантов замерли с молодцеватой выправкой.

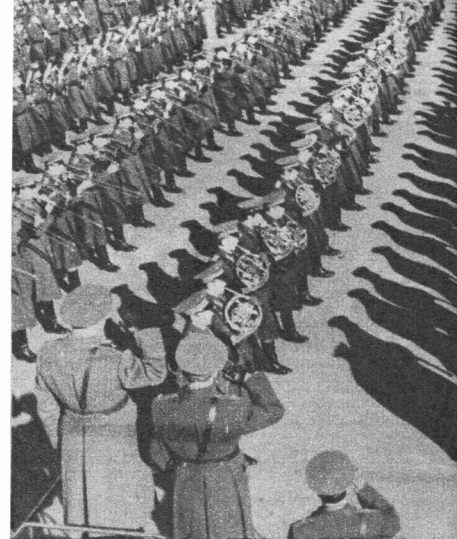
«Я и не подозревал, что наш государственный гимн можно исполнить так красиво!» — сказал президент одной страны, приехавший впервые в Советский Союз...

Мы часто видим этих солдат и офицеров по телевидению в программе «Время». Правда, их лица редко удается разглядеть и запомнить, потому что в тот момент, когда играют военные музыканты, наше внимание бывает приковано к людям, для кого звучит приветственный марш Образцового военного оркестра Почетного караула.

— Наш оркестр встречал первого в мире космонавта, — рассказывает художественный руководитель, заслуженный артист РСФСР подполковник Борис Федорович Дылдин. Да, первой мелодией родной Москвы стали для Юрия Гагарина торжественные аккорды «Все выше...». Оркестранты вложили в свою музыку всю гордость людей Земли за ее крылатого сына, их любовь и признательность.

Уже более двадцати лет музыканты оркестра вместе с отдельной ротой Почетного караула участвуют во встречах и проходах зарубежных государственных деятелей, партийно-правительственных и военных делегаций. Зимой и летом, в любую погоду проводят музыканты этот важный ритуал, всегда поражая и радуя приезжих ярким профессиональным исполнением гимна гостей, хотя разучивать мелодию — и притом наизусть — нередко приходится за очень короткие сроки. Восхищает гостей четкость и слаженность движений музыкантов, которые играют и одновременно маршируют, сопровождая делегацию.

Согласимся, что при новом знакомстве очень важны именно первые впечатления, и тому, что для наших зарубежных гостей они бывают приятными, немало способствует Образцовый оркестр. Все его музыканты отличаются высокой профессиональной подготовкой, позволяющей исполнять произведения самых разных жанров и стилей, современные и классические. С большими концертами духовой музыки оркестр выступает в садах и парках, клубах и цехах заводов. Образцовый оркестр приветствует съезды, участвует в открытии памятников-мемориалов, возложении венков. А Седьмого ноября — во время парада и демонстрации трудящихся — он является правифланговым огромного сводного оркестра Московского гарнизона. Вот и в нынешнем юбилейном году на Красной площади нас будет встречать и провожать энергичная, величавая, светлая и праздничная Музыка...

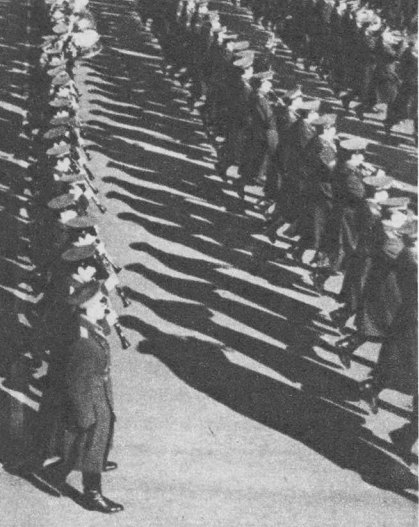
С. Бескровнов (лира).

В. Корзунин (тарелки).

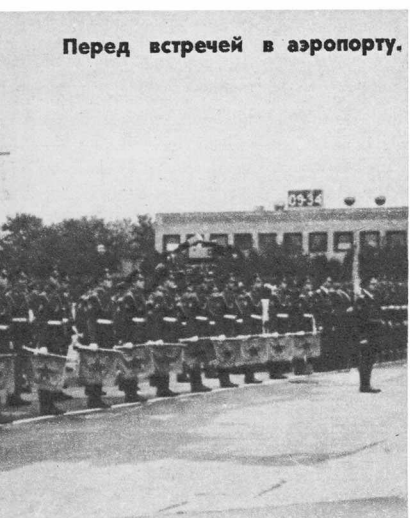
ИГРАЮТ ВОЕНН

Правофланговый сводного оркестра.

В. Боровлев [большой барабан].

Перед встречей в аэропорту.

Звучат фанфары...

ЫЕ МУЗЫКАНТЫ

Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

